

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК VI(III)

СЕРИЯ Б. НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОМОНОСОВА

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ**

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК VI(III)

СЕРИЯ Б. НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

**ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ» 2010 ГОДА**

**Севастополь
2011**

Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск VI (III). Серия Б. Новая и новейшая история. Избранные материалы VIII Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В.И. Кузищина. - Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2011. – 139 с.

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам отобранных оргкомитетом для публикации докладов профессоров, преподавателей и студентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Филиала МГУ в г. Севастополе, сотрудников научных и музейных учреждений России, Украины, Крыма и Севастополя, прочитанных 6-7 октября 2010 г. на заседаниях VIII Международной научной конференции «Лазаревские чтения».

Представленные статьи будут интересны широкому кругу специалистов в области истории, политологии, культурологии и краеведения.

Редакционная коллегия:

Трифонов В.А.,	кандидат химических наук, доцент, директор Филиала МГУ в г. Севастополе.
Иванов В.А.,	доктор физико-математических наук, профессор, академик НАН Украины, зам. директора Филиала МГУ в г. Севастополе по научной работе.
Кузищин В.И.,	доктор исторических наук, профессор, советник декана исторического факультета МГУ, зав. кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (главный редактор).
Усов С.А.,	доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Филимонов С.Б.,	доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зав. кафедрой истории России ТНУ им. В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
Юрченко С.В.,	доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, заведующий кафедрой политологии ТНУ им. В.И. Вернадского, зам. директора по научной работе КРУ «Ливадийский дворец» (зам. главного редактора).
Цимбаев Н.И.,	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XIX – начала XX веков исторического факультета МГУ.
Бойцова Е.Е.,	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, проректор по научной работе Севастопольского городского гуманитарного университета.
Ставицкий А.В.,	кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Мартынкин А.В.,	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Ушаков С.В.,	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Хапаев В.В.,	кандидат исторических наук, зам. заведующего кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (ответственный секретарь).
Викторов Ю.Г.	кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.

Публикуется по решению Оргкомитета Международной научной конференции «Лазаревские чтения»

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
<i>Мемории</i>	
Филимонов С.Б. По следам прототипов эпопеи И.С. Шмелева «Солнце мертвых»: к 90-летию со времени начала красного террора в Крыму	6
<i>Новая история</i>	
Арутюнян Л.В. Светлейший князь М.С. Воронцов и католикос армян Нерсес V	22
Бойцова Е.Е. Политика российской государственной власти по отношению к нехристианским конфессиям на территории Таврической губернии на рубеже XIX – XX веков	27
Викторов Ю.Г., Талызенкова М.Г. Религиозные взгляды Н.И. Костомарова	36
Лейбенсон В.Г. Формирование системы образования в России во второй четверти XIX века	48
Терещук Н.М. Роль представителей торгового сословия в религиозно-нравственных устоях г. Севастополя в XIX век	53
Фесенко А.А. Новый взгляд на деятельность адмирала А.С. Грейга – главного командира Черноморского флота и портов Черного моря, военного губернатора Николаева и Севастополя в 1816-1833 годах	59
<i>Новейшая история</i>	
Крапивенцев М.Ю. Секретный Доклад председателя Полномочной комиссии ЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма Ш.Н. Ибрагимова: текст и комментарий	64
Кузьмина А.В. История Севастопольского винодельческого завода (проект музейной экспозиции)	73
Ткаченко С.Н. Действия авиации Севастопольского оборонительного района по обеспечению крымских партизан в 1942 году	80
<i>История педагогики</i>	
Коваленко Л.М. Поисково-исследовательская деятельность с младшими школьниками на основе местного краеведческого материала	88
<i>Научное творчество студентов</i>	
Безденежный П.В. Личность Эрнста Иоганна Бирона в отечественной историографии	96
Веселов В.И. Русины Закарпатья: к постановке вопроса об этнической принадлежности	103
Иванова В.А., Михайлюк С.В. Военные корреспонденты в обороне Севастополя. Лазарь Лагин и Александр Хамадан	108
Крапивенцева В.А. К вопросу о гуманитарной катастрофе в Крыму в 20-х гг. XX в.	112
Кудашкина Н.А. Вклад Л.С. Голицына в развитие крымского виноделия	117
Чибисова И.О. К вопросу о трактовке Великой Отечественной войны в украинских школьных учебниках по истории	122
Шевчук А.И. Столыпина и Севастополь	127
Шульга О.А. Кузница летных кадров (к 100-летию Качинской школы)	134
Сведения об авторах	138

ПРЕДИСЛОВИЕ

Международная научная конференция «Лазаревские чтения» проводится в Филиале МГУ в городе Севастополе с 2002 года. С 2005 года в рамках конференции работает секция «Новая и новейшая история России и стран Причерноморья». Выделение этой секции в самостоятельное направление было связано со значительным интересом участников конференции к исторической проблематике, связанной с новым и новейшим периодами Отечественной истории и истории стран Черноморского бассейна.

В третьем выпуске сборника в пяти разделах представлены статьи, подготовленные участниками конференции 2010 года. Разделы отражают основные направления научной дискуссии в рамках секции: мемории, новая история, новейшая история, история педагогики; в особый раздел выделены статьи, написанные студентами.

В первом разделе представлено исследование С.Б. Филимонова «По следам прототипов эпопеи И.С. Шмелева «Солнце мертвых»: к 90-летию со времени начала красного террора в Крыму», в котором анализируются уникальные архивные документы судебно-следственных дел прототипов персонажей известной книги И.С. Шмелева. Материалы статьи позволяют ярче представить обстановку в Крыму после захвата полуострова Красной Армией и развертывания на его территории большевистского террора.

В разделе «Новая история» размещены исследования по истории Крыма и Севастополя XIX – начале XX вв., а также статьи, посвященные отдельным проблемам, связанным с развитием отечественного образования и науки в XIX веке.

В работе Л.В. Арутюнян «Светлейший князь М.С. Воронцов и католикос армян Нерсес V» рассматриваются взаимоотношения между известным армянским общественным и религиозным деятелем католикосом Нерсесом V, сыгравшим важную роль в политических и военных событиях, связанных с присоединением Армении к России, и российским государственным деятелем князем М.С. Воронцовым, одной из многочисленных заслуг которого была работа по благоустройству и развитию Крыма в первой половине XIX века. Политику российской государственной власти по отношению к нехристианским конфессиям Таврической губернии на рубеже XIX-XX вв. рассматривает Е.Е. Бойцова.

Объективный взгляд на благотворительную деятельность севастопольского купечества представлен в основанном на архивных материалах исследовании Н.М. Терещук «Роль представителей торгового сословия в религиозно-нравственных устоях г. Севастополя в XIX веке». На необходимости корректировки представлений о деятельности адмирала А.С. Грейга, которая в предшествующей историографии оценивалась почти исключительно негативно, настаивает А.А. Фесенко, автор статьи «Новый взгляд на деятельность адмирала А.С. Грейга – главного командира Черноморского флота и портов Черного моря, военного губернатора Николаева и Севастополя в 1816-1833 годы». Внести изменения в устоявшуюся историографическую традицию предлагают также авторы исследования «Религиозные взгляды Н.И. Костомарова» Ю.Г. Викторова и М.Г. Талызенкова. Система управления конфессиональной деятельностью жителей Таврической губернии, которая может служить примером организации толерантного взаимодействия различных религиозных общин в полиэтническом регионе, анализируется в статье Е.Е. Бойцовой «Политика российской государственной власти по отношению к нехристианским конфессиям на территории Таврической губернии на рубеже XIX – XX веков». Над общими проблемами формирования системы образования в России во второй четверти XIX века размышляет один из авторов представляемого сборника В.Г. Лейбенсон.

В разделе «Новейшая история» рассматриваются проблемы развития Крыма и Севастополя в XX в., события Второй обороны города в 1941-1942 годах.

В статье М.Ю. Крапивенцева “Секретный Доклад председателя Полномочной комиссии ЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма Ш.Н. Ибрагимова: текст и комментарий” анализируются документы и политика Советской власти, связанные с процессом создания Крымской АССР в 1921 году; в приложении к статье впервые публикуется один из важнейших источников по этой теме. С.Н. Ткаченко в работе “Действия авиации Севастопольского оборонительного района по обеспечению крымских партизан в 1942 году”, используя архивные документы, дает развернутое описание деятельности воинских частей, дислоцировавшихся в Севастопольском оборонительном районе. О том, каким бы мог стать музей знаменитого севастопольского предприятия размышляет автор статьи “История Севастопольского винодельческого завода (проект музейной экспозиции)” А.В. Кузьмина.

В разделе «История педагогики» роль краеведения в контексте развития школьного образования на примере проведения детского конкурса «Я – исследователь» анализируется в работе Л.М. Коваленко “Поисково-исследовательская деятельность с младшими школьниками на основе местного краеведческого материала”.

Разнообразна тематика студенческих исследований, представленных в заключительном разделе «Научное творчество студентов». Здесь рассматриваются вопросы истории Крыма и Севастополя в XIX-XX вв., судьбы известных исторических деятелей, проблемы взаимоотношений народов Крыма и Украины (в том числе в историографическом аспекте), изучаются образы известных исторических деятелей в историографии.

Отдельные установки украинской государственной идеологии проанализированы в статье А.А. Чибисовой “К вопросу о трактовке Великой Отечественной войны в украинских школьных учебниках по истории”. В статье “Личность Эрнста Иоганна Бирона в отечественной историографии” П.В. Безденежный анализирует возникновение и преемственность негативного мнения о Бироне в работах русских и советских историков. В.И. Веселов в работе “Русины Закарпатья: к постановке вопроса об этнической принадлежности” рассматривает проблемы русинской идентичности основной части населения Закарпатья в связи с политикой государств, в составе которых находились эти земли. Применение биографического метода позволило автору исследования “Столыпины и Севастополь” А.И. Шевчуку раскрыть вклад представителей знаменитой фамилии в развитие города и флота, а В.А. Ивановой и С.В. Михайлюку в статье “Военные корреспонденты в обороне Севастополя. Лазарь Лагин и Александр Хамадан” – показать значение журналистской деятельности для войск и жителей города, оборонявших Севастополь в 1941-1942 годах. Результаты изучения истории винодельческого предприятия «Новый Свет» и многоплановой деятельности его основателя князя Л.С. Голицына представлены в работе Н.А. Кудашкиной “Вклад Л.С. Голицына в развитие крымского виноделия”. Юбилею первой в России военной летной школы и плеяде ее блестящих воспитанников, ставших знаменитыми асами, посвящена заметка О.А. Шульги “Кузница летных кадров (к 100-летию Качинской школы)”. Новый взгляд на события 1921-1923 гг. в Крыму и характеристика бедствий этого периода продемонстрированы в статье В.А. Крапивенцевой “К вопросу о гуманитарной катастрофе в Крыму в 20-х гг. XX века”. В основу этого исследования легли данные источников из украинских и российских государственных архивов.

Оргкомитет Международной научной конференции «Лазаревские чтения» приглашает историков, политологов, культурологов, а также студентов, магистрантов и аспирантов соответствующих специальностей, проживающих в государствах Причерноморья, к научному сотрудничеству, аргументированным и толерантным дискуссиям, как на заседаниях конференции, так и на страницах сборника «Причерноморье. История, политика, культура».

Оргкомитет

I МЕМОРИИ

ПО СЛЕДАМ ПРОТОТИПОВ ЭПОПЕИ И.С. ШМЕЛЕВА «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ»: К 90-ЛЕТИЮ СО ВРЕМЕНИ НАЧАЛА КРАСНОГО ТЕРРОРА В КРЫМУ¹

Филимонов С.Б.

Таврический Национальный университет им. В.И. Вернадского

Классик русской литературы Иван Сергеевич Шмелев (1873 – 1950) с июня 1918 г. по март 1922-го жил и творил в Алуште. Здесь он был свидетелем таких жутких последствий Гражданской войны, как красный террор (жертвой которого стал и сын писателя – 24-летний белый офицер-инвалид Сергей Шмелев, расстрелянный в Феодосии в январе 1921 г.), разруха, голод. Ужасы эти И.С.Шмелев отобразил в документальной эпопее «Солнце мертвых». По авторитетному мнению известного писателя и критика А.В. Амфитеатрова, *«более страшной книги не написано на русском языке...»*

В 2000 г. в Алуште вышла интереснейшая книга крымского литературоведа Лии Поповой «Шмелев в Алуште». В ней охарактеризован крымский период жизни и творчества писателя, определен круг его друзей и знакомых, установлены алуштинские прототипы «Солнца мертвых» и крымских рассказов (в том числе и те лица, имен которых Шмелев не называет – нотариус, дьякон, поп). Книга основана на материалах Алуштинского краеведческого музея, Государственного архива Автономной Республики Крым, семейных архивов, воспоминаниях старожилов.

Поскольку целый ряд прототипов положительных героев «Солнца мертвых» были подвергнуты репрессиям еще при И.С. Шмелеве, а другие вряд ли могли избежать репрессий в дальнейшем, мною была предпринята попытка выявить в архиве Главного Управления Службы Безопасности Украины в Крыму их судебные-следственные дела.

Попытка оказалась успешной. Дела пятерых прототипов эпопеи И.С. Шмелева оказались на моем рабочем столе.

С учетом того, что биографией и литературным наследием И.С. Шмелева интересуются сотни исследователей и миллионы читателей во многих странах мира, эти архивные находки смело можно отнести к разряду сенсационных.

Предлагаю вниманию читателей пять документальных очерков, основанных на материалах выявленных судебные-следственных дел. Очерки расположены в той последовательности, в какой знакомит читателей со своими героями автор «Солнца мертвых».

¹ Статья публикуется в авторской редакции, включая оригинальную систему ссылок (по настоянию автора. – прим. ред.).

Очерк первый. Почтальон Дрозд

Почтальону Дрозду в «Солнце мертвых» посвящена глава «Голос из-под горы». Напомню читателям строки о нем:

«Шуришит за изгородью, шипит... будто змеи ползут на садик. Я вижу через шиповник – ползет гора хвороста и дерев, со свежими остриями рубки. Шипит хвостом по камням дороги. Ползет гора хворосту, придавила человека. Останавливается, передыхает – и слышу глухой голос из-под горы:

- Добрый день...

Через редкий шиповник я вижу волосатые ноги, в садах, мотающиеся от слабости.

- Добрый день, Дрозд. Свалите пока, передохните.

- Нет уж... потом и не подынешь...

Это почтальон Дрозд. Почтальон когда-то... Теперь?.. Какие теперь и откуда письма?! [...]

И вот сложил свою сумку Дрозд и – «занимается по хозяйству».

Каждый день поднимается он мимо моей усадьбы, с топором, с веревкой, - идет за шоссе, за топливом – на зиму запасает. Я слышу его заботливые шаги перед рассветом. Нарубит сухостоя и слег, навалит на себя гору и ползет-шипит по горам, как чудище, через балки – и вверх, и вниз. За полдень проходит мимо, окликнет и постоит: дух перевести надо.

Это – праведник в окаянной жизни. Таких в городке немного. Есть они по всей растлевающейся России.

При нем жена, дочка лет трех и наследник, году. Мечтал им дать «постороннее» образование – всесторонне, очевидно, - дочку «пустить по зубному делу», а сына – «на инженера». Теперь... - впору спасти от смерти. [...]

Он очень любит слова: прогресс, культура. Говорит – «прогресс» и «референдум». Он уважал людей образованных и называл себя... прогрессистом. Он не разбирался в партиях: он только хотел – «культуры». И когда налетели большевики (речь идет о событиях 1919 года. – С.Ф.) и стали хватать по доносам, кого попало, схватили и смиреннейшего Дрозда – «врага народа». То были первые большевики, матросы, дикари, и с ними гимназист из Ялты – командиром. Они посадили Дрозда в сарай, вместе с калекой нотариусом и Иваном Михайлычем, профессором, которому на днях пожаловали пенсию – по фунту хлеба в месяц. Две ночи сидел Дрозд в сарае, ждал расстрела. Спрашивал «господ»:

- За что?! Политикой не занимался, а только разве про культуру. Скажите речь им... про культуру и мораль! обязательно скажите! просветите темных!..

В сарай совались матросы головы:

- Что, господа енералы....?! Сегодня ночью рыб кормить будете господским мясом... [...]

И вот ни в чем не повинный Дрозд получил избавление от смерти. Получил – и умолк навеки. Он уже не говорил о культуре и прогрессе. Он – как воды набрал, и только глаза его, налитые стеклянным страхом, еще что-то хотят сказать. Даже о погоде он не говорит громко и не кричит, как бывало, размахивая газетой:

- Замечательная телеграмма! Рака нашли!.. Немец сыворотку открыл!

- Планету новую отыскали! Как-с? Да, комету... Звезду пятой величины! пятой!!

В войну его мучил Верден. Он не спал ночами и что-то выглядывал по карте. Бежит, бывало, газетой машет:

- Отбили!.. семнадцатый штурм-атаку! Геройский дух французов все смел... к исходному положению! к исходному!..

И все это кончилось – и Верден, и дух... И Дрозд умолк.

Вот он стоит под придавившей его горою. Ноги сочатся кровью, словно его полосовали ножами. Подсученные штаны в дырках. Из-под горы высматривает с натугой бурое, исхудавшее, взмокнувшее лицо – мученика лицо!»

Л. Попова, автор книги «Шмелев в Алуште» (Алушта, 2000), установила, что Дрозда звали Прокопием Павловичем, что *«со временем у Дрозда развилась шизофрения. Он мог говорить “недозволенные речи”, ругать партию и правительство открыто, громко, на улице, за что его много раз сажали, но затем выпускали, как психически ненормального»* (с. 76, 78).

В архиве Главного Управления Службы Безопасности Украины в Крыму удалось выявить следственное дело П.П. Дрозда (Д. 02018), содержащее уникальные биографические данные.

Прокопий Павлович Дрозд родился в 1884 г. (а не в 1886, как указано в книге Л. Поповой) в селе Могилевка на Винничине. Русский. Беспартийный. Образование – 3 класса сельской школы. Отец служил стрелочником на железной дороге, умер в 1920 году. Мать вела домашнее хозяйство, умерла в 1913 году.

Ко времени ареста П.П. Дрозда в 1940 г. его семья состояла из жены Феклы Игнатьевны, 1892 г. рождения (а не 1896, как указано в книге Л. Поповой), домохозяйки, дочери Веры, 1918 г. рождения, обучавшейся в Москве в Институте кооперации, сына Георгия, 1920 г. рождения, работавшего водолазом в Осводе, сына Алексея, 1923 г. рождения, работавшего в санатории железнодорожников, малолетней дочери Ольги, 1929 г. рождения.

В Алуште П.П. Дрозд проживал с 1909 года. С того времени и до самого увольнения в декабре 1938 г., т.е. почти 30 лет, работал почтальоном. И.С. Шмелев, ведший обширную переписку, конечно же, был с ним хорошо знаком.

Всю жизнь Дрозд оставался подозреваемым властями в «контрреволюционности». В следственном деле содержится информация о том, что *«Дрозд Прокопий Павлович еще до революции в царское время был самым активным проводником всех царских демонстраций и проводимых царским правительством мероприятий. Являлся активным черносотенцем-монархистом, состоял в «Союзе Архангела Михаила», еще при царском правительстве во всех проводимых демонстрациях и манифестациях Дрозд всегда носил портреты царя и иконы»*.

8 апреля 1940 г. П.П. Дрозд был арестован. Он обвинялся в том, что *«систематически ведет среди населения контрреволюционную агитацию, восхваляет старый царский строй и возводит клевету по адресу советского правительства и руководителей ВКП(б)»*.

9 апреля 1940 г. Дрозд был допрошен алуштинским следователем Галкиным.

«Вопрос: Когда и в каком году вы прибыли в г. Алушту?»

Ответ: В гор. Алушту я прибыл в 1909 г. из гор. Одессы, где я работал бондарем у купца Зильберштейна.

Вопрос: Почему вы из Одессы переехали на жительство в г. Алушту?

Ответ: Так как я терял трудоспособность и не мог работать бондарем, то просился в Одесском управлении почт назначить меня почтальоном и, удовлетворив мою просьбу, меня назначили почтальоном в гор. Алушту. [...]

Вопрос: Вы состояли в черносотенной организации. Признаете вы это?

Ответ: Нет! Я в черносотенной организации не состоял.

Вопрос: Признаете ли вы себя виновным в том, что на улице распевали царский гимн?

Ответ: Да! Я действительно на улице в очереди за хлебом пел царский гимн, но с целью критики самодержавия.

Вопрос: Можно было критиковать самодержавие без пения царского гимна.

Ответ: Да! Если бы я был не выпивши, то, возможно, не пел бы громко царский гимн».

Определением Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Крымской АССР от 8 июня 1940 г. уголовное дело в отношении Дрозда Прокопия Павловича было прекращено с последующим направлением его на принудительное лечение в психиатрическую больницу.

Вот что пишет Л. Попова о последних днях жизни П.П. Дрозда: *«В феврале 1963 года умерла Фекла Игнатьевна. Дрозд ходил на кладбище ежедневно, носил цветы, посадил кипарис. А через месяц, 20 марта, умер от угара. Возможно, с горя угорел, решил таким образом уйти из жизни. Когда вошли к нему в комнату – окно было заложено матрасом, а дверь была изнутри подперта. Чувствовался чад от угля...»* (с. 78).

Очерк второй. Нотариус

Как установила автор книги «Шмелев в Алуште» (Алушта, 2000) Л. Попова, нотариуса, услугами которого И.С. Шмелев пользовался при оформлении покупки участка земли в Алуште в 1920 г. и которого писатель упоминает в «Солнце мертвых» в главе «Голос из-под горы», звали Евтихий Евтихиевич Вознесенский. Л. Попова пишет, что постановлением райисполкома от 29 июня 1922 г. сад, принадлежавший жене Е.Е. Вознесенского, Ольге Аполлоновне, был передан райкому компартии, а горкомунхозу было предложено «очистить помещение (нотариальной конторы Е.Е. Вознесенского по Косьюмо-Дамиановскому шоссе. – С.Ф.) от посторонних жильцов, а также хозяев дома» (с. 29).

Сохранившееся в архиве Главного Управления Службы Безопасности Украины в Крыму следственное дело Е.Е. и О.А. Вознесенских (Д. 09840), во-первых, содержит уникальные биографические данные и, во-вторых, позволяет представить те события, которые предшествовали вышепротитированному постановлению райисполкома.

Е.Е. и О.А. Вознесенские были арестованы начальником Алуштинской милиции Василенко 5 января 1921 г. (т.е. еще во время пребывания И.С. Шмелева в Алуште) по ордеру Алуштинского ревкома. На запрос военного следователя Черняева о причинах их обыска и ареста заведующий отделом управления Алуштинского ревкома Шипов отвечал, что *«аресты и обыск Вознесенских и братьев М. и С. Сарибановых были произведены на основании списка № 1 зловердных контрреволюционных элементов, доставленного мне начальником милиции Василенко, а также устного подтверждения о их контрреволюционности помощника начальника милиции Шевченко»*. (В скобках замечу, что мои попытки обнаружить вышеупомянутый список в архиве ГУ СБУ в Крыму не дали результатов. А жаль. Этот документ мог бы помочь ответить на вопросы о том, кто в Алуште в эпоху красного террора попал в список «зловердных контрреволюционных элементов», что стало с этими людьми, значился ли в списке И.С. Шмелев).

9 января 1921 г. Е.Е. и О.А. Вознесенские были допрошены военным следователем Черняевым в качестве обвиняемых.

Из протоколов допросов явствует, что Евтихию Евтихиевичу Вознесенскому ко времени ареста исполнилось 64 года (т.е. он 1856 г. рождения), женат, в течение последних 35 лет (т.е. с 1885 г.) проживал в Алуште, русский, беспартийный, образование высшее (окончил математический факультет Киевского университета), домовладелец, до войны 1914 г., во время войны и во время Октябрьской революции служил нотариусом в Алуште, ко времени ареста нигде не служил. *«Допрошенный после предъявления ему обвинения показал: при обыске и аресте никакого обвинения не предъявлено и в чем обвиняюсь – не знаю. В политике, вследствие старости, никакого участия не принимал. Знает меня и мою деятельность вся Алушта. Больше ничего добавить не имею»*.

Ольга Аполлоновна Вознесенская, 58 лет (т.е. она – 1862 г. рождения), дворянка, русская, беспартийная, окончила гимназию, владелица дачи и 5 десятин земли, занималась домашним хозяйством. *«Допрошенная после предъявления ей обвинения показала: при обыске и аресте никакого обвинения не предъявлено и в чем обвиняюсь – не знаю. Отец – сельский хозяин. Никакого участия в политической жизни не принимала. Знают меня в Алуште все, равно как и мою жизнь. Больше ничего добавить не имею»*.

На следующий день, 10 января 1921 г., военным следователем Черняевым в качестве свидетелей были допрошены начальник Алуштинской милиции Г.В. Василенко и его помощник И.Т. Шевченко.

Из протоколов допросов следует, что Георгий Васильевич Василенко, 26 лет, женат, начальник Алуштинской милиции, коммунист с июня 1920 года, *«образование – столяр»*, до войны 1914 года и до службы в Красной Армии столярничал, в Красной Армии *«служил в Симфе[ропольском] Повст[анческом] полку (зеленые)»*. *«По делу Вознесенских Е. и О. мне известно, что Е. Вознесенский содействовал армии Врангеля, при обыске и выемке заявил, что «Добрармия не позволяла этого себе делать». Крупные собственники. Ольга Вознесенская при обыске также ставила в пример Добрармию»*.

Иосиф Трофимович Шевченко, 32 лет, женат, помощник начальника Алуштинской милиции, *«независимый социалист»*, образование – 5 классов гимназии, до войны 1914 года и до службы в Красной Армии занимался «письмоводством», в Красную Армию был мобилизован и с января по ноябрь 1920 года служил в 268 полку. *«По делу гр. Вознесенских Е. и О. мне известно: обвиняемый организовывал церковный совет с явно монархическим направлением, используя темный элемент. [...] Крупный собственник; эксплуатировал всячески рабочих, относясь к ним как к рабам»*.

13 января 1921 года военным следователем Реввоентрибунала Побережья Черного и Азовского морей Черняевым было составлено заключительное постановление по делу Е.Е. и О.А.Вознесенских, обвинявшихся в контрреволюции. Следователь *«нашел, что: 1) состояние четы Вознесенских в числе крупных собственников (дач, домов, земельных участков), их происхождение (дворянство, общественное положение как при царском режиме, так и при белогвардейщине), 2) найденные при обыске у граждан Вознесенских приложения к газетам «За Царя и Родину» и «Гроза» и их собственные показания при допросе о выписке ими в течение долгих лет «Нового времени» (газета «Новое время» была одной из самых популярных в дореволюционной России. – С.Ф.), периодических изданий, достаточно известных своим реакционным и человеконенавистническим направлением, 3) свидетельские показания, устанавливающие: а) участие Евтихия Вознесенского в церковном совете, одним из организаторов коего он был (Е.Е. Вознесенский на допросе 13 января 1921 г. заявил, что председателем церковного совета он был избран в 1917 г. и что в период своего председательств у него произошло столкновение со свидетелем Шевченко по поводу насильственного захвата городским самоуправлением церковно-приходской школы. – С.Ф.), учреждении явно монархического направления, использовавшего темный элемент с контрреволюционными целями, б) сочувственное отношение четы Вознесенских к врангелевщине, выразившееся хотя бы в том, что революционной власти, явившейся для обыска у подозреваемых контрреволюционеров (напомню, что этой «революционной властью» был молодой, не обремененный образованием начальник Алуштинской милиции коммунист Василенко. – С.Ф.), ими было заявлено, что «Добрармия не позволяла себе этого делать», и в) эксплуататорское отношение четы Вознесенских к рабочим, в достаточной степени избличают контрреволюционность Евтихия и Ольги Вознесенских, ПОСТАНОВИЛ:*

Полагая Евтихия и Ольгу Вознесенских предать суду Реввоентрибунала по обвинению в контрреволюции, направить настоящее дело председателю РВТ».

Участь Е.Е. и О.А.Вознесенских несколько облегчили алуштинские врачи. 6 января 1921 г., т.е. на следующий день после ареста Е.Е. Вознесенского, его осмотрела врачебная комиссия в составе докторов Розенберга и Шукалова. Комиссия обнаружила у него целый «букет» болезней (в том числе туберкулез правого легкого и хронический бронхит; вероятно, по этой причине И.С. Шмелев называет нотариуса «калекой») и пришла к заключению, что *«содержание больного в холодном, сыром помещении при отсутствии надлежащего ухода явно угрожает жизни больного, равно как и передвижение его на дальнейшее расстояние может привести к тем же последствиям»*. 14 января похожее заключение о состоянии здоровья О.А. Вознесенской подписал доктор медицины А.П. Розанов.

В результате 15 января 1921 г. военный следователь Черняев был вынужден принять следующее постановление: *«Принимая во внимание представленные свидетельства врачей о состоянии здоровья Вознесенского Евтихия от 6/1-21 г. и Вознесенской Ольги от 14/1-21 г., изменить меру пресечения, заменив арест личным поручительствам»*. Иными словами, Вознесенские были освобождены под подписку о невыезде.

По постановлению военного следователя Красноармейского (так в 1921 г. именовалась Ялта; переименование это резко осудил И.С.Шмелев; см.: «Солнце мертвых», главу «Чудесное ожерелье». – С.Ф.) Пограничного Отделения Особого Отдела Крымчека Крайнего от 12 мая 1921 г. в силу Первомайской амнистии следствие по делу Е.Е. и О.А. Вознесенских было прекращено и сдано в архив.

Увы, во время пребывания Вознесенских под стражей у них в доме сотрудниками Особого Отдела был произведен повторный обыск, в результате которого было изъято аб-

солютно все – одежда, обувь, постельное белье, включая рубахи, полотенца, простыни, подушки, парусиновые туфли, носовые платки, женские юбки, кофточки, чулки... (Одно из таких «изъятий излишков» изображено в «Солнце мертвых», в главе «С визитом»: «Все забрали. Старухины юбки, нянькины – и то взяли. “Я, - говорит, - с трудом пошла!” Швырнули: “Ты, - говорят, - раба!”»).

Еще через несколько месяцев, в 1922 г., как мы знаем, у Вознесенских будут отобра- ны дом и сад...

Что случилось с пожилыми, больными, выброшенными на улицу разутыми и раздеты- ми нищими Вознесенскими в дальнейшем, остается загадкой...

Очерк третий. Отец дьякон

Одним из самых симпатичных И.С. Шмелеву героев эпопеи был веселый алуштин- ский отец дьякон, имени которого автор, однако, не называет.

Л. Попова, автор книги «Шмелев в Алуште» (Алушта, 2000), установила, что дьяко- на звали Никандр Сакун. Вот что она пишет о его семье: «Трагично сложилась судьба сы- новей Никандра Сакуна: один сын умер от голода в 1924 году, младший Евгений был рас- стрелян немцами в Симферополе вместе с женой, еврейкой по национальности. Когда немцы оккупировали Крым (ноябрь 1941 года), то сразу же стали убивать евреев. И хотя сын дьякона не подлежал расстрелу, он добровольно разделил трагическую участь своей жены... Старший сын дьякона погиб на фронте, защищая Родину. Пока неизвестно, ос- тался ли кто-нибудь из потомков дьякона Никандра Сакуна и где они...» (с. 68).

В архиве Главного Управления Службы Безопасности Украины в Крыму удалось выявить судебно-следственное дело (Д. 019205), документы которого содержат информа- цию о жизни и судьбе Никандра Сакуна.

Никандр Васильевич Сакун родился в 1878 г. в селе Печенеги Харьковской губер- нии. Из крестьян. Украинец. Образование низшее. В партиях не состоял. Ко времени аре- ста в 1937 г. его семья состояла из жены Матрены Георгиевны, 1883 г. рождения, сына Серафима, 1905 г. рождения, проживавшего в Москве, и сына Евгения, 1912 г. рождения, проживавшего в Симферополе (судьбы сыновей читателю уже известны).

В 1905 – 1932 гг. Никандр Сакун служил в Алуште (поначалу – певчим, затем – пса- ломщиком, с 1909 г. – дьяконом), в 1932 – 1936 гг. – в деревне Марфовка Маяк- Салынского (ныне – Ленинского) района, с 14 октября 1936 г. – в греческой Введенской церкви г. Феодосии.

13 июля 1937 г., в разгар шпиономании в СССР, второй священник Феодосий- ской греческой церкви Никандр Сакун, прослуживший в этой должности всего лишь 9 месяцев, был арестован органами НКВД. Он обвинялся в том, что «ведет контр- революционную пропаганду среди населения и является участником контрреволю- ционной церковной группы».

14 июля Сакун был допрошен феодосийским следователем Ручкиным.

«Вопрос: Вы арестованы как участник контрреволюционной организации. При- знаете вы это?»

Ответ: Нет.

Вопрос: Следствию известно, что вы занимались контрреволюционной пропагандой среди населения. Признаете вы это?»

Ответ: Нет.

Вопрос: Следствие требует от вас чистосердечного признания. Говорите след- ствию правду?»

Ответ: Я говорю правду.

Вопрос: Вы часто собирались на квартире попа Феодори (Федор Васильевич Фео- дори был настоятелем греческой церкви. – С.Ф.)?»

Ответ: Квартиру Феодори я посещал раз в неделю, иногда и чаще.

Вопрос: С какой целью вы собирались на квартире Феодори?»

Ответ: Я приходил к Феодори исключительно с тем, что приносил ему сведения о количестве крещеных детей и погребений, которые я совершал.

Вопрос: Следствием установлено, что вы вели учет количества крещений и погребений, с указанием фамилий совершающих религиозные обряды.

Ответ: Такой учет вел Феодори.

Вопрос: Для какой цели вы вели учет?

Ответ: Учет мы вели по требованию греческой двадцатки».

Девять дней спустя, 23 июля, тот же феодосийский следователь допрашивает Сакуна вновь.

«Вопрос: Признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?»

Ответ: Нет, не признаю».

Сакуна переводят из Феодосийской тюрьмы в Симферопольскую. Вероятно, были «активизированы» методы дознания. В протоколе допроса от 29 ноября 1937 г., который вел симферопольский следователь Манилов, читаем:

«Вопрос: Вы изобличаетесь следствием в том, что вы являетесь членом контрреволюционной организации. Дайте показания по существу.

Ответ: Видя бесцельность дальнейшего запирательства, я решил дать следствию чистосердечные показания и этим искупить часть своей вины перед Советской властью. Признаю, я действительно являюсь членом контрреволюционной организации, существовавшей при греческой церкви г. Феодосии».

В результате на арестованного Н.В. Сакуна была составлена следующая справка, подписанная наркомом внутренних дел Крымской АССР А.И. Михельсоном (расстрелянным, кстати сказать, в 1939 г. и до сих пор не реабилитированным): *«Материалами следствия Сакун Никандр Васильевич изобличается как член контрреволюционной шпионской организации, созданной резидентом греческой разведки священником Феодори Ф.В. и председателем церковной двадцатки Кацалиди К.Е.*

14 октября 1936 г. (т.е. в тот самый день, когда Н.В. Сакун по назначению епископа Симферопольского и Крымского Порфирия, причисленного ныне к лику местночтимых крымских святых, только что прибыл в г. Феодосию для работы в качестве второго священника греческой церкви. – С.Ф.) был завербован агентом греческой разведки Кацалиди К.Е. для шпионской контрреволюционной деятельности против СССР.

Среди прихожан церкви собирал сведения шпионского характера о политическом и экономическом положении греческой колонии и о количестве греков, состоявших в колхозах (так вот, оказывается, зачем ему были нужны сведения о количестве крещений и погребений! – С.Ф.) и их экономическом положении.

Собранные сведения передавал Феодори и Кацалиди для передачи греческой разведке.

Принимал активное участие в нелегальных к[онтр]р[еволюционных] совещаниях к.р. шпионской организации, где стояли вопросы о практических методах борьбы с Советской властью, а также о восстановлении более тесной связи с Греческой [дипломатической] миссией в Москве в целях проведения к.р. шпионской деятельности.

Принимал активное участие в составлении к.р. клеветнического письма Греческой миссии, направленного на дискредитацию Советского Союза. (В письме содержалась просьба взять под защиту греческую церковь, закрытую решением Феодосийского горсовета от 25 апреля 1937 года. – С.Ф.)

В период с 1936 по 1937 год проводил активную контрреволюционную клеветническую агитацию среди прихожан церкви, а также греческих моряков, направленную на дискредитацию Советского Союза.

Одновременно проводил активную к.р. националистическую агитацию среди греческого населения, создавая эмиграционные настроения. (Кому же еще, как не уроженцу Харьковской губернии Никандру Сакуну, не знавшему греческого языка, этим заниматься?! – С.Ф.)»

11 января 1938 года Михельсоном было утверждено обвинительное заключение на 11 членов «контрреволюционной шпионской организации», созданной «из актива греческой церкви», и раскрытой НКВД Крымской АССР. Н.В.Сакун обвинялся в том, что яв-

лялся «членом шпионской контрреволюционной организации, руководимой резидентами греческих разведывательных органов Феодори и Кацалиди, по заданию которых собирал шпионские сведения. Проводил активную к.р. агитацию среди русской части прихожан греческой церкви (ага, все же сообразили, что не знающему греческого языка украинцу «проводить активную к.р. агитацию» среди греков затруднительно. – С.Ф.), направленную на дискредитацию партии и Сов. власти, т.е. в пр. пр. (преступлениях. – С.Ф.), [предусмотренных] ст. ст. 58-1а, 58-10-11 УК РСФСР».

12 января 1938 г. прокурор Крымской АССР К.Н. Монатов (тот самый, по докладу которого на Объединенном Президиуме КрымЦИК и Совнаркома в 1930 г. было принято решение о сносе кафедрального Александро-Невского собора в Симферополе) направил обвинительные материалы в Москву на рассмотрение Тройки НКВД СССР.

19 февраля 1938 г. 60-летний Н.В. Сакун был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение 2 апреля 1938 года. Как не вспомнить здесь монолог дьякона из «Солнца мертвых» И.С. Шмелева: *«Весной пойду на степь к мужикам, с семейством. Хоть за дьякона, хоть за всякого! а берите. А не примут – пойдем по Руси великой, во испытание. Ничего мне не страшно: земля родная, народ русский. Есть и разбойники, а народ ничего, хороший. Ежели ему понравиться – с нашим народом не пропадешь! Что ж, - скажу, - братцы... все мы жители на земле, от хлебушка да от Господа Бога... Ну, правда, я не простое какое лицо, а дьякон... а не превозношусь. Громок грянул - принимаю от Господа и громок. И все-то мы, как дерево в поле... еще обижать зачем же?»*

Так подбадривал себя отец дьякон, веселый духом: не боялся ни огня, ни меча, ни смерти. Дерево в поле: Бог вырастил – Бог и вырвет».

По одному с Н.В. Сакуном делу были расстреляны еще 10 человек:

1. Феодори Федор Васильевич, 1887 г. рождения, уроженец г. Симферополя, грек, гражданин СССР, беспартийный, до ареста работал священником греческой церкви г. Феодосии. Он – сын настоятеля Аутской греческой церкви Василия Феодори, который был дружен с А.П.Чеховым.

2. Кацалиди Константин Егорович, 1880 г. рождения, уроженец г. Трапезунда (Турция), грек, греческоподданный, беспартийный, до ареста работал огородником детского сада г. Феодосии.

3. Мельников Харлампий Дмитриевич, 1879 г. рождения, уроженец г. Феодосии, грек, гражданин СССР, беспартийный, до ареста работал юристом на соляных промыслах, проживал в Феодосии.

4. Ракоти Спиридон Николаевич, 1870 г. рождения, уроженец г. Феодосии, грек, гражданин СССР, беспартийный, до ареста работал сторожем при греческой церкви г. Феодосии.

5. Бойченко Александр Николаевич, 1879 г. рождения, уроженец с. Милаватка Харьковской губ., украинец, гражданин СССР, беспартийный, в 1903-1929 гг. был послушником в Святогорском монастыре, с 1929 г. до ареста работал дьяконом греческой церкви г. Феодосии.

6. Сентаниди Алкивиад Федорович, 1896 г. рождения, уроженец г. Трапезунда (Турция), грек, греческоподданный, беспартийный, до ареста работал продавцом Курортснабторга г. Феодосии.

7. Сентаниди Иван Федорович, 1883 г. рождения, уроженец г. Трапезунда (Турция), грек, греческоподданный, беспартийный, до ареста работал продавцом Крымторга г. Феодосии.

8. Феодосиади Авраам Яковлевич, 1893 г. рождения, уроженец д. Койник (Турция), грек, греческоподданный, беспартийный, до ареста работал псаломщиком греческой церкви г. Феодосии.

9. Тахтамышева Елена Константиновна, 1879 г. рождения, уроженка г. Старый Крым, гречанка, гражданка СССР, домохозяйка, исполняла обязанности казначея церковной кассы.

10. Шонова Мария Васильевна, 1870 г. рождения, уроженка г. Кишинева, русская, гражданка СССР, вдова бывшего титулярного советника, глава церковной двадцатки.

Все одиннадцать расстрелянных были в 1992 г. реабилитированы.

Очерк четвертый. Поп

В «Солнце мертвых», в главе «Чатырдаг дышит» лихой рыбак Пашка жалуется: *«Попа нашего два раза забирали, в Ялты возили! Уж мы ручательство подавали! Нам без попа нельзя, в море ходим!»*

Л. Попова, автор книги «Шмелев в Алуште» (Алушта, 2000), установила, что алуштинского попа звали Петром Ивановичем Сербиновым.

В архиве Главного Управления Службы Безопасности Украины в Крыму удалось отыскать следственное дело П.И. Сербинова (Д. 010000).

П.И. Сербинов родился в 1869 г. в г. Керчи в семье настоятеля Керченского собора. Русский. Окончил Таврическую семинарию, а в 1891 г. – и Киевскую духовную академию. В 1891-1893 гг., еще не будучи в сане священника, преподавал Закон Божий в учебных заведениях Керчи. В 1893-1899 гг. – священнослужитель Керченского собора, в 1899-1902 гг. – помощник настоятеля Златоустовского собора в Ялте, в 1902-1906 гг. – настоятель ялтинского Александро-Невского собора, с марта 1906 г. по апрель 1921 г. – настоятель Алуштинской церкви, с апреля 1921 г. по декабрь 1928 г. – вновь настоятель Александро-Невского собора г. Ялты. (Следовательно, о. П.И. Сербинов в 1921-1922 гг. был ближайшим сподвижником выдающегося русского религиозного мыслителя о. С.Н. Булгакова, который с сентября 1921 г. служил в Александро-Невском соборе вторым священником, а 27 декабря 1922 г. был выслан властями за пределы Советской России (см. выше очерк о нем).

П.И. Сербинов подвергался гонениям еще со времен царизма. 9 января 1906 г., в первую годовщину «кровавого воскресенья», в присутствии сотен прихожан Александро-Невского собора г. Ялты он отслужил панихиду по расстрелянным в Петербурге рабочим, за что был выслан в Алушту под надзор полиции.

В Алуште энергичный и социально активный отец Петр, помимо службы в единственной здесь церкви Федора Стратилата, преподает в учебных заведениях Закон Божий, избирается гласным Городской Думы.

С приходом красных все это ему, естественно, зачлось. Арестовывали его практически ежегодно (в 1921 году П.И.Сербинова, по его словам, даже приговорили к расстрелу, но затем освободили). Арестовывали то на несколько дней, а то и на несколько месяцев... Вероятно, ему доводилось сожалеть о том, что в 1920 г. на настойчивые предложения митрополита Антония (Храповицкого) эвакуироваться вместе с остатками армии Врангеля за границу он отвечал отказом...

Арестованный в очередной, предпоследний раз в июне 1927 г., спустя полгода, все еще находясь в заключении, он пишет на имя уполномоченного Ялтинского ГПУ Модина следующее заявление: *«Ввиду обследования моей деятельности за время проживания мною в городе Алуште, с 1906 г. по 1921-й г., считаю долгом заявить, что означенная деятельность была уже в свое время тщательно и подробно обследована Особым Отделом 4-й армии и Крыма (ЧК Крыма) в марте и апреле 1921 года, т.е. в период военного положения в Крыму, в условиях самой строгой чистки Крыма от контрреволюционных и прочих политически- и общественно-вредных элементов. Я был тогда арестован, отправлен в Симферополь в Особый Отдел и следствие надо мною велось под непосредственным наблюдением начальника Особых Отделов 4-й армии и Крыма Михельсона, следовательно, в обстановке особой строгости и беспощадности». (Кстати, вот что об этой «обстановке» рассказывал уже знакомый нам рыбак Пашка из «Солнца мертвых»: «А что народу погубили! Которые у Врангеля были по мобилизации солдаты, раздели до гульчи-ков, разули, голыми погнали через горы! Плакали мы, как сбили их на базаре... кто в одежке, кто вовсе дрожит в одной рубахе, без нижнего... как над людьми измывались! В подвалах морили... потом, кого расстрелили, кого куда... не доищутся. А всех, кто в милиции служил из хлеба, простые же солдатики... всех до единого расстрелили! Сколько-то тыщ. И все этот проклятый... Бэла-Кун, а у него полюбовница была, секретарша, Землячка прозывается, а настоящая фамилия неизвестна... вот зверь, стерва! Ходил я за одного хлопотать... показали мне там одного, главного чекиста... Михельсон, по фа-*

мили... рыжеватый, тощий, глаза зеленые, злые, как у змеи... главные эти трое орудовали... без милосердия!»). Однако я был признан не только не виновным, но при освобождении тов. Михельсон возвратил мне со словами “вам это в будущем может пригодиться” подлинники ходатайств о моем освобождении со стороны особой делегации, бывшей в Симферополь, от татарского, еврейского, греческого и русского населения гор. Алушты. (Как видим, подтверждаются вышеприведенные слова рыбака Пашки о том, что алуштинцы за «попа нашего» «ручательство подавали». – С.Ф.).

Мне кажется, что изложенные в них факты, помимо имеющегося в моем распоряжении и другого материала, в достаточной степени характеризуют мою деятельность в гор. Алуште и, во всяком случае, будут более достоверными, чем сведения, собираемые ныне, через семь лет после того, как я оставил Алушту, будучи опять избран народом того прихода в гор. Ялта, которого, по требованию гражданской власти, я был лишен с января 1906 г. Прилагаю копии 3-х из этих ходатайств: татарского, еврейского и греческого и сами подлинники. Подлинники прошу вернуть сейчас же по прочтении их. 1927 г. дек. 10. Гор. Ялта. Протоиерей Петр Сербинов».

Как же характеризовали П.И.Сербинова алуштинцы в вышеупомянутых ходатайствах? «Товарищу Начальнику Особых Отделов 4 Армии и Крыма.

Мы, нижеподписавшиеся граждане – члены Алуштинского Татарского Общества, настоящим удостоверяем, что священник Алуштинской церкви протоиерей Петр Иванович Сербинов за время пребывания своего в г. Алуште в политических делах никогда никакого участия не принимал. Когда была здесь, в Крыму, власть Врангеля, и войска его обижали мирных жителей, священник Петр Иванович Сербинов всегда первый шел на защиту, к какой бы национальности люди не принадлежали и какой бы политической партии они ни были. Мы удостоверяем, что священник Петр Иванович Сербинов защищал людей, арестованных за принадлежность к большевизму, еще в самом начале Октябрьской Революции, когда в начале 1918 года в Крыму немцы преследовали большевиков; а впоследствии, когда большевиков преследовали власть Деникина и Врангеля, преследуемые люди всегда находили защиту священника Петра Ивановича Сербинова.

Мы утверждаем, что вообще священник Петр Иванович Сербинов всегда защищал обиженных; ничего плохого мы от него не видели и вообще мы знаем его, как хорошего человека.

А потому мы, нижеподписавшиеся, убедительно просим освободить священника Петра Ивановича Сербинова из-под ареста.

1 апреля 1921 года. Гор. Алушта».

Ниже следуют подписи 62-х человек.

Еще ниже – приписка: «7.-IV. Читал. Михельсон».

«Товарищу Начальнику Особых Отделов 4 Армии и Крыма.

Мы, нижеподписавшиеся, члены Алуштинского Еврейского Общества, зная священника Алуштинской церкви Петра Ивановича Сербинова с 1906 года, удостоверяем своими подписями, что он, Сербинов, всегда был против разжигания национальных страстей; в то время, когда во многих городах России происходила агитация против еврейского населения и были даже случаи погромов, в Алуште никогда не было даже агитации, благодаря сильному влиянию некоторых людей во главе со священником Петром Ивановичем Сербиновым, стоявшим за равенство всех национальностей без различия.

Такого направления священник Петр Иванович Сербинов придерживался и до самого последнего времени. Так, в Алуште, когда на место Советской Власти приходила власть другая и начиналось преследование и издевательство над мирными жителями и в особенности над еврейским населением, священник Петр Иванович Сербинов всегда шел на защиту преследуемых, не обращая внимания ни на национальность, ни на то, каких политических взглядов был преследуемый.

В последнее время, когда была власть Врангеля, однажды при вступлении проходящих через Алушту войск в город началась стрельба в Алуштинскую синагогу, священник Петр Иванович Сербинов первый категорически потребовал прекращения этого издеательства, которое и было прекращено.

Вообще, мы знаем священника Петра Ивановича Сербинова как защитника преследуемых и друга всех национальностей без различия, почему и просим об освобождении его, в особенности нужного для Алушты, из-под ареста. 1 апреля 1921 г., гор. Алушта».

Ниже следуют подписи 67-ми человек.

Еще ниже – приписка: «7.-IV. Читал. Михельсон».

«Товарищу Начальнику Особых Отделов 4 Армии и Крыма.

Мы, нижеподписавшиеся, члены Алуштинского Греческого Общества, заявляем, что арестованного настоятеля Алуштинского Феодоро-Стратилатовского храма протоиерея отца Петра Сербинова мы знаем давно и удостоверяем своими подписями, что он за время своего пребывания в Алуште в политику никогда не вмешивался; в смутные времена, когда власти преследовали сторонников рабочего трудового народа, отец Петр Сербинов всегда шел на их защиту; из Ялты отец Петр Сербинов был выслан за то, что по собственной инициативе отслужил панихиду по расстрелянным в Петрограде рабочим.

Все время отец Петр Сербинов стоял за угнетенных; когда в 1914 году, по распоряжению правительства, нам, грекам, как иностранным подданным, категорически было приказано закрыть существовавшие в Алуште, Бююк-Ламбате (ныне – с. Малый Маяк. – С.Ф.) и Чукурларе (ныне – пос. Айвазовское. – С.Ф.) маленькие группы по обучению на дому греческих детей родному языку, отец Петр Сербинов горячо принялся защищать нас, иностранных подданных, доказывая, что никакие национальности, будь они даже иностранные подданные, не должны быть притесняемы: все – равны. После усиленного ходатайства отца Петра Сербинова нам, грекам, разрешено было официально открыть греческие школы в Алуште, Бююк-Ламбате и Чукурларе на родном языке.

Мы, кроме того, добавляем, что отец Петр Сербинов произносил в церкви проповеди только согласно прочитанного за Богослужением Евангелия и Апостольского послания, говоря, что Евангелие учит любить и уважать всех людей, какой бы национальности, какого бы вероисповедания они ни были.

На основании вышеизложенного мы, нижеподписавшиеся, просим освободить отца Петра Сербинова из-под ареста под круговое наше поручительство.

1-го апреля 1921 года. Гор. Алушта».

Ниже следуют подписи 220-ти человек.

Еще ниже – приписка: «7.-IV. Читал. Михельсон».

Жаль, что в следственном деле П.И. Сербинова отсутствует копия ходатайства от русского населения Алушты, из которой мы могли бы узнать, какие доводы в пользу освобождения «попа нашего» приводили такие, как рыбак Пашка...

В качестве свидетеля в 1927 г. привлекался и ближайший помощник о. П.И. Сербинова по службе в Алуштинской церкви уже известный нам дьякон Н.В. Сакун. На допросе 8 декабря 1927 г. он показал: «С 1905 по 1920 годы (ошибка памяти; правильно: с 1906 по 1921 гг. – С.Ф.) я служил при священнике Сербинове Петре. Сербинов Петр хорошо владеет религиозным слогом, после богослужений он всегда говорил проповеди. И только на Евангельские темы, по вопросам общего характера его выступлений не слышал и, насколько мне известно, он не выступал вообще. При белых в Крыму вместе с Сербиновым Петром служили в Алуште. Насколько я помню, за это время мы с ним служили только два молебна: когда отказался царь, а второй – при заключении мира с Германией. Оба молебна были по предложению Городской Думы, а не по собственному почину. Молебен в 1919 году о даровании победы белому оружию над большевиками при наступлении белогвардейцев на Ленинград (точнее, Петроград. – С.Ф.) по телеграмме Юденича я с Сербиновым не служил и, насколько я знаю, что такой молебен он не служил и один».

В результате в декабре 1927 г. П.И. Сербинов был в очередной раз из-под стражи освобожден. Но ненадолго. 5 декабря 1928 г. он вновь был арестован. В обвинительном заключении отмечалось, что «Сербинов П.И., находясь при белых в 1919 – 1920 гг. в г. Алуште в должностях настоятеля Алуштинской церкви, законоучителя Алуштинской гимназии, председателя Городской Думы г. Алушты и председателя Алуштинского Комитета помощи белым беженцам от Красной Армии, вел среди населения агитацию против коммунистов, Красной Армии и Соввласти, призывал учащих бороться

против «красных звезд» (Красной Армии), называя их «дьявольским наваждением», имел тесную связь с начальником контрразведки и, по указанию последней, а также по своей инициативе, совершал молебствие о даровании победы белому оружию, где на молебствии произносил патриотические речи, призывал население объединиться для борьбы с красными, идти в ряды белой армии на фронт, вносить пожертвования белой армии и т.п. В 1920 году в период эвакуации белых с Кавказа и наплыва беженцев в Крым Сербинов, будучи председателем Комитета помощи беженцам в г. Алуште, против желания большинства членов Городской Думы, Санитарной комиссии и трудящихся Алушты, настаивал на принятии в Алушту 3000 беженцев с Кавказа от красных, лиц же, которые высказывались против принятия беженцев, называл врагами родины и требовал на заседании Городской Думы увольнения врачей со службы, которые высказывались против принятия беженцев. При Соввласти, начиная с 1920 года по настоящее время Сербинов в своих проповедях вел скрытую агитацию против мероприятий Соввласти, говорил, что церковь нужно охранять от революционных влияний, т.к. они разлагающе действуют на народ, распространял слухи, что ГПУ его скоро вышлет (так, кстати сказать, и случилось. – С.Ф.), чем старался создать себе авторитет и чтобы собирали ему средства на случай высылки. Чувствуя за собою вину, заранее хотел застраховать себя поддержкой масс, чем возбуждал недовольство в религиозных массах на Соввласть».

Опрошенный в качестве обвиняемого, П.И. Сербинов «в предъявленном ему обвинении себя виновным не признает и показал, что он во время пребывания белых в Крыму молебнов о даровании победы белому оружию не служил, сбор пожертвований и вербовку добровольцев в белую армию не производил, связи с начальником контрразведки г. Алушты имел, но не по служебным делам, а приходил к нему, начальнику контрразведки, с ходатайством об освобождении арестованных. Антисоветской агитацией при Соввласти не занимался, за исключением случая, что он летом 1928 года на заседании Приходского Совета заявил, что его, наверное, скоро вышлет ГПУ, и просил Совет собрать ему денег на случай высылки».

Постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 29 марта 1929 г. 60-летний П.И. Сербинов, как «а[нти]с[оветский] элемент, постоянно будирующий религиозную массу против Соввласти», был выслан за пределы Крыма сроком на 3 года.

Последним документом, завершающим судебное-следственное дело П.И. Сербинова, является его письмо в Москву, в ОГПУ, датированное 10 июня 1930 года. Письмо было отправлено из местечка Середина-Буда Глуховского округа Черниговской области, где тяжело больной (к письму приложены медицинские справки) «политический высланный Сербинов Петр» находился с 1 мая 1929 г., «не имея здесь ни родственников, ни знакомых». Автор письма подчеркивал, что «не признавал никогда и до сих пор не признаю себя политически виновным пред Соввластью», напоминал, что «подвергался гонениям и ссылке при царизме за активное участие в освободительном движении» и обращался с просьбой: «Но, повторю в заключение, какой теперь с меня активный деятель против существующего порядка вещей?! Идите и посмотрите на эту развалину!! Так вот я и прошу ОГПУ – пересмотреть мое дело с тем, чтобы или дать полное освобождение (считая со дня моего последнего ареста, я несу наказание с 5 декабря 1928 г., т.е. год и 8 месяцев), или же разрешить мне, в случае невозможности поселиться в Крыму, свободное жительство там, где я найду более подходящим для моего здоровья».

Письмо было оставлено без внимания...

О последних днях жизни и месте упокоения протоиерея П.И. Сербинова могли бы поведать, наверное, его потомки. Из анкеты арестованного П.И. Сербинова, заполненной в 1927 г., известно, что в то время его семья состояла из 51-летней жены Зинаиды Вячеславовны, домохозяйки, 32-летней дочери Марии, работавшей медицинской сестрой в Карасане, и 30-летнего сына Ивана, служившего в Красной Армии в Ленинграде.

В 1994 году П.И. Сербинов был реабилитирован.

Очерк пятый. Винодел Кашин

На последних страницах «Солнца мертвых» читаем: *«Кашина сына расстреляли в Ялте... виноделова. И отец помер от разрыва сердца... Мальчик был, студент... славный мальчик. На войне с немцами, а то все здесь жил тихо... рабочие любили... В приказе напечатано... на стенке».*

Л. Попова, автор книги «Шмелев в Алуште» (Алушта, 2000), обнаружила в Государственном архиве Автономной Республики Крым «Анкету для регистрации бывших участников белых армий», заполненную 14 декабря 1920 г. 20-летним учеником 7 класса Алуштинской гимназии Николаем Сергеевичем Кашиным, вскоре расстрелянным. В книге Л. Поповой приведены и текст анкеты (с. 42), и ее фотография (с. 44-45). Но проведенное мною сопоставление текста анкеты и ее фотографии позволило обнаружить серьезные разночтения. Поэтому привожу ниже ответ Н.С. Кашина на вопрос анкеты «Служба в белой армии (перечислить чины, должности и места службы, время их и полученные награды)», перепечатываемый полностью и с соблюдением правил археографии: *«По мобилизации 1919 г. в декабре служил в Джанкое на эвакуационном пункте № 6 санитаром, откуда был освобожден по болезни и как имеющий льготу 1-го разряда (приказ [аз] [от] 2 марта 1920 года). 12 октября 1920 г. опять мобилизован и служил в Алуштинской комендантской ком[анде] до прихода Красной Армии. Должностей не занимал. Нагр[ад] не получал».*

Л. Попова в своей книге пишет: *«Сергей Алексеевич Кашин, известный винодел, автор многих марок крымских вин, одно из которых и по сей день является гордостью Масандры – вино столовое «Алушта», новыми властями был выслан «на север», в Харьков, по постановлению Симферопольской ЧК» (с. 46).*

Документы архива Главного Управления Службы Безопасности Украины в Крыму (Д. 07734 и 022204) позволяют уточнить и дополнить эту информацию.

С.А. Кашина арестовывали дважды – в 1921 и 1924 годах.

Первый раз 58-летний винодел С.А. Кашин был арестован 28 февраля 1921 г., одновременно с еще тремя алуштинскими *«притеснителями рабочих»*. На допросе С.А. Кашин показал: *«Я работал в погребках заведующим по винному делу, смотря как и когда у меня бывало много рабочих, как во время заказов, и вообще, если много работы, то набиралось до 100 человек. Рабочим платилось не меньше, чем в других имениях, доставлялась им мука, отоплялись и освещались помещения, что значительно облегчало их жизнь по сравнению с другими».*

Офицеры при Врангеле часто заходили за вином, и особенно в то время, как отступали, брали вино бесплатно. Заходили они целыми отрядами и вооруженные требовали или же брали сами нахально. Общего я с ними ничего не имел и знакомых офицеров у меня не было».

В эксплуатации рабочей силы я себя не признаю совершенно, скажу, что попадались рабочие пьяницы и неисполнявшие работ, вступая на должность лишь для того, чтобы напиться или утащить вино».

Тем не менее 15 марта 1921 г. чекист Матузенко в обвинительном заключении отмечал: *«Кашин Сергей Алексеевич, 58 лет (на вид - 45 лет), мещанин Севастополя, в имении Токмакова возле Алушты с 1891 года (т.е. 30 лет. – С.Ф.) служил виноделом. Женат, имущество – сад шесть десятин и виноградника 2 десятины, беспартийный. Обвиняется в беспощадном гонении рабочих и притеснениях в отношении заработной платы. Доказано свидетельскими показаниями (листы 54 и 55). Как помещик-блюдолиз, старался лишь только для себя и жил в некотором отношении за счет рабочих. Обвинение считается доказанным, а посему полагал бы применить граж. Кашину Сергею Алексеевичу 5 лет принудительных работ».*

На следующий день, 16 марта 1921 г., Коллегия Симферопольской ЧК постановила: *«Сниткова (одного из подельников Кашина. – С.Ф.) и Кашина за притеснение рабочих-виноградарей и ярых прислужников капитала – заключить в концлагерь на 5 лет».*

Однако, в августе 1921 г. по Первомайской амнистии С.А. Кашин был освобожден.

Тогда, в первый свой арест, С.А. Кашин о расстреле сына (как явствует из документов, приемного) еще не знал. Заполняя «Опросный лист Особого Отдела 4-й армии и

Крыма» на вопрос «*Имеет ли родственников в Красной Армии*», он отвечал: «*Приемный сын взят на службу в Красную Армию*», а в «Анкете для арестованных и задержанных с зачислением за ЧК» на вопрос о составе семьи написал: «*жена Кашина Капитолина Федоровна, 55 лет, домашняя хозяйка, приемный сын Кашин Николай Сергеевич, 20 лет, взят Советской властью*».

Три с лишним года спустя, 9 ноября 1924 г., С.А. Кашин был вновь арестован. Основанием к аресту послужила докладная записка, составленная накануне, 7 ноября 1924 г. (аккурат в великий революционный праздник!) бдительным уполномоченным 2-й группы Ялтинского погранотряда ГПУ Крыма Котиковым и поданная на имя начальника Ялтинского Пограничного Отряда по оперчасти. Вот ее текст: «*По имеющимся в делопроизводстве 2-ой группы С[екретно] О[перативной] Ч[асти] ЯПО материалам гр-н Кашин Сергей Алексеевич является крупным землевладельцем Алуштинского района.*

Гр-н Кашин, прослуживший долгие годы главным виноделом имения Токмакова-Молоткова в Алуште, одновременно с тем приобрел имение, состоящее из 12-ти десятин; 5 дес. виноградника, винный подвал, рогатый и другой скот. Будучи главным виноделом и владельцем собственного имения, Кашин грубо обращался и эксплуатировал рабочих. Во время пребывания в Крыму врангелевцев вполне дружелюбно к ним относился, и сын Кашина, белый офицер, в результате по вступлении в Крым красных частей был расстрелян.

Гр-н Кашин к Соввласти относится с полной ненавистью. Имеет знакомого в Париже гр-на Кострицкого Сергея, брат коего шпион-контрразведчик, разыскиваемый Закавказской ЧК, работал в подвале Центросоюза простым рабочим, по-видимому, под прикрытием монархиста Кашина Сергея. Гр-н Кашин является старшим виноделом совхозов Центросоюза в Алуште.

Принимая во внимание вышеизложенное, для пресечения контрреволюционных тенденций гр-на Кашина ПОЛАГАЛ БЫ:

подвергнуть Кашина Сергея Алексеевича тщательному обыску и аресту, о чем прошу Вашей санкции.

7/XI-24 г.

Уполномоч. 2-ой гр. Котиков».

Санкция была получена. Обыск ничего «контрреволюционного» не выявил. 11 ноября 1924 г. 62-летний С.А. Кашин был допрошен Котиковым. Из протокола допроса явствует, что отцом С.А. Кашина был севастопольский мещанин-садовник, мать – из крестьян, что С.А. Кашин окончил Никитское училище садоводства и виноделия, женат, русский, беспартийный, к моменту ареста имел на иждивении двух сестер, проживал в Алуште в доме б. Фабра.

«Вопрос: Сколько человек Вы эксплуатировали в Вашем имении?»

Ответ: От 20 – 30 человек.

Вопрос: Сколько человек работало в имении Токмакова под Вашим руководством?»

Ответ: От 25 – 100.

Вопрос: Состояли ли Вы в монархических организациях – Союзе русского народа, Михаила Архангела или какой любой другой?»

Ответ: Никогда не состоял. Занимался исключительно сельским хозяйством и в политику не вмешивался.

Вопрос: В царской армии на военной службе служили?»

Ответ: Никогда не был. Был ополченцем по 1-му разряду.

Вопрос: Имеете ли сыновей?»

Ответ: Был один приемный сын. Его расстреляли в Ялте в 1921 г. Он служил в белой армии солдатом.

Вопрос: За границей имеете знакомых или родственников?»

Ответ: Никого не имею. Вспоминаю, что есть один знакомый зубной врач Кострицкий Сергей Сергеевич. Его брат работал у меня в подвале рабочим, Лев Сергеевич Кострицкий уехал в Симферополь.

Вопрос: Имеете переписку с заграницей?»

Ответ: нет. Ни одного письма не получал.

Вопрос: В чем выражалась Ваша деятельность при Врангеле и при Деникине?

Ответ: Все время был виноделом, ни в какую политику не вмешивался.

Вопрос: Вы скажите свой откровенный взгляд к врангелевцам.

Ответ: Отношусь к врангелевцам отрицательно. Ими мобилизовались мои лошади. Выходило много вина и т.п. Офицерство было разнузданно и требовательно.

Вопрос: Как Вы относились к рабочим, которые работали в Вашем собственном имении и в имении Токмакова-Молоткова?

Ответ: Я относился добросовестно. К лентяям и пьяницам я был взыскателен.

Вопрос: Допускали ли Вы со своей стороны грубости или оскорбления по отношению к рабочим? Как выплачивали заработную плату и сколько часов они были у Вас заняты?

Ответ: Заняты рабочие были 9 – 10 часов. Грубости, может быть, были допущены с моей стороны в том лишь случае, когда меня оскорблял какой-нибудь пьяный рабочий.

Вопрос: Ведете ли Вы антисоветскую агитацию в среде рабочих совхоза и среди жителей?

Ответ: Отрицаю. Никакой агитации я не вел и не веду.

Вопрос: Имеете ли Вы в данное время что-либо из имущества?

Ответ: Нет, все национализировано в 1921 году.

Вопрос: Виновным себя перед рабочими и крестьянами и пролетарским правительством чувствуете?

Ответ: Виновным себя ни в чем не чувствую. Сберегал деньги. Получал жалованье, чем скопил деньги и обосновал имение».

Как видим, и допрос С.А. Кашина его «контрреволюционных тенденций» не подтвердил.

Тем не менее, 15 ноября 1924 г. уже знакомый нам уполномоченный Котиков постановил: следственное дело С.А. Кашина «срочным порядком препроводить в ГПУ Крыма с ходатайством о заслушании его на Особом Советании на предмет удаления Кашина с пограничной полосы и наказания по 10, 73 ст. ст. УК, при возможности его замены как квалифицированного винодела. Справка: арестованный Кашин С.А. освобожден под подписку о невыезде».

Напрашивается вопрос: почему концовка постановления уполномоченного Котикова столь обтекаемо-деликатна?

Оказывается, еще 10 ноября 1924 г., буквально на следующий день после ареста С.А.Кашина, уполномоченным Правления Центросоюза по Крымской Областной Конторе Полетаевым в ГПУ Крыма было направлено письмо следующего содержания:

«9-го сего ноября арестован уполномоченным ГПУ наш сотрудник заведующий виноделием Центросоюза в Алуште С.А. Кашин.

Между тем, работы в наших винных подвалах идут полным ходом, начинается переливка вина и, в связи с доставкой спирта из Симферополя, приступают к приготовлению крепких вин.

Помощь и руководство опытного винодела, каковым является С.А. Кашин, абсолютно необходимы.

Ввиду сего и принимая во внимание, что С.А. Кашина уже неоднократно раньше арестовывали и освобождали без всяких последствий и что на этот раз, очевидно, имеется налицо очередное недоразумение, Крымская Областная Контора Центросоюза просит ГПУ Крыма произвести в срочном порядке расследование дела о Кашине С.А. и при первой же возможности освободить его, так как арест его задерживает срочные работы по виноделию и может причинить Центросоюзу громадные убытки».

Угроза остаться без вожделенного продукта («Солнце мертвых» изобилует сценами пьянства представителей революционной власти) дала поразительно скорый положительный результат. 11 ноября 1924 г. из Симферополя в Ялту полетела телеграмма: «Аресто-

ванного Кашина освободить [под] подписку [о невыезде]. Дело выслать. 11 ноября 1924 г. Зампред ГПУ Крыма Торопкин».

В ГПУ Крыма по делу С.А. Кашина было принято следующее заключение: «1924 года ноября 20 дня. Я, уполномоченный 2 отдел[ения] СОЧ ГПУ Крыма Кесельман, рассмотрев заключительное постановление следственного дела за № 705 по обвинению гр. Кашина Сергея Александровича (как видим, уполномоченный в попытках ошибся; правильно: Алексеевича. – С.Ф.), 62 лет, женат, русский, мещанин гор. Севастополя, проживающий в Алуште на должности ст[аршего] винодела подвала Центросоюза, был под арестом по обвинению в эксплуатации рабочих в пользу частного капитала по вступлении в Крым Красной Армии, осужден [в 1921 году] в концлагерь, по амнистии освобожден, вполне сочувственно относившегося к врангелевцам, сын коего служил в белой армии и при вступлении красных расстрелян, имеющего переписку с братом контрразведчика шпиона Кострицкого Льва, находящегося в Париже и укрывавшего шпиона Кострицкого (полная чушь, да еще и перевернанная; см. вышеприведенный протокол допроса С.А. Кашина. – С.Ф.) в качестве рабочего подвала, разыскиваемого Закавказской ЧК, элементом является реакционным, недоброжелательно относящегося к Соввласти, в преступлении, предусмотренным ст. 73 с санкцией ст. 10 УК и, соглашаясь с заключительным постановлением уполн[омоченного] Ялт[инского] П[ограничного] О[тряда], ПОСТАНОВИЛ:

Следственное дело за № 705 представить на Особое Собрание при ГПУ Крыма на предмет высылки из пределов Крыма в северные губернии Союза обвиняемого Кашина Сергея Александровича (вновь ошибка; правильно: Алексеевича. – С.Ф.) сроком на три года. Справка: обвиняемый находится под подпиской о невыезде из г. Ялты. Уполномоченный Кесельман».

5 декабря 1924 г. Особое Собрание при Коллегии ОГПУ постановило: «Кашина из-под стражи освободить. Дело прекратить».

* * *

Таковы судьбы прототипов положительных героев книги И.С. Шмелева «Солнце мертвых», чьи судебные-следственные дела удалось отыскать. Как видим, судьбы эти печальны и страшны. Страшны не менее, чем книга И.С. Шмелева, чем сама отображенная в ней жизнь в (по образному определению писателя) «растлевающейся России».

II

НОВАЯ ИСТОРИЯ

СВЕТЛЕЙШИЙ КНЯЗЬ М.С. ВОРОНЦОВ И КАТОЛИКОС АРМЯН НЕРСЕС V

Арутюнян Л.В.

Севастопольский филиал Саратовского государственного
социально-экономического университета

*В воздаяние и награждение одним
за верность, храбрость..., а другим
для ободрения ко всяким благородным
и героическим добродетелям...
Дабы взирая на сии явные знаки милости
и преимуществ, ободрить и других
к храбрым и верным услугам и
прочим подвигам в военное и мирное время.*

**Петр I о предназначении
ордена св. Андрея Первозванного**

Нерсес V

В библиотеке Алушкинского дворца Воронцовых-Дашковых над камином в нише находится портрет католикоса Армении Нерсеса V работы художника брюлловской школы Нерсесяна. Заинтересовавшись данным фактом, автор статьи решила выяснить, что связывало владельца дворца князя М.С. Воронцова с католикосом Нерсесом V.

В списке иерархии Армянской Церкви одно из выдающихся мест занимает патриарх-католикос Нерсес V, игравший важную роль в церковной жизни и в духовном просвещении, в политических и военных событиях, связанных с присоединением Армении к России.

Нерсес (в миру Торос) родился в 1770 г. (по другим сведениям - десятью годами раньше) близ Эчмиадзина в селе Аштарак и происходил из древнего знатного рода князей Камсаракан - Шахазиян. С семи лет он воспитывался в Эчмиадзине под покровительством и попечением своего деда архиепископа Калиста. Три года изучал богословские науки в Константинополе.

С юных лет Нерсес проявлял твердый характер и способности к наукам, чем выделялся из среды воспитанников монастыря. Толкового юношу часто посылали в разные города Турции в качестве патриаршего уполномоченного. В 20 лет Нерсес стал архидья-

коном при Араратском престоле. В 1794 г. в Смирне он принял сан архимандрита и с тех пор имел большое влияние на дела эчмиадзинского престола, участвовал в духовном управлении в Греции, в Валахии, в Молдавии, в Константинополе [3, с. 528].

Из-за отказа Персии признать сторонника России патриарха Даниила, в Эчмиадзине появилось два претендента на патриарший престол. Нерсес, являвшийся первым правителем всех внешних и внутренних дел, членом святого высшего совета, управляющим благочиния, был назначен посредником в решении патриаршего конфликта.

В 1803 г. Нерсес, также являвшийся сторонником России, вступает в контакты с представителями русской власти, прибывает в лагерь русских войск, где и находится неотлучно весь период боевых действий. С целью общения с русскими властями Нерсес самостоятельно изучил русский язык, не имея ни словаря, ни грамматики. Вскоре стал читать Библию на церковно-славянском языке и *«впоследствии употреблял забавные славянские обороты»* [1, с. 12].

Воронцовский дворец в Алушке

Портрет Нерсеса V над камином

В том же 1803 г. в русскую армию под командованием П.Д. Цицианова прибыло «пополнение», состоящее из двух человек - флигель-адъютанта поручика лейб-гвардии Семеновского полка А.Х. Бенкендорфа (будущий шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения) и поручика лейб-гвардии Преображенского полка князя М.С. Воронцова (будущий Кавказский наместник, Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор).

Князь М.С. Воронцов

Здесь в армии П.Д. Цицианова и состоялось знакомство будущего патриарха Нерсеса с будущим светлейшим князем М.С. Воронцовым. Во время военных походов Воронцову пришлось жить в одной палатке с Нерсесом. Общение умудренного жизненным опытом архимандрита с молодым офицером послужило началом дружеских отношений, продолжавшихся 53 года. А.Д. Ерицов в своей книге приводит переписку между Нерсесом и супругами Воронцовыми, отличающуюся редкою теплотой и нежностью с обеих сторон.

В конце декабря 1803 г. Нерсес и М.С. Воронцов приняли участие в штурме крепости Гянджа.

В 1804 г. началась новая русско-персидская война. В походе на Эривань Нерсес и Воронцов участвовали в составе авангарда. 27 июня русский гарнизон занял Эчмиадзин. В

тот же день Князь М.С. Воронцов впервые побывал в Эчмиадзинском монастыре.

М.С. Воронцов прослужил в армии П.Д. Цицианова всего год, но за это время за свою храбрость был отмечен орденами св. Анны 3-й степени, св. Владимира 4-й степени с бантом и св. Георгия 4-й степени, произведен в капитаны, минуя чин штабс-капитана. Однако, по настоянию отца, высокопоставленного чиновника, ему пришлось вернуться в Петербург [3, с. 528].

Монастырь в Эчмиадзине

среди духовенства, так и среди своего народа. С этой целью он в 1824 г., после невероятных трудов, открыл первое в Тифлисе общеобразовательное среднее учебное заведение, обращенное впоследствии в Армянскую Духовную семинарию, программу и учебный план для которой собственноручно написал Нерсес [1, с. 11]. В то же время он активно способствует развитию торговли и устройству армянами заводов и фабрик.

Главкомандующий в Грузии генерал от инфантерии Н.Ф. Ртищев, он же управляющий Кавказской и Астраханской губерниями, во Всеподданнейшем рапорте от 14 января 1816 г. дает прекрасную характеристику деятельности Нерсеса и в конце пишет: «...я приемлю смелость всеподданнейше испрашивать от неисчерпаемых щедрот В. И, Величества всемилостивейшего ему награждения, состоящего в алмазном кресте для ношения оного на черном клобуке, в отличие звания первенствующего над всеми в здешнем крае Армянским духовенством» [2, с. 23].

Император Александр I пожаловал Нерсесу алмазный крест, а затем передал грамоту и орден св. Анны 1-й степени.

В 1816 г. Главкомандующим в Грузии и командующим Кавказским корпусом был назначен генерал от инфантерии А.П. Ермолов, друг М.С. Воронцова, с которым вместе участвовал в Отечественной войне 1812 года. Ермолов был в курсе всех личных и служебных дел князя Воронцова и рассказывал обо всем Нерсесу.

В русско-персидской войне 1826-1828 гг. Нерсес не только принял активное участие, но сделал все необходимое для создания армянского ополчения, перед которым он предстал верхом на коне, с крестом и обнаженной саблей в руках. В рескрипте Николая I от 25 января 1828 года на имя архиепископа Нерсеса отмечалось: «С давних времен и при многих случаях вы оказали отличную приверженность вашу к России, в особенности в нынешнюю войну с Персиянами, коей благоприятное окончание, Я надеюсь, вскоре должно последовать. Вы приняли деятельнейшее при войсках наших участие, подвергаясь даже личной опасности». И далее: «В ознаменование столь полезных услуг ваших и в знак особенного Моего благоволения ко всему Армянскому народу, Я признал справедливым сопричислить вас к ордену св. Александра Невского» [2, с. 28].

Командующим русскими войсками на Кавказе был назначен И.Ф. Паскевич, у которого были сложные отношения со многими офицерами и, в том числе, с архиепископом. Нерсес был переведен руководителем Бессарабской епархии. Учитывая его заслуги, к епархии были присоединены г. Нахичевань на Дону, а потом Москва и Петербург.

Вскоре после приезда Нерсеса в Бессарабию состоялась его новая встреча с М.С. Воронцовым. Несмотря на 25-летний перерыв отношения их не изменились. По объективным причинам (чума в Одессе, смерть дочери Воронцова, его отъезд в Лондон) их пути на время разошлись. После возвращения М.С. Воронцова с супругой из Англии архиепископ стал частым гостем в их доме в Одессе. В это время М.С. Воронцов активно занимается виноградарством и садоводством в Новороссии и Бессарабии, выписывает из европейских стран виноградные лозы. Нерсес тоже принял участие в этом благородном деле и выписал из Эривана и Нахичевани черенки местных сортов винограда. Ему при-

В своих письмах М.С. Воронцов писал, что с удовольствием вспоминает о счастливых днях, проведенных на Кавказе и о днях, когда он сблизился с Нерсесом и участвовал с ним в военных походах.

В 1809 г. Нерсес сопровождал патриарха Ефрема во время поездок по епархиям Новая Нахичевань, Крым и Григориополь. В 1814 г. Нерсес, в сане архиепископа, назначается начальником Грузинской епархии, где исполнял свои обязанности со всей ответственностью.

Первой своей задачей Нерсес поставил распространение просвещения как

слали 35 пучков виноградных лоз, которые были высажены в Крыму в имении Воронцовых [3, с. 529]. В этот же период случился еще один любопытный факт. Князь М.С. Воронцов выписал из Китая чайные кусты, однако они в Крыму не прижились. Воронцов предложил Нерсесу отправить кусты в Эривань, но по дороге парусное судно затонуло, а посылку с кустами прибило к Восточному берегу Черного моря. Так чайные кусты были посажены в Грузии.

В 1843 году Николай I утвердил Верховным Патриархом всех армян Нерсеса. А в 1844 г. М.С. Воронцов был назначен командующим Отдельным Кавказским корпусом и наместником на Кавказе с широкими полномочиями, за ним же сохранились обязанности генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии. В 1845 г. патриарх и наместник встретились в Тифлисе, заходили друг к другу в гости, подолгу беседовали, вместе обедали.

Весной 1846 г. Нерсес вернулся в Эчмиадзин, где должно было состояться миропозачение патриарха и мирование – одно из таинств христианской церкви. Дело в том, что миро (благовонное масло) освящалось в Эчмиадзине и рассылалось по всем епархиям Армянской церкви. М.С. Воронцов по разным причинам не мог присутствовать на торжестве, но прислал поздравление с пожеланиями здоровья.

Светлейший князь Михаил Семенович и его супруга Елизавета Ксаверьевна прибыли в Эчмиадзин в октябре 1846 г. и пробыли там три дня. Патриарх всех армян Нерсес с радостью и гордостью показывал разведенные им тутовые плантации, шелководческие заведения.

Следующая встреча князя Воронцова и патриарха Нерсеса состоялась в Тифлисе, где они общались почти каждый день с весны 1849 до начала лета 1850 года.

Патриарх Нерсес вернулся в Эчмиадзин для подготовки к встрече с цесаревичем Александром Николаевичем. М.С. Воронцов сопровождал в поездке цесаревича и 6 октября 1850 г. они прибыли в Эчмиадзин, где присутствовали на литургии. Встреча в Эчмиадзине была последней при жизни патриарха Нерсеса и наместника князя М.С. Воронцова.

Воронцова Е.К.
(супруга светлейшего князя)

М.С. Воронцов в 1851 г. стал часто болеть, уволился в отпуск на шесть месяцев, но больше к служебным делам в полной мере из-за болезни вернуться не смог. В этот период Нерсес и Воронцов часто переписываются. Воронцов в одном из последних писем Нерсесу пишет: *«...Как бы то ни было, будьте уверены, что давнишние мои к вам чувства душевной привязанности и совершенной преданности останутся во мне до гроба»*. В ответ патриарх пишет: *«Я не нахожу слов, довлеющих выразить те прискорбные впечатления, которые чувствую и чувствовать не перестану при каждом воспоминании о вашем ко мне расположении и искренней дружбе, которые в продолжении более пяти десятков лет, с каждым годом углубляли во мне сердечную привязанность к вам»* [2, с. 50-51].

М.С. Воронцов последнее письмо патриарху Нерсесу написал 1 сентября 1856 года. Он в это время был в Москве на коронации Александра II, где ему присвоили высшее воинское звание генерал-фельдмаршала. Наместник обещал Нерсесу написать следующее письмо из Одессы. Патриарх не успел ответить, т.к. 6 ноября 1856 г. светлейший князь М.С. Воронцов скончался в Одессе [5, с. 318].

Известие о смерти друга и покровителя М. С. Воронцова была большим ударом для патриарха. В письме вдове Елизавете Ксаверьевне с болью в сердце он пишет: *«...Она [смерть] в полном смысле сокрушила мое сердце и дала мне чувствовать, как велика для меня потеря столь редкого друга и высокого покровителя. И если эта потеря так чувствительна для меня, то я постигаю, как она должна быть тягостна для вас, подруги знаменитой жизни его»* [2, с. 53].

Через три месяца и пять дней 14 февраля 1857 г. патриарх умер с пером в руке. Человек редкого трудолюбия, Нерсес вел обширную переписку (до 2300 писем в год) и умер он, дописывая письмо А.И. Барятинскому, назначенному наместником и Главнокоман-

дующим Кавказской армии. Нерсес в письме предлагал пересмотреть Положения 1836 г. об управлении Армянской Церковью. А.И. Барятинский, в свою очередь, должен был вручить патриарху Нерсесу рескрипт Александра II и знаки ордена.

**Орден Святого апостола
Андрея Первозванного**

Лица духовного звания III-I класса, т.е. в чине от Епископа до Митрополита, жаловались Императорским орденом Святого Апостола Андрея Первозванного за выдающиеся заслуги в деле миссионерства, духовного и нравственного просвещения, а также за многолетнее служение Богу, Царю и Отечеству.

Этим орденом было награждено 32 лица духовного звания и среди них Патриарх-Католикос всех армян Нерсес V Аштаракец (Шахазизян-Камсаракан) [4].

Истоком искренней многолетней дружбы двух выдающихся деятелей явилось то, что взгляды одного оказались близкими к взглядам другого. А главное, что объединяло Нерсеса и Воронцова – это святость долга, долга священника перед своим народом и религией и долга государственного деятеля-патриота перед отечеством.

Во имя исполнения долга и один, и другой были готовы пожертвовать своей жизнью.

Источники и литература.

1. Ерицов А.Д. Патриарх всех армян Нерсес V и князь М.С. и княгиня Е.К. Воронцова в их частной переписке. Тифлис, 1898. С.11-14.
2. Католикос всех армян Нерсес V-й и Светлейший князь М.С. Воронцов // В.А. Удовик. СПб., 2006. 54 с.
3. Патриарх Нерсес V. Сборник «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам». М., 1897. С. 526-532.
4. Рожинцев А. За веру и верность [Электронный ресурс] // Сайт «Русская линия» от 30.12.2004. Режим доступа: <http://rusk.ru/st.php?idar=102856>.
5. Удовик В.А. Воронцов. М., 2004. 416 с. [серия ЖЗЛ].

**ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
ПО ОТНОШЕНИЮ К НЕХРИСТИАНСКИМ КОНФЕССИЯМ
НА ТЕРРИТОРИИ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ**

Бойцова Е.Е.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Крымский полуостров на протяжении многих столетий являлся неоднородным регионом как в этническом, так и в конфессиональном плане. В начале XX ст., когда Крым, как часть Таврической губернии, входил в состав Российской империи, на его территории проживали представители большинства существовавших в Российской империи конфессий. Система управления конфессиональной деятельностью жителей Таврической губернии являлась примером организации толерантного взаимодействия различных религиозных общин в полиэтническом регионе. Имперская администрация предпринимала попытки осуществить модернизацию законодательства по вероисповедному вопросу, чтобы снизить революционные настроения в обществе и вывести самодержавие из политического кризиса.

Объектом исследования является конфессиональная политика Российской империи по отношению к нехристианским конфессиям в начале XX века и особенности ее реализации в Таврической губернии. Конфессиональная политика понимается как система действий государства в сфере религиозной жизни общества, включающая регулирование государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений. Предметом исследования является система управления нехристианскими конфессиональными группами, представленными на территории Российской империи, а также законодательные преобразования начала XX ст. в России и их влияние на религиозную ситуацию как в целом по империи, так и в Таврической губернии в частности. Целью данной статьи является изучение особенностей реализации общероссийской конфессиональной политики по отношению к нехристианским исповеданиям в Таврической губернии в контексте либерализации вероисповедного законодательства в начале XX столетия.

В данном случае главное внимание уделяется анализу документов регионального и местного уровня, большая часть которых сосредоточена в Государственном архиве в Автономной Республике Крым (ГААРК) и в Государственном архиве города Севастополя (ГАГС).

В Государственном архиве в Автономной Республике Крым материалы по интересующей нас проблематике представлены в 9 фондах. Прежде всего, это документы канцелярии Таврического губернатора (Ф. 26) и Таврической духовной консистории (Ф. 118). Из материалов фонда 26 значительный интерес представляют статистические сведения о динамике населения Таврической губернии (общая численность, этноконфессиональный состав) [1], сведения о благотворительных обществах различных конфессий на территории Таврической губернии и направлениях их деятельности [2].

О положении нехристианских конфессий в Таврической губернии дают представление материалы фондов Таврического магометанского духовного правления (Ф. 315), Евпаторийского уездного кадия (Ф. 751), Таврического и Одесского караимского духовного правления Таврического губернатора в городе Евпатории (Ф. 241). Фонд 315 содержит журналы заседаний Таврического магометанского духовного правления [3], списки духовных и должностных лиц, указы о присуждении духовных званий [4]. Среди материалов фонда 751 имеются сведения о количестве школ и мечетей в Евпаторийском уезде, о составе мусульманского духовенства [5], а также делопроизводственная переписка Евпаторийского уездного кадия с Таврическим магометанским духовным правлением о строительстве и ремонте мечетей, назначении и увольнении духовных лиц и т. п. [6]. Материалы фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления в городе Евпато-

рии содержат постановления о строительстве кенас и школ [7], дела о созыве съездов караимского духовенства, переписку правления с подведомственными общинами об организации помощи бедным караимам [8]. Кроме того, в фонде имеются проекты и положения устава по управлению делами Евпаторийской караимской общины, протоколы заседаний общества помощи бедным караимам [9]. Материалы фонда Общества пособия бедным мусульманам города Евпатории и Евпаторийского уезда (Ф. 736) включают устав Общества и его переписку с городской думой об открытии татарских школ [10].

В Государственном архиве города Севастополя материалы по данной проблеме представлены в фонде Канцелярии Севастопольского градоначальства за 1874-1915 гг. (Ф. КМФ-3). Документы этого фонда включают в себя ежегодные «всеподданнейшие» отчеты Севастопольского градоначальника императору [11], в которых приводятся сведения о настроениях различных групп населения (в первую очередь этноконфессиональных), об изменении политической ситуации в градоначальстве, о растущей активности сектантских общин и их особенной опасности ввиду расположения в городе базы Черноморского флота и значительного военного контингента и т. п. Кроме того, среди материалов фонда имеются: статистические сведения и обзоры, представленные в виде таблиц и ведомостей по годам, о численности представителей различных конфессий в градоначальстве (включая численность духовенства этих конфессий), их деятельности, о движении населения, количестве церквей, монастырей, учебных заведений и т. д. [12]. Ценную информацию содержит адрес-календарь Севастопольского градоначальства за 1913 год [13], представляющий собой официальный справочник по градоначальству и включающий перечни и списки всех действовавших на тот момент культовых сооружений, монастырей, религиозных общин, учебных заведений, благотворительных обществ, учреждений и попечительств, а также справочную информацию по ним с указанием адресов, имен и должностей их руководства (священников, настоятелей, старост, председателей, попечителей, почетных членов) и, в отдельных случаях, целей их деятельности.

На современном этапе исследованию отдельных проблем вероисповедной политики Российской империи по отношению к последователям нехристианских конфессий посвящены работы таких ученых как А.М. Буттаева, В.Л. Вихнович, А.Ф. Гавриленков, Ю.А. Гаврилов, В.Ю. Ганкевич, А.А. Гольденвейзер, М.Я. Геллер, Е.В. Жудинова, Ф.Г. Ислаев, О.А. Лиценбергер, А.Б. Миндлин, Ю.В. Мизун, Ю.Г. Мизун, Н.В. Ревуненкова, А.А.Сафонов, Т.М. Силаева, А.Г. Шевченко, З.З. Хайреддинова и др. Однако многие аспекты данной проблематики требуют дальнейшего изучения и осмысления с учетом специфики конфессиональной ситуации в масштабах государства и на местах.

Целью конфессиональной политики Российской империи в рассматриваемый период было обеспечение лояльности представителей всех конфессий, укрепление авторитета существовавшего политического строя, поддержание традиционной религиозности российского общества, а также сохранение религиозно-этнической стабильности в империи как по вертикали, т. е. во взаимоотношениях между религиозными группами и государством, так и по горизонтали, т. е. в сфере межконфессиональных отношений. Вероисповедная система в государстве была выстроена на основе принципа веротерпимости с подчинением светскому правительству всех религиозных организаций. Принцип веротерпимости был определен в законодательстве в форме свободного отправления богослужений и сохранения родного исповедания для всех подданных. Однако при этом государство поддерживало «первенствующий» статус Русской Православной церкви и правовую иерархию других конфессий. Кроме того, российское законодательство исходило из принципа формализации вероисповедной идентичности и определяло всякого подданного как человека религиозного. Оно не допускало возможности не принадлежать ни к какой религиозной общине. Тем самым самодержавная власть обеспечивала легитимность своей религиозной политики в обществе, отличавшемся сложным этноконфессиональным многообразием. Эта религиозная политика в большинстве случаев сопрягалась с политикой национальной, т. к. границы религиозных общин нередко совпадали с границами основных этнических групп, а этническая и религиозная идентичность часто являлись синонимами.

Общины верующих нехристианских конфессий создавались при молитвенных зданиях, непосредственное руководство их деятельностью осуществляли высшие духовные учреждения соответствующих исповеданий, которые подчинялись имперской администрации. Все инославные конфессии находились в ведении Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел Российской империи.

Данные переписи 1897 г. позволяют проанализировать этноконфессиональную структуру населения Российской империи. Общая численность населения составляла 125.640.021 чел. Самой крупной по численности конфессией оставалось православие – 87.123.604 чел. (69,3 %). Численность верующих нехристианских исповеданий составила 19.854.855 чел. (15,8 %), в том числе: мусульмане – 13.906.972 чел. (11,1 %), иудеи – 5.215.805 чел. (4,2 %), караимы – 12.894 чел. (0,01 %), буддисты и ламаисты – 433.863 чел. (0,3 %), другие нехристианские конфессии – 285.321 чел. (0,2 %) [18(1), с. 6-7].

Таким образом, в рассматриваемый период наиболее многочисленной из нехристианских конфессий в Российской империи был ислам. Вероисповедная политика российского государства в отношении мусульман во многом определялась внешнеполитическими и национальными факторами. Веротерпимость в отношении к исламу выступала средством поддержания религиозного мира и разрешения национальных противоречий среди подданных. При этом российское государство стремилось научиться управлять духовной жизнью мусульманских народов. На протяжении XIX ст. в законодательном порядке были закреплены: приоритет государственного права над законами шариата, структура и порядок формирования мусульманского духовенства, полномочия органов регионального управления в исламе и мусульманских общин. Должностные лица высшего магометанского духовенства утверждались представителями центральной государственной власти, а приходские священнослужители, избираемые местными общинами, получали полномочия от региональных мусульманских структур. В частности, в Таврической губернии муллы избирались приходскими общинами из числа лиц, принадлежавших к мусульманскому духовному сословию, и утверждались Таврическим магометанским духовным правлением (ТМДП) и органами местного губернского правления. В округах, подведомственных учрежденному Оренбургскому магометанскому духовному собранию (ОМДС), муллы избирались из лиц всех сословий, которых выдвигали старейшины наиболее уважаемых семейств данного прихода, а утверждали губернские власти и правление ОМДС. Следует отметить, что российская законодательная база регламентировала духовенство Оренбургского, Таврического и Закавказского округов как сословие, однако на других исламизированных территориях империи правительство не предоставило мусульманскому духовенству официального статуса [14, с. 182].

В 1889 г., опасаясь распространения идей пантюркизма и панисламизма, Министерство внутренних дел внесло в Государственный Совет предложение о замене выборного начала принципом назначения муфтия. Изменение порядка мотивировалось значением главы магометанского духовенства и малой вероятностью избрания самими магометанами лиц, соответствовавших видам правительства. Такой порядок для Оренбургского и Таврического муфтиев был закреплен в 1890-1891 годах.

Подъем национально-освободительного движения на окраинах империи в начале XX ст. заставили правящие круги заявить о готовности расширить пределы политики веротерпимости по отношению к исламу. По закону от 19 апреля 1904 г. упрощался порядок избрания кадиев, право утверждения их в должности получили губернаторы [21, №24619]. Ряд серьезных уступок мусульманским подданным империи был декларирован в указе о веротерпимости, обнародованном 17 апреля 1905 года [21, №26126]. В ходе обсуждения вопроса о порядке открытия магометанских духовных школ было указано, что открытие мектебе и медресе осуществляется на основании циркуляра Министерства внутренних дел от 3 августа 1892 г., по которому учреждение мусульманских школ поставлено в зависимость от разрешения директоров народных училищ. Существующее положение было признано неправильным и не подходящим для местностей, преимущественно заселенных мусульманами. Были даны предложения о разработке «правил об открытии магометанских

конфессиональных школ, без излишних в сем отношении стеснений». Разработка соответствующего законодательства продолжалась вплоть до 1914 года.

Хотя из обширной программы преобразований, намеченных данным актом, только один вопрос получил разрешение – предоставление льгот по воинской повинности мусульманскому духовенству в Таврическом и Оренбургском округах, самодержавие вынуждено было разрешить деятельность целого ряда мусульманских общественных организаций и собраний. Из среды мусульманской общественности выдвигались собственные проекты управления духовными делами. Так, участники Всероссийского мусульманского съезда 1906 г. в Нижнем Новгороде считали необходимым устранить правительственный контроль за работой мусульманских духовных правлений и сосредоточить в руках последних, на автономных началах, управление всей религиозной, образовательной и благотворительной деятельностью мусульман. По мнению участников съезда, на территории империи было бы целесообразно создать шесть округов (муфтиатов): два Кавказских, Оренбургский, Таврический и Туркестанский во главе с выборными шейх-уль-исламами. Кроме того, предполагалось создать высшую духовную должность раис-уль-ислама, который бы был представителем всего российского мусульманства с правом доклада императору [22, с. 8]. Однако, этот проект, как и последующие предложения, выдвигавшиеся из среды мусульманских депутатов Государственной думы, не только не нашел отклика в представителях власти, но и был признан опасным.

В тоже время, к началу XX ст. значительная часть мусульманских духовных лиц была достаточно успешно включена в систему российской государственности. Стремясь еще больше заинтересовать высшее мусульманское духовенство в сотрудничестве, правительство расширяло льготы его представителям, например, законом «Об утверждении штата ТМДП» от 24 мая 1904 г. увеличивались размеры жалования членов данного правления: Таврическому муфтию – 2.500 руб., кади-аскеру – 1.000 руб.; Симферопольскому кадию – 800 руб.; вторым кадиям – по 600 руб.; секретарю 1.000 руб.; столоначальникам и переводчику – по 600 рублей [21, №24619].

Кроме того, стремясь не допустить проникновения в среду духовенства либеральных идей, Министерство внутренних дел в 1911 г. сообщило губернаторам, что лица, окончившие курс новометодных медресе, не могут занимать должности мулл без удостоверений губернского начальства в их политической благонадежности и непричастности к религиозно-национальной агитации. В том же году было дано распоряжение о недопущении к преподаванию в мектебе и медресе мусульман, получивших богословское образование за границей [14, с. 138].

Государственная политика Российской империи в конце XIX – начале XX ст. в отношении евреев основывалась, как считают многие исследователи, в том числе А.Ф. Гавриленков, на двух противоположных тезисах, взаимно исключавших друг друга и предопределивших противоречивость самой политики. Первый тезис – обособление евреев как отличающихся от прочего населения по своему мировоззрению, укладу и характеру своей экономической деятельности. Второй тезис – слияние их с прочим населением, включение в культурную и экономическую жизнь государства.

Сравнивая положение евреев (иудеев) и лиц, принадлежащих к другим признанным и терпимым исповеданиям, можно сделать вывод о наибольшей степени ограниченности в правах иудеев. Государство ограничивало свободу передвижения и расселения евреев – иудеев по Российской империи, насильственно обращало в православие, запрещало им определенные виды деятельности, налагало дополнительные денежные сборы, устанавливало процентные нормы для приема евреев в государственные высшие и средние учебные заведения, вторгалось во внутреннюю жизнь еврейских общин, устанавливая правовые запреты на соблюдение иудеями своих религиозных традиций.

Документом, регламентирующим религиозную жизнь евреев иудейского вероисповедания являлось «Положение о евреях», утвержденное 13 апреля 1835 г., которое впоследствии неоднократно дополнялось. В духовном отношении иудеи находились в ведении раввинов [20, №4612].

К обязанностям раввина относилось: 1) совершение богослужения и обрядов по канонам иудейского вероисповедания; никакие другие лица, кроме утвержденных правительством раввинов и их помощников не могли исполнять иудейские религиозные обряды; 2) наблюдение за соблюдением государственных и нравственных законов, а также за воспитанием еврейских детей; 3) разъяснение принципов духовного закона: при этом раввину отказывали в праве наказывать принадлежащих к его синагоге иудеев *«теньми, проклятиями, извержением из общества, или отказывать...в совершении обрядов веры»*; 4) участие в составлении ревизских сказок о евреях на основании Устава о народной переписи и ведение метрических книг.

Законом предусматривались следующие льготы: 1) раввины и их дети не подвергались телесным наказаниям, могли пользоваться в местах еврейской оседлости лично почетными правами купечества первой гильдии (но заниматься торговлей только на основании общих правил); 2) раввины, беспорочно исполнявшие свои обязанности не менее 9 лет после получения почетных прав купцов первой гильдии, награждались золотыми медалями; 3) земские повинности раввинов исполнялись обществами, их избравшими.

В должность раввина назначались евреи иудейского вероисповедания в результате общественных выборов единоверцев. Выборы производились каждые три года с участием всех прихожан (членов молитвенного общества синагоги или школы), безотносительно к их приписке к местному мещанскому или купеческому обществу. К избранию допускались кандидаты, окончившие курс в бывших раввинских училищах или еврейских учительских институтах или же в общих или средних учебных заведениях [20, №4612].

Таким образом, государство стремилось зафиксировать в обязанностях раввина и членов молитвенного общества – как юридически, так и религиозно – полное подчинение общероссийским и местным законам и ответственность за религиозную и гражданскую жизнь еврейского общества.

В мае 1848 г. при Департаменте духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел была создана Раввинская комиссия. В ее состав, помимо председателя, входило 6 членов. В сферу деятельности Раввинской комиссии входило: 1) рассмотрение и решение вопросов, связанных с правилами и обрядами иудейской веры и с поступками раввинов; 2) рассмотрение дел о расторжении браков (если местные раввины сочли случай сложным или при поступлении жалобы); 3) исполнение поручений, *«относящихся к роду занятий»* комиссии, *«кои министр внутренних дел признает нужным на нее возложить»* [20, №22276]. Комиссия была уполномочена рассматривать дела по предметам религиозной веры и выносить решения согласно законам иудаизма, однако, *«без предписания министра Внутренних дел, Комиссия не приступает к суждению и постановлению заключения ни по каким предметам, и не заводит никаких дел»* [20, №22276]. За министром внутренних дел оставалось право отклонять решения комиссии, или, если он сам не компетентен в принятии окончательного решения, направлять дела в вышестоящие органы [20, №22276].

В отношении караимов государственная власть первоначально использовала те же репрессивные меры, что и против иудеев. Однако уже в 1837 г. караимы были наделены правами религиозного самоуправления. По аналогии с принципами организации деятельности ТМДП было создано Таврическое и Одесское Караимское духовное правление. Главой караимского духовенства был гахам, резиденция которого находилась в Евпатории. Гахам избирался представителями караимских обществ и утверждался Правительствующим Сенатом по представлению Министра внутренних дел. Караимы имели собственные храмы – кенасы, при каждой из которых состояло два газзана (духовные лица караимов, функции которых практически аналогичны функциям раввина) и один шаммаш (лицо, ответственное за административную и хозяйственную деятельность храма). Все эти должности были выборными. Гахам и газзаны евпаторийских кенас составляли Таврическое караимское духовное правление [7]. Начиная с 1863 г., караимы были полностью уравнены в правах с православными верующими. Российское законодательство устанавливало, что караимы находятся под покровительством государства. При этом переход в караимизм евреев-иудеев запрещался.

Таким образом, к началу XX ст. в Российской империи существовала централизованная структура управления всеми конфессиональными группами, которая позволяла светским властям осуществлять контроль за религиозными организациями на центральном, региональном и местном уровнях.

Революционная ситуация в России в начале XX ст. вынудила правительство вносить коррективы и в религиозную политику. Так, царский манифест 26 февраля 1903 г. содержал обещание даровать свободу вероисповеданий, а Указ 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» предписывал принять меры к устранению религиозных «стеснений». Однако, указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» расширил права прежде всего христианских конфессий. Разрешался переход из одной христианской конфессии в другую, но переход из христианской веры в нехристианскую по-прежнему был сопряжен с определенными сложностями. Кроме того, оставался в силе запрет на пропаганду неправославных вероучений [21, №26126].

В ходе заседаний Комитета министров по разработке нового законодательства в отношении нехристианских исповеданий была признана необходимость *«поставить порядок разрешения постройки молитвенных домов иноверных исповеданий (синагог и мечетей) на почву твердого и определенного закона, вне зависимости от какого-либо усмотрения и необоснованных административных распоряжений»*. К сожалению, большая часть проектов так и не была реализована, правящие круги российского государства ограничились полумерами.

Централизованная вероисповедная политика в масштабах Российской империи имела свою региональную специфику на местах. Так, в Таврической губернии согласно проведенной в 1897 г. переписи населения проживало 1.447.790 чел., большая часть которых принадлежали к православию – 1.069.556 чел. (73,9 %). В спектре нехристианских конфессий, представленных на территории Таврической губернии, к исламу принадлежали 190.800 чел. (13,2 %), к иудаизму – 60.752 чел. (4,2 %), к караизму – 6.166 чел. (0,4 %). Этноконфессиональный состав населения губернии был очень разнообразным, особенно на территории Крымского полуострова, где в общую численность жителей (546.592 чел.) входили представители 37 этносов [18(41), с. 92-93]. Точно определить удельный вес различных этносов не всегда удается, так как дореволюционная статистика вела учет не по национальному признаку, а по родному языку и вероисповеданию. Восточнославянская группа народов составляла 247.724 чел. (45,3 %), в том числе: русских – 180.963 чел. (33,1%), украинцев – 64.703 чел. (11,8 %) и белорусов – 2.058 чел. (0,4 %) [18, с. 98-99]. Крымских татар было зарегистрировано 194.294 чел. (35,5 %), евреев – 24.168 чел. (4,4 %). Кроме того, среди тюркоязычных народов Крыма, перепись 1897 г. отмечала караимов *«ц часть иудеев»* (очевидно крымчаков) – 8.911 чел. (0,6 %) [18(41), с. 100-101].

Перепись 1897 г. наглядно иллюстрирует не только широкий спектр национального состава населения Тавриды, но и его поликонфессиональность. В процентном и абсолютном отношении наибольшее количество жителей полуострова придерживалось христианского вероучения, но они отличались разнообразием церковного подчинения. Так, к православию принадлежали только 269.487 чел. (49,3 %), прежде всего украинцы, русские, белорусы, болгары, греки и др., а 131.930 чел. (10,9 %) представляли другие христианские конфессии. Среди нехристианских конфессий на Крымском полуострове наиболее многочисленными были приверженцы ислама – 34,5 % (188.832 чел.), в рамках иудаизма были зарегистрированы 5,3 % (28.705 чел.) [18(41), с.92-93]. Данные переписи 1897 г. отразили, что этноконфессиональный состав населения Крыма во второй половине XIX ст. существенно изменился; в результате массовой эмиграции крымскотатарского населения в Турцию мусульмане стали религиозным меньшинством в этом регионе. Позиции православия значительно усилились, но оставались сложными в столь пестром по этноконфессиональному составу регионе. В частности, на Таврическом миссионерском съезде в 1899 г. отмечалось, что православное население, *«окруженное массой иноверного, инославного и расколо-сектантского населения»* [1], находилось с ним в тесных взаимоотношениях. В результате этого оно, знакомясь *«с религиозными воззрениями своих соседей ... легко проникается духом религиозного скептицизма и индифферентизма»* по отношению к право-

славной вере. Более того, в некоторых деревнях жители *«обращаясь постоянно среди немцев, а особенно татар, разучиваются даже говорить по-русски и начинают говорить по-татарски или по-немецки»* [1]. Поэтому рекомендовалось расширять и укреплять влияние Русской православной церкви в данном регионе.

В то же время конфессиональная ситуация в отдельных регионах Крыма имела собственную специфику. Например, численность мусульманского населения в Симферопольском, Ялтинском, Евпаторийском, Феодосийском уездах была доминирующей по отношению к представителям других конфессий, а в Керчь-Еникальском и Севастопольском градоначальствах ситуация была диаметрально противоположной. В частности, в Севастопольском градоначальстве, по данным переписи 1897 г., всего проживало 57.455 чел., в том числе приверженцы православия составляли 84 %, иудаизма – 6,4 %, ислама – 3,3 % [18(41), с. 98-125].

Представители различных вероисповеданий были объединены в общины, обязательной принадлежностью которых являлось наличие храмов, благотворительных обществ, учебных заведений. На Крымском полуострове, зачастую в нескольких десятках метров друг от друга, действовали мечети, кирхи, костелы, синагоги, кенасы и православные храмы. Только в столице губернии, городе Симферополе, верующие разных национальностей совершали службу в 9 православных храмах, 12 мечетях, 2 армянских церквях, а также в костеле, кирхе, синагоге и караимской кенассе [10]. Кроме того, в Таврической губернии существовала очень разветвленная, но не централизованная и не унифицированная система этноконфессиональных учебных заведений.

В последней трети XIX ст. крымские татары на собственные средства обеспечивали работу 23 медресе, только в Бахчисарае – бывшей столице Крымского ханства – функционировали 3 медресе, самым известным среди которых оставалось старинное Зинджирли-медресе. В крымских медресе давалось богословское образование в соответствии с нормами ислама и традициями крымскотатарской педагогической культуры, что предусматривало высокий уровень знаний арабского и турецкого языков. Однако владение среди их выпускников европейскими языками было достаточно низким, даже русский язык удовлетворительно знали лишь 0,1% крымских татар. Эта ситуация порождала потребность в модернизации крымскотатарского образования, примером которой стали «новометодные школы» Исмаила Гаспринского. Большое внимание реализации идей И. Гаспринского, развитию образования крымских татар уделял муфтий Али Хункалов, который ходатайствовал перед правительством об открытии в Бахчисарае высшего мусульманского училища с преподаванием всех дисциплин на татарском и русском языках [10, л. 1].

В конце XIX ст. в Крыму существовало уже около 535 мусульманских учебных заведений, которые относились к различным управленческим структурам. Из них: мектебе и медресе, подведомственных Департаменту духовных дел иностранных исповеданий соответственно – 505, городских и сельских школ Министерства народного просвещения – 21, школ грамоты – 4, пятничных школ для взрослых – 2 и вечерних школ для взрослых – 3 [8]. Конфессиональные школы создавались и с помощью общественных организаций. Например, в 1906 г. начинает свою работу общество пособия бедным мусульманам г. Евпатории и Евпаторийского уезда. Согласно его уставу, утвержденному 12 января 1906 г. вице-губернатором Таврической губернии, своей целью общество провозглашало *«доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных мусульман города Евпатории без различия пола, возраста и звания»* [9]. Далее в уставе отдельно оговаривалось, что для выполнения установленных целей и обязанностей общества, по мере развития его средств, необходимо будет организовывать учреждение русско-татарских училищ и русских классов при существующих татарских мектебе и медресе в Евпатории, открывать общежития для учащихся из татар, а также новые мектебе и медресе. При мусульманском благотворительном обществе Севастополя также действовало мектебе [13, с. 116].

К иудаизму на Крымском полуострове принадлежали 60.752 чел. (4,2 % от общего числа жителей), как собственно евреи, так и крымчаки, проживавшие в основном в городах [18, с. 92-93]. Наиболее активную роль играли еврейские общины Севастополя, Сим-

ферополя, Феодосии, Евпатории, Карсубазара. Например, к 1874 г. в Севастополе построили еврейский молитвенный дом (Солдатскую синагогу), а в 1884 г. – Главную (хоральную) синагогу. Оба храма располагались на Городском холме, молитвенный дом на ул. Мичманской, 13, Главная синагога на ул. Мало-Офицерской, 7. Председателем правления молитвенного дома более сорока лет состоял Н.Л. Рембашевский. Старостами хоральной синагоги были И.И. Файнберг, И.П. Зусман, П.О. Гефтман. В 1898 г. в Севастополе создали еврейское благотворительное общество. Основателем и первым председателем его был раввин И.А. Фрид. При обществе работали общественное училище «Талмуд-Тора», субботняя школа и бесплатная библиотека. Одним из организаторов библиотеки стал врач В.М. Шифрин. Кроме того, в Севастополе действовало 5 начальных еврейских школ – хедеров [13, с. 116-131]. Община крымчаков Севастополя была немногочисленной. В начале XX ст. в городе проживало до 70 семей крымчаков. Крымчакская синагога открылась в 1903 году. При ней было организовано общество пособия бедным крымчакам-евреям города Севастополя «Сомех-Нофлим», председателем его в 1910-е гг. являлся Д.О. Гурджи [13, с. 116].

В рассматриваемый период в Крыму проживали 6.166 караимов (0,4 %). К концу XIX ст. на территории Крыма действовали 15 караимских учебных заведений, в числе которых нужно отметить: гахамские школы – 10, субботний вечерний класс для взрослых караимок – 1, частных женских школ III разряда – 3, частная смешанная школа – 1. Еврейских учебных заведений на тот период было: 1-классных – 4, «Талмуд-Торы» – 7, частных школ III разряда – 30 (14 мужских и 16 женских), субботних вечерних школ для взрослых 8 (4 мужских и 4 женских) и 116 хедеров. В 1895 г. в Евпатории открылось Александровское Караимское духовное училище с целью подготовки юношей к исполнению духовных должностей. В 1916 г. в Евпатории была основана караимская библиотека «Карай Битиклиги», в которой были собраны многие караимские и другие рукописи и книги, в большинстве случаев религиозного содержания [9].

Севастопольская караимская община составляла в 1897 г. 446 человек (0,74%). Во второй половине XIX в. караимский молитвенный дом размещался в наемном помещении. В 1884 г. караимское общество приобрело место на ул. Б. Морской, 29 для строительства храма. Проект здания утвердили в 1896 г., но из-за отсутствия средств строительство затянулось. Храм был открыт и освящен 15 мая 1908 года. Храмы караимов назывались «караимскими синагогами», в 1911 г. это название было изменено на «кенаса», что значит «дом собрания». Газзаном кенасы был известный караимский писатель и общественный деятель Товий Леви-Бобович, старостой – Яков Коджак [13, с. 115].

В 1897 г. было создано Севастопольское караимское благотворительное общество. Общество выдавало ежемесячные и единовременные пособия неимущим, оказывало бедным медицинскую помощь, помогало в обучении детей [13, с. 131].

В целом на территории Таврической губернии в начале XX ст. мирно уживались представители различных этносов и конфессий. Политика веротерпимости со стороны государства нашла отражение в разветвленной системе этноконфессиональных учебных заведений, существовавших на территории Таврической губернии. Например, в губернском центре г. Симферополе наряду с православными духовными учебными заведениями функционировали другие конфессиональные школы как христианского, так и нехристианского толка: Симферопольское евангелическо-лютеранское училище; армяно-католическое училище; римско-католическая приходская школа; армяно-григорианская церковно-приходская школа; Симферопольская татарская учительская школа; русско-татарское министерское училище; крымскотатарское медресе симферопольского мусульманского благотворительного общества; крымскотатарское медресе прихода Аджи Сеит Нафе; бесплатное женское профессиональное еврейское училище Х.М. Коган; училище «Талмуд-Тора»; Симферопольское еврейское начальное училище; училище II разряда Д.М. Коган; бесплатное училище при молитвенном доме «Нер-Томид» [10].

Конец XIX – начало XX вв. – переломная веха в общественно-политической жизни российского государства. Общий вектор развития конфессиональной политики Российской империи в данный период составляла тенденция к расширению веротерпимости.

Предпринимались попытки осуществить модернизацию вероисповедного законодательства, чтобы снизить революционные настроения в обществе, однако этноконфессиональная политика самодержавия по-прежнему предусматривала закрепление за Россией русско-православной идентичности при осознании неизбежности сохранения в ее границах определенной культурно-цивилизационной мозаичности.

В начале XX ст. в Таврической губернии соседствовали народы с различными историческими судьбами, религиозными и культурными традициями. На территории губернии в рассматриваемый период создавались новые православные и неправославные приходы, строились христианские и «иноверческие» культовые сооружения, формировались и действовали общественные благотворительные организации, религиозные братства и учебные заведения различных этносов и конфессий, епархиальное духовенство разрабатывало методы миссионерской деятельности и межконфессионального общения, работало в сфере народного просвещения. Все эти процессы находились под контролем центральных, региональных и местных органов государственной власти.

Источники и литература.

1. ГААРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 6372.
2. ГААРК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 4489.
3. ГААРК. Ф. 315. Оп. 1. Дд. 1128, 1317.
4. ГААРК. Ф. 315. Оп. 3. Д. 8.
5. ГААРК. Ф. 751. Оп. 1. Д. 11.
6. ГААРК. Ф. 751. Оп. 1. Д. 19.
7. ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1317.
8. ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1532.
9. ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1548.
10. ГААРК. Ф. 736. Оп. 1. Д. 1.
11. ГАГС. Ф. КМФ-3. Оп. 1. Д. 364.
12. ГАГС. Ф. КМФ-3. Оп. 1. Д. 349.
13. ГАГС. Ф. КМФ-3. Оп. 1. Д. 1123.
14. Главное управление духовных дел иностранных исповеданий // Государственность России (конец XV-февраль 1917). М, 1996. Кн. 1. С. 182-183.
15. Дело Таврического губернского правления с циркулярами высшего начальства для сведения и руководства. 12.12.1911 (Кричинский Арслан. Очерки русской политики на окраинах. Ч. 1. К истории притеснений крымский татар. Приложение: секретные документы. С.138).
16. Лиман І.І. Прийняття в православ'є представителів інших конфесій на юге України в кінці XVIII – в першій половині XIX століття // Державна етнонаціональна політика: правовий і культурологічний аспекти в умовах юга України. Збірник наукових праць Всеукраїнської науково-практичної конференції 4-5 жовтня в 2001 році. Запоріжжя, Сімферополь, 2001. С. 45-48.
17. Новый закон // Терджиман, 30 июля 1891. №25.
18. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 1-89. СПб, 1899-1905. Т. 1. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб, 1905; Т. 41: Таврическая губерния. СПб, 1904. 310 с.
19. ПСЗРИ. Сборник первый. СПб, 1830. Т.1-45.
20. ПСЗРИ. Сборник второй. СПб, 1830-1884. Т.1-55.
21. ПСЗРИ. Сборник третий. СПб, 1885-1916. Т.1-33.
22. Третий Всероссийский мусульманский съезд. Казань, 1906. 96 с.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ Н.И. КОСТОМАРОВА

ВИКТОРОВ Ю.Г., ТАЛЫЗЕНКОВА М.Г.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Изучение мировоззрения, философских и религиозных взглядов историков, оказавших заметное, а иногда и определяющее влияние на развитие отечественной исторической науки, представляется важной, актуальной задачей. Историк способствует формированию парадигм, которыми – иногда очень длительный срок – живет общество.

В ряду знаменитых отечественных историков особый интерес представляет Н.И. Костомаров, общее миросозерцание и исторические воззрения которого, как писал один из его первых биографов историк Д.А. Корсаков, «были в высшей степени субъективны, более чем у кого-либо из русских историков XIX века» [12, с. 222].

Современникам Н.И. Костомаров представлялся человеком с весьма сложным характером: «В одно и то же время, он являлся рационалистом, скептиком и мистиком. Он разумно решал вопросы исторической жизни народов и обыденной жизни отдельного человека и, вместе с тем, ездил гадать на картах у прославленной гадалки» [36, с. 148].

«Психическая природа Костомарова отличалась и сложностью, и оригинальностью, - писал Д.А. Корсаков. - Богатые духовные дарования почившего и необыкновенная впечатлительность его натуры преломились, так сказать, через призму весьма неблагоприятных жизненных обстоятельств, что не могло не запечатлеться на всем духовном облике Костомарова. Отсюда прежде всего те противоречия в нем, которые поражали людей, мало его знавших, и были понятны и объяснимы только для его друзей. [...] Врожденные склонности человека намечают программу его последующего развития, а впечатления детства кладут неизгладимую печать на его миросозерцание. В высшей степени нервная и впечатлительная натура Костомарова еще в детстве испытала самые противоположные влияния» [13, с. 73].

Отец Н.И. Костомарова был помещик, выросший в воззрениях легкомысленного религиозного вольнодумства XVIII века, мать – крепостная отца, воспитанная им в московском пансионе, отличалась, напротив, глубокой религиозностью [13, с. 73].

И.П. Костомаров, ум которого, по замечанию сына, колебался между совершенным атеизмом и деизмом, не позволял рассказывать ребенку сказок, историй о привидениях, леших, домовых, ведьмах и т. п. – всего того, что он называл «поэтическим вымыслом», «вульгарностью». Вместе с тем, несмотря на постоянное внушение И.П. Костомаровым вольтерьянского неверия (вплоть до заучивания его сыном произведений Вольтера наизусть), Т.П. Мыльников, мать Н.И. Костомарова, находила способ противодействовать этому направлению [9, с. 269; 16, с. 429]. Исследователи отмечают, что благодаря ее воспитанию Н.И. Костомаров воспринял основы православной веры и одновременно обрел интерес к различным народным верованиям.

Вероятно, от матери Николай Иванович унаследовал настороженное и достаточно неприязненное отношение к католицизму, представители которого принесли много бед народу Украины. Вместе с тем для Н.И. Костомарова как для православного человека католики были более близки по духу, культуре, традициям, чем протестанты, у которых, как он замечал, господствовала «какая-то сухость духовной жизни». «Как только приедешь в католический город и услышишь звон, то чувствуешь что-то родное, близкое сердцу», - писал историк после поездки за границу [16, с. 509].

История с трагической гибелью отца, убитого собственными слугами, воспитанными на вольтерьянстве, поразила юного Н.И. Костомарова, и он вырос христианином, вспоминая об атеизме лишь с грустной иронией – или иногда с праведным гневом, отмечает один из современных исследователей его творчества В. Заславский [8]. «Отец Николая Косто-

марова умер безбожником. Сын, в противоположность ему, был крепок в вере, и в последующей своей работе с позиций православия подходил к раскрытию смысла бытия, исторических судеб личностей, племен, народов, наций», - убеждает другой современный исследователь А.Ф. Смирнов [45, с. 10].

Сам Николай Иванович вспоминал о своем детстве: *«Наслышавшись от отца разных вольнодумных мыслей и начитавшись Вольтера и других, ему подобных, я, несмотря на свой девятилетний возраст, навел такой ужас на пансионское начальство своими фразами о религии и правительстве, что даже подумывали: не выключить ли меня из пансиона»* [1, кн. V, с. 195].

Интересен отзыв будущего ученого о гимназическом учителе словесности Н.М. Севастиянове, который был охарактеризован им как тип ханжи, склонного к деовитизму¹ и оттого более поучавшего благочестию и добродетели, чем русскому языку, заставлявшего читать молитвы и класть поклоны, часто рассказывающего о чудесах святых, о чудотворных иконах, об архиереях, о ризах и т. п. *«Раз приказал он одному ученику читать "Христос воскрес"; я не вытерпел и закричал сзади по козлиному»*, - вспоминал Н.И. Костомаров [1, кн. V, с. 198; 16, с. 433-434]. Не большей его любовью пользовался и священник Я. Покровский, преподававший греческий язык и Закон Божий – *«человек до крайности грубый и заносчивый»*, как отзывался о нем его бывший ученик [16, с. 434; 37, с. 485]. Не выдержав, Николай Иванович однажды прямо на уроке назвал его *«кутьей и сукиным сыном»*, чем навлек на себя гнев гимназического начальства. Кстати, возмущение вызывало у Н.И. Костомарова нежелание некоторых учеников давать прямой физический отпор «зарвавшимся» преподавателям².

Еще одно любопытное упоминание относится к студенческим годам Николая Ивановича: однажды в уличной драке в одном из глухих мест города он проткнул некоего «приказного» шпагой, вделанной в палку (*«оружие, строго запрещенное в то время»*, - сухо замечает историк). *«Было произведено следствие; искали виновных, но ничего не обнаружилось»*. Н.И. Костомаров не узнал, выжил ли раненый им человек [1, кн. V, с. 201].

В своих автобиографиях³ историк не называет вполне ясных причин, почему по окончании университета он не получил степени кандидата. Согласно варианту автобиографии редакции Н.А. Белозерской, это было следствием того, что Н.И. Костомаров имел *«неудовлетворительный балл из богословия, полученный на втором курсе»*. В автобиографии, записанной его женой, Н.И. Костомаров уже говорил о хорошей оценке (bene). В отдельном автобиографическом очерке (1860 г.) уточнялось, что заниженная оценка была обусловлена тем, что он отвечал на экзамене по богословию «своими словами», что расходилось с требованиями преподавателя [1, кн. V, с. 201; 16, с. 445; 37, с. 487]. О том, какое впечатление произвел на будущего историка прочитанный курс, в опубликованных автобиографиях не сказано.

Характер Н.И. Костомарова словно соткан из противоречий. Современники отмечали его готовность прийти на помощь в трудную минуту, бескорыстность; например, все деньги, вырученные от продажи поместья (20 000 руб.) были переданы им для строительства в родном селе народной школы. Духовные поиски Н.И. Костомарова привели его однажды к решению поступить в монастырь [36, с. 146-148].

С другой стороны, в тех частях автобиографий Николая Ивановича, где описывается его пребывание в церквях и монастырях, есть характерная особенность: в этих текстах сложно заметить религиозное чувство, искреннее проявление веры, при котором следовало бы ожидать уважения к святости мест со стороны посещающего их православного человека. Н.И. Костомаров в них – прежде всего ученый; для него важнее история стен, в

¹ Безусловной преданности чему-либо.

² За Н.И. Костомарова поднесли директору гимназии («мерзавцу и взяточнику», по определению историка) два пуда сахара и дело «замяли» [1, кн. V, с. 198-199].

³ Сохранился отредактированный Н.И. Костомаровым «классический» вариант, записанный его женой А.Л. Крагельской в 1875-1881 гг., и «черновой вариант», записанный подругой Н.И. Костомарова Н.А. Белозерской в 1869 году. Значение последнего в историографии принижается, хотя Н.А. Белозерская была горячей поклонницей Н.И. Костомарова и, *«вполне понимая всю святость обязанности, возложенной на нее великим ученым»*, стремилась *«с полнейшей точностью»* передать то, что ей диктовали [1, кн. V, с. 425; 16, с. 193].

которых он находится, вид икон, фресок, обрядов, монастырские библиотеки и архивы [1; 16]. Иногда он иронизирует над чувствами прихожан и их суевериями [16].

Возможно, это было связано с тем, что Н.И. Костомаров не любил делиться с неблизкими ему людьми своими сокровенными мыслями и переживаниями. Однажды это привело к тому, что студенты, полагавшие что имеют представление о мировоззрении своего учителя, решили, что его лекции «...пропитанные свободными воззрениями, слушанные ими долгое время, не заключали в себе ничего такого, после чего можно было бы ожидать [...] уважения к церковным обрядам, свойственного необразованной толпе». На это он заметил им, что читал лекции по русской, а не церковной истории, и тем более не по богословию, следовательно, не мог по совести высказать им относительно своей собственной веры никаких ни приятных для них, ни неприятных убеждений. «Если же, по их словам, мои лекции отличались свободными воззрениями, то это одно понуждает меня требовать от них уважения к свободе совести. Я прибавил, что если меня возмущали и теперь возмущают темные деяния католической инквизиции, преследовавшие безверие, то еще более возмущала бы наглость безверия, преследующая, как нравственное преступление, всякое благочестивое чувство. “Если вы, господа, сторонники свободы, то научитесь сами уважать ее для тех мнений, которые вам не нравятся и которых вы опровергнуть положительно научным способом не в состоянии”», – писал Н.И. Костомаров [16, с. 552].

Вместе с тем вера не мешала ему скептически относиться к тем представителям церкви, которые, по его мнению, не обладали должной образованностью. Сохранилось, например, воспоминание о пребывании Николая Ивановича в Троице-Сергиевом монастыре, где он «поддразнивал монахов и спрашивал: “не искушают ли их бесы”»? «Впрочем, – добавлял Н.И. Костомаров, – состав монахов был крайне разнообразен. Так, например, один из них читал с увлечением Полярную Звезду и тому подобные книги» [1, кн. VI, с. 35]. В Клопском монастыре историк в шутку убеждал администратора в том, что «в тонком сне» ему явился святой Михаил Клопский и повелел остаться в обители монахом, если позволят. Николай Иванович делал это в надежде на хороший обед, но в итоге ему и его спутникам пришлось ограничиться чаем [1, кн. VI, с. 130]. Вообще рассказы о шутках над монахами, описания чаепитий, ужинов, сервировки столов, ночных гуляний и песнопений в монастырях нередки в автобиографиях историка.

Еще один любопытный случай имел место во время пребывания Николая Ивановича в ссылке в Саратове. Н.И. Костомаров однажды устроил пожар на монастырском кладбище (подкурил сигару, бросил горящую спичку в сухую траву). После того, как пожар был потушен, местный священник обвинил монахинь, что это их возлюбленные подожгли кладбище, чем довел их до слез. «Затем он обратился ко мне и сказал: “Хорошо, что вот Бог тебя принес, а то бы совсем пропали”». Таким образом, я еще получил благодарность», – писал Николай Иванович, судя по всему так и не признавший своей вины [1, кн. VI, с. 24].

Возможно, столь противоречивый образ мыслей и действий был связан со своеобразным воспитанием, которое дал сыну И.П. Костомаров, с тем, что молодой человек был приучен к постоянному сокрытию правды, к «игре».

Вместе с тем, несмотря на запреты отца, издевавшегося над верованиями крестьян, по воспоминаниям очевидцев «церковь Николай Иванович посещал самым исправным образом и здесь опять таки поражал крестьян своими странностями. “Войдет, бывало наш паныч в церковь – и сейчас же “зирк-зирк” по сторонам, “як тот звирочек”, всех осмотрит, а потом как станет на одном месте, как поднимет очи на иконы, так и стоит уже “до конца службы”, как вкопанный, и все на Бога смотрит или, может быть, молится» [1, кн. VI, с. 41; 52, с. 73].

По рассказам современников, Н.И. Костомаров был замечательным знатоком церковнославянского языка, строгим исполнителем православного устава [36, с. 147; 31, с. 452]. Любопытно, что при этом отмечалось: «...если бы Николаю Ивановичу случилось захворать в какой-нибудь захолустной малороссийской деревушке и ему предложили бы позвать ворожку, он охотно согласился бы. Это сделал бы он, конечно, не для медицинских и даже, может быть, не для этнографических целей. Факт ворожбы, сопровождающие ее обряды и самый текст заклинаний проникнут таким искренним и наивным

чувством единства человека с природою, а, следовательно, с поэзией, а отсюда и с красотою, что такому знатоку этого дела, как Николай Иванович, было слишком много достаточных причин интересоваться ворожкой, оставя в стороне даже научные цели. [...] ...все церковные обряды говорили ему совсем не то, что нам, современным средним людям», – заключает автор одного из воспоминаний о Н.И. Костомарове [3, с. 48].

При этом Николай Иванович считал необходимым реформировать православную, а также католическую и греко-униатскую обрядовость, ставшую непонятной для большинства прихожан, и даже набросал проект литургии Св. Иоанна Златоуста, самой распространенной в православии [12, с. 249].

Те, кто бывал в жилище уже взрослого Н.И. Костомарова, подмечали другие странности и противоречия, связанные с его религиозностью: с одной стороны в глаза посетителям бросался образок св. Георгия, неизменно висевший над входной дверью в качестве оберега от злых духов, иконки и лампадка в комнате, Библия, главы из которой Николай Иванович по обыкновению читал с шести утра, и, вместе с тем, нельзя было не заметить, например, распятие, служащее грузом для ящика с курительными принадлежностями¹, или череп, найденный историком в 1862 г. во время осмотра новгородских достопримечательностей и лежавший на его книжном шкафу [34, с. 77; 35, с. 196; 36, с. 148; 42, с. 24]. Н.И. Костомаров так описал обстоятельства этой находки: «Мы нашли большой, довольно высокий холм, и когда стали зонтиками копать на нем землю, то увидели, что весь этот холм состоит из человеческих костей. [...] Я сообразил, что этот могильный холм есть место погребения новгородцев, разбитых на берегу Шелони. [...] Взявши на память два черепа (второй череп остался у некоего Отто, сопровождавшего Н.И. Костомарова. – прим. авт.), мы поехали далее...» [16, с. 588].

Николая Ивановича нередко заставляли разговаривающим с этой находкой. «Скажи мне, кто ты? – витязь иль из ратных воинов?», – вопрошал историк, держа череп в своих руках. Своим знакомым Н.И. Костомаров рассказывал, как с какого-то времени «череп этот заходил по ночам по кабинету. [...] Ночи, говорит, – не сплю, слышу, что кто-то ходит по кабинету. Кричу Мирона (так назывался старик слуга Ни. Ив.). Является Мирон. Я его спрашиваю: кто ходит по кабинету? Никого нет, отвечает Мирон, но я сам слышал шаги, и уже не одну ночь, и думал, что это вы изволите прохаживаться». Впоследствии Н.И. Костомаров избавился от этого предмета, зарыв его на Смоленском кладбище и заказав панихиду [31, с. 450; 35, с. 198-199].

Кстати, это были не первые части человеческих тел, которые Николай Иванович хранил или позволял хранить у себя дома. Так, еще в 1844 г., посещая Острожский монастырь, где с большим интересом он осматривал вскрытые для него склепы и гробы, Н.И. Костомаров взял оттуда «голову иезуита с плечами и увез с собой». Слуга Николая Ивановича Фома «подкладывал себе потом этот скелет под свою подушку и перед сном вел с ним довольно своеобразные разговоры» [35, с. 209].

Вообще Николай Иванович испытывал большой интерес к человеческим останкам, особенно к тем, которые позволили бы ему рационально объяснить отдельные явления, например нетленность мощей и одежд некоторых святых². А.М. Кулиш, жена его бывшего соратника по Кирилло-Мефодиевскому обществу П.А. Кулиша, рассказывала об одном из свиданий со знаменитым историком, которое он предложил посвятить изучению катакомб святокрижского костела. Она писала: «Он уже был в них и осмотрел все гробницы. Об одной покойнице XVII века он говорил, что она удивительно хорошо набальзамирована, что он ее посадил и она была гибкая, как живая». А.М. Кулиш отметила, что при осмотре трупа Н.И. Костомаров был словно в экстазе, очаровательно «сиял какой-то торжественностью, каким-то откровением былого», непременно в чем-то хотел просветить присутствующих [30, с. 258-259].

¹ Любопытный факт: на крышке этого ящика было изображение царя Алексея Михайловича, из соображений благочестия противившегося распространению курения в России [12, с. 282].

² При этом, осматривая мощи православных святых, Н.И. Костомаров, по отзывам некоторых современников, испытывал подлинное благоговение [2, с. 128; 16, с. 584-605; 29, с. 199-200].

На протяжении всей своей жизни Н.И. Костомаров был увлечен и темой общения с духами. Так, еще в детстве сильное и неизгладимое впечатление на него оказала любимая им опера К. Вебера «Вольный стрелок», а также опера М. Миллера «Чертова мельница». Позже Н.И. Костомаров писал, что *«ничему не верил, но особенно любил»* подобные истории о привидениях [1, кн. V, с. 194-197; 16, с. 430]. При этом некие «видения» и слуховые галлюцинации стали являться ему еще в детстве, затем он столкнулся с ними уже во взрослом состоянии – например, во время его годичного заключения в стенах Петропавловской крепости (1846-1847 гг.), в период интенсивной работы, недостаточно качественного питания и недосыпания (1865 г.) [1, кн. V, с. 219; 16, с. 599-600; 45, с. 35].

Первые попытки осмыслить эту тему относятся к тому времени, когда еще подростком Н.И. Костомаров со своим товарищем испытал волнующее приключение, позднее описанное им в рассказе «Большая» [18, с. 376-388]. Н.И. Костомаров вспоминал об этом: *«Одна из крестьянок неоднократно заявляла своей матери, что недавно похороненный ее муж каждую ночь ровно в полночь приходит домой. Явление это всегда случается при следующих обстоятельствах: в полночь, пред пением петухов из одного угла избы слышится сильный ветер, потом отворяется в избу дверь и является тень мужа. Нас [...] заинтересовало это обстоятельство до такой степени, что мы с товарищем порешили переночевать в избе и убедиться в справедливости рассказа. С вечера пришли мы в избу и улеглись на полу [...] ...апряженным вниманием поджидали мы того времени, когда тень явится. Ровно в полночь услышали из-за угла хаты ветер; в это время мы еще больше пришли в тревожное состояние; наконец мы слышим скрип дверей, и нам явственно показалась тень человека, идущего от дверей к столу. Тут уже у меня совсем дыхание замерло. [...] Страх нами овладел не на шутку; мы не скоро могли подняться и зажечь свечу»* [31, с. 451; 35, с. 205-206]. Пытаясь интерпретировать увиденное, Н.И. Костомаров рассуждал: *«...нельзя отвергать и отрицать ничего на том только основании, что мы в данное время понять этого не можем. Многие также отвергали и отрицали деды наши из того, что теперь нам всем кажется понятным и ясным. Кто поручится, что наши потомки не уразумеют многое из того, что нам пока непонятно и что мы склонны отвергать? А если иное, быть может, и никогда не удастся человеку разрешить себе и уяснить, то и с тем надобно мириться. Значит, человек так создан, что это вне сферы его понимания! Но такая точка зрения успокаивала меня только по отношению к тому, что было непостижимым в области религии. [...] Такая точка зрения не относилась, однако, к области предрассудков и суеверий, господствующих в простом народе, а в науке не находивших себе никакой опоры»* [18, с. 383].

Такие случаи, по замечанию современников, имели для Н.И. Костомарова особое значение, *«он каждым из них хотел воспользоваться для целей научных»*, найти естественное объяснение сверхъестественному [35, с. 206]. При этом его явно не удовлетворяло ни традиционное для православных объяснение подобного присутствием бесов, хотя он и писал и говорил иногда о них как о реальных существах [24, с. 166; 12, с. 247], ни рациональными причинами: например, болезненным состоянием субъектов, сталкивавшихся с необъяснимыми явлениями.

Н.И. Костомаров признавал за собой излишнюю, болезненную впечатлительность и мнительность (иногда она доходила *«до чрезвычайных пределов»* и служила *«источником нескончаемых мучений во всю его жизнь»*) [1, кн. V, с. 204; 16, с. 450]); современники одной из его ярких черт считали склонность к суевериям.

В период саратовской ссылки в 1855 г., возможно, пытаясь найти объяснение своим видениям, а также *«от провинциальной скуки»* Николай Иванович *«сильно увлекся»* спиритизмом и ставил опыты над знакомыми мальчиком и девушкой, по его мнению *«увенчавшиеся полным успехом»*. Их результаты привели историка в полный восторг. Руководством для Н.И. Костомарова служила *«одна французская книга, об опытах, какие делались во Франции»* [1, кн. VI, с. 29-30]. Вероятно, это была «Книга духов» («Le Livre des Esprits») А. Кардека, в которой впервые была сформулирована доктрина спиритизма.

Ее влияние на Николая Ивановича можно усмотреть, например, в его автобиографическом по форме рассказе «Фаина», где достаточно ясно выражено согласие автора с иде-

ей метемпсихоза – так, как понимал эту идею А. Кардек [28, с. 389-407; 54]. Тот утверждал, кстати, что некоторые болезни вызываются духовными причинами, особенно эпилепсией, шизофренией, раздвоением личности, - и от них можно избавиться посредством лечения психики, требующего духовного руководства. Такие идеи были распространены в спиритуалистическом сообществе, где медиумы обращались к миру духов, чтобы помочь страждущим избавиться от поразивших их недугов.

Позже Н.И. Костомаров, разочаровавшийся в спиритизме, на что, вероятно, повлияло признание его подопытного в притворстве, высмеивал спиритуалистов. Новым его увлечением был «животный магнетизм» (вероятно, не в значении разоблаченного к тому времени «месмеризма», а «гипнотизма» [6, с. 726-734; 33, с. 143-144]). Н.И. Костомаров считал себя опытным «магнетизером» и любил рассказывать знакомым и незнакомым людям много интересных случаев из собственных опытов [13, с. 81]. Во время одного из таких рассказов Николай Иванович на вопрос о том, верит ли он в существование души отвечал так: *«Я не могу верить в то, чего не знаю. [...] Я бы желал думать, что я не умру на земле; я бы желал знать, как я буду жить за гробом; я бы желал знать, что такое душа; но куда я этого не знаю»* [12, с. 237-238].

Интересны шутки Н.И. Костомарова по поводу того, что станет с ним после смерти. Иногда он рассуждал о том, какими словами его встретят в загробном мире те исторические персонажи, которым «досталось» от его острого пера. Однажды он попросил начальника Рукописного отдела Публичной библиотеки А.Ф. Бычкова похоронить его под полом этого Храма науки. *«Чем Публичная библиотека хуже Успенского собора или Чудова монастыря? [...] Чем я хуже московских митрополитов Петра, Алексея, Ионы и Филиппа»*, - с самым серьезным видом спрашивал его Николай Иванович [12, с. 241].

О необъяснимых явлениях Н.И. Костомаров говорил: *«В наше время чудес не делается, и большинство мыслящих людей склонно сомневаться, чтоб оне когда-нибудь и прежде совершались»*. Такая точка зрения возникла вследствие привычки людей нового времени оценивать события и явления с рациональной позиции, объяснять все объективными природными законами: *«В наше время мало найдется сколько-нибудь развитых людей, которые поверили бы рассказам о действии волшебных сил, о явлениях духов, домовых, мертвецов и тому подобного, и едва ли кто-нибудь из нас, если он находится в здравом уме, способен испытать над собою такие явления, потому что, прежде чем он что-нибудь такое испытает, у него в голове мелькнет вопрос: да возможно ли это?»* - писал Николай Иванович. *«В старые времена никому не приходила мысль о невозможности чего-нибудь по законам природы. При некоторой силе фантазии, при способности создавать себе мысленно образы - субъективное легко становилось объективным. Мы воспитались, выросли и живем под сомнением: предки наши воспитывались, выросли и жили под верою. Вера - великая сила; чему человек верит, то с ним и случается. Не даром сказано в Евангелии о переставлении гор силою веры. Но великий Сердцеведец, говоря эти слова, присовокупил и условие, при котором возможна такая сила веры: “если человек не размыслит в сердце своем”»* [17, с. 6-10].

Н.И. Костомаров отказывал в этой способности прежде всего людям науки, поскольку *«сомнение шаг по научнообразовательному пути, мы же себе такой путь давно избрали»*. При этом он, однако замечал, что в старые времена чудеса являлись лучшим, наиболее талантливым натурам, поднимавшимся *«выше низменной обыденной житейской прозы»* [17, с. 10].

Среди произведений Н.И. Костомарова, помогающих раскрыть его религиозные представления, важное место занимает «Книга бытия украинского народа» (или «Закон божий», как, по заверениям Николая Ивановича, его назвали представители власти [16, с. 485]), составленная историком в середине 1840-х гг. и ставшая программным документом знаменитого «Кирилло-Мефодиевского общества»¹.

Один из современных отечественных исследователей творчества Н.И. Костомарова, называя «Книгу бытия украинского народа» шедевром, так пишет об этом произведении:

¹ Любопытны и показательны обстоятельства обнаружения этих текстов [10, с. 32-40].

«Светом православия озаряется здесь не только история украинского народа, но и всего славянства». И далее: «Закон Божий» создан на одном дыхании, могучей силой откровения, творческая природа которого священна и не поддается рационалистическому объяснению. Трудно переоценить его значимость для понимания всего жизненного пути и творческих свершений Николая Ивановича. Здесь раскрывается его историософия, его понимание исторического процесса и своей роли в его познании». При этом подчеркивается преемственность «Книги Бытия...» Н.И. Костомарова и Нового завета [45, с. 33].

В действительности, для того чтобы сделать цели общества Кирилла и Мефодия понятными широкому кругу лиц, Николай Иванович избрал наиболее доступную для большинства форму, в своем «Законе божьем» «*пытаясь воспроизвести в стиле библейский тон*». Однако заметим, что при изложении идей кирилло-мефодиевцев историк ориентировался не столько на Священное писание, и в особенности Новый Завет, сколько на «Книги польского народа» А. Мицкевича (составленные в духе товянизма – учения, проповедующего особую, мессианскую роль польского народа и, добавим, осужденного Католической церковью как еретическое направление) [40, с. 56]. В «Книге бытия украинского народа», а также в статье «Украина» Костомаров возлагает надежду на мессианско-освободительную роль украинского народа [53, с. 28; 55].

Следует сказать, что далеко не все современники, в особенности близко знавшие его люди, разделяли суждение, что Николай Иванович испытывал неприязнь или даже ненависть к русскому (великорусскому в его терминологии) народу [12; 13, с. 84]. Вместе с тем отметим характерную деталь: в переписке, не предназначенной к публикации в России, а также в некоторых местах своих произведений Н.И. Костомаров часто употреблял клички «москали» и «кацапы» в отношении русских – даже если при этом цитирование документов становилось сфальсифицированным [4, с. 88-89; 41, с. 543-544].

Характерная черта «Книги бытия украинского народа»: русский народ в нем («москали» в украиноязычном варианте текста [11, с. 152-169]) представлен впавшим в идолопоклонство, его государи описаны как мучители, а Россия как тюрьма народов.

О «Законе Божьем» Н.И. Костомарова донесший на него студент А. Петров сообщал, что «*главная идея в этом сочинении состояла в том, чтобы доказать народу, что все бедствия, на него ниспосылаемые, происходят от подчинения его верховной власти, причем опровергается истинный смысл евангельских текстов: “Воздадите кесарево кесареви, а богово богу”, а также и слова апостолов: “Несть власть аще не от бога” и дается им совершенно превратное значение*» [10, с. 26]. Граф А.Ф. Орлов, курировавший следствие по делу кирилло-мефодиевцев, проверив показания А. Петрова, писал Николаю I: «*Эта рукопись под названием “Закон божий” [...] самого преступного содержания: в ней текстами священного писания, превратно истолкованными, и примерами из истории, столько же ложно понятыми, доказывается, что царская власть противна законам божеским и природе человеческой [...], что от монархического правления происходят одни бедствия и страдания и что славянские племена могут быть благополучны тогда только, когда над ними не будет никакой устанавливаемой людьми власти*» [10, с. 34].

Следствие показало, что члены раскрытого полицией общества, взявшие на себя роль просветителей славянских народов (не случайно их общество носило имя Кирилла и Мефодия, которых Н.И. Костомаров называл «славянскими апостолами») и в своем воображении готовившие себя к возможной мученической смерти «за други своя» и за исповедуемые идеи, при том, что предполагали «*действовать кротко и христианскими мерами*», не раз обсуждали необходимость революции, допускали убийство царской семьи. Н.И. Костомаров во время подобных бесед кирилло-мефодиевцев делал некие «возражения и вопросы», характер которых так и остался неизвестен [10, с. 24-56].

Пытаясь оправдаться и уверить власти, что он не нарушал данной государю присяги, историк рассказывал, что его мысли и действия никогда не носили антигосударственного характера, что он не являлся организатором и даже членом общества, что найденные у него бумаги были переданы ему либо его товарищами, либо третьими лицами, что он не писал «Книги бытия» и листовок антиправительственного и антирусского содержания. Ко-

гда же следствие выявило несоответствие этих утверждений действительности, историк сказался невменяемым, а после переменял свои показания на противоположные¹.

Надо сказать, что высказывания Николая Ивановича о русском народе и его вере привлекали внимание властей задолго до разгрома Кирилло-Мефодиевского общества. Так, еще в 1842 г., когда Н.И. Костомаров напечатал магистерскую диссертацию «О причинах и характере унии в Западной Руси», Святитель Иннокентий Борисов, епископ харьковский и ахтырский (впоследствии архиепископ Таврический), человек уважаемый и хорошо знакомый с церковной историей, дал показательный отзыв об этом сочинении: *«Я, к удивлению, нашел, что оно писано очень в нехорошем, почти не в русском духе, так что скорее может быть выставлено в любом журнале иностранном, как доказательство, что и из русских есть люди, кои смотрят на унию не по-русски. Это заставило меня сказать свое опасение главам здешнего университета, и они, вполне разделяя его, решились приостановивши диспутанта, послать это рассуждение к вам на просмотр предварительный. Мера весьма благоразумная. Вам виднее дела сего рода, и ваш приговор положит конец недоумениям. Только во всяком случае множество дерзких выражений на счет восточной церкви и ее патриархов, кажется, не должны быть пропущены, ибо они, кроме того что антиполитические, противны истории, и публичное защищение их может произвести соблазн»* [38, с. 387].

Хотя, по уверениям Н.И. Костомарова и мнению позднейшей критики, речь шла всего лишь о нескольких неудачных выражениях [15, с. 402], деканат факультета отправил диссертацию в Петербург на экспертизу в Министерство народного просвещения. В сопроводительном письме, написанном помощником попечителя Харьковского учебного округа Н.А. Цертелева, говорилось: *«Если я остановил публичное защищение этой диссертации, то единственно из осторожности, опасаясь, чтобы некоторые необдуманно употребленные сочинителем выражения не оскорбили нашего духовенства и не дали повода к невыгодным, хотя бы то и несправедливым, толкам»*². Историк Н.Г. Устрялов, по поручению Министерства народного просвещения разбиравший диссертацию, дал о ней такой отзыв, что согласно действующему законодательству Цензурный комитет повелел сжечь все отпечатанные экземпляры диссертации [5, с. 466-475].

Достаточно часто мнение Н.Г. Устрялова о первой диссертации Н.И. Костомарова представляется как мнение ретрограда, борца с новыми веяниями в историографии. Однако его выводы не кажутся необоснованными при их сопоставлении с источниками и основными положениями рассматриваемой магистерской диссертации. Например, Н.Г. Устрялов указывал на необоснованность вывода Н.И. Костомарова, что принятие унии было потребностью и необходимостью народа Малороссии [47, с. 58-62].

По положениям действовавшего тогда третьего Цензурного устава автор пострадавшего произведения имел право обжаловать такое решение, однако Н.И. Костомаров не сделал этого. В конце концов он переработал и опубликовал части своей магистерской диссертации в виде «Отрывков из истории южнорусского казачества до Богдана Хмельницкого» и очерка «Южная Русь в конце XVI века».

Позднее Николай Иванович признал, что гонение на диссертацию было поднято как вследствие высказанных в ней убеждений, что распространению унии способствовало невежество, безнравственность и ленность православного духовенства, так и того, что в ней выражались в некоторых местах *«взгляды скорее протестантские, чем православные»* [1, кн. V, с. 205]. В статье «По поводу мыслей светского человека о книге “Сельское духовенство”», словно оправдываясь в ответ на прежние обвинения, он писал: *«Не может назваться врагом православия тот, кто указывает на нравственные недостатки духовных лиц и на злоупотребления в церковной администрации, если только его побуждения искренни и он желает исправления, на основаниях, согласных с коренными уставами Церкви. [...] Представлять злоупотребления церковного порядка, находить дурные стороны в*

¹ При этом «Книги» А. Мицкевича, идеи и замыслы организаторов раскрытого общества были охарактеризованы Н.И. Костомаровым как «гнусные», а украинофильские идеи – как «бред» [10, с. 246-247].

² Одним из поводов для этого, как писал историк Д.А. Корсаков, было недавнее (1839 г.) соединение православной и униатской церкви [13, с. 75; 45, с. 14; 47, с. 53].

нравах духовенства – все это не значит бросать позор в лицо своему отечеству». Далее историк подчеркивал: *«Если в самом деле справедливо, что в поступках некоторых из наших архипастырей могли быть подмечены такие черты, которых нежелательно было бы видеть, то несомненно, что у нас были и есть достойные архипастыри, сиявшие и сияющие святостью жизни, силою слова, бдительностью над паствою, ревностью о вере»* [25, с. 443-445].

В ряду последних Н.И. Костомаров видел, например, киевского митрополита П. Могилу и продолжателя его дела ростовского митрополита Д. Туптало. Отметим, что Н.И. Костомаров либо отрицал жестокости П. Могилы, либо находил им оправдание, т. к. в митрополите было сильно рациональное начало, поскольку тот был человеком ученым, с практическим умом. Историк хвалил его за просветительскую деятельность, хотя и признавал преимущественно схоластический характер образования, который давался в Киево-Могилянской коллегии, основанной П. Могилой [21, с. 90-91].

Н.И. Костомаров считал вполне естественным, что у П. Могилы не было недостатка в недоброжелателях, *«таковы были неученые и недостойные своего сана попы, которых он удалил от мест в значительном количестве. [...] Кроме того, недоброжелательствовали ему все сторонники Исаии Копинского и последний, как видно, сам говорил о неправоослави сместившего его с митрополии соперника»*, - писал историк [21, с. 89].

Как бы оценивая результат реформаторской и просветительской активности П. Могилы и подобных ему мало- и великорусских деятелей, Н.И. Костомаров отмечал: *«Теперь у южнорусса гораздо меньше религиозности, чем у великоруса, хотя несравненно больше благочестия»* [48, с. 500].

Любопытна при этом оценка Николаем Ивановичем действий тех лиц Православной церкви, которые в духе русской традиции боролись с католицизмом и униатством уповая на примеры личного благочестия. Так, обратившись к жизнеописанию Афанасия Брестского, Н.И. Костомаров рассудил, что А. Филиппович, получи он такую возможность, с тем же рвением мучил бы католиков и униатов, с каким они мучили его и других православных. Подтверждением этому историк посчитал «диариуш» преподобномученика, в котором есть филиппики против врагов православной веры, и в котором якобы *«так и влет мрачный дух злобы, далекий от христианского духа любви и истины»* [17, с. 6-40]. В дневнике подтверждения этому найти не удастся. Отдельные проклятия, посылаемые в адрес Унии, а также ссылки на места из Писания, где говорится о Божьем гневе, обращенном к несправедным, вовсе не подтверждают якобы свойственных человеку, признанного Русской Православной церковью святым (1666 г.), *«злобы и изуверства»*. Между прочим, в этом дневнике А. Филиппович писал, что первой заповедью для него было *«мирность со всеми людьми в жизни рассудительно иметь»* [7].

Как отмечают исследователи творчества Н.И. Костомарова, у этого историка был оригинальный взгляд на характер раскола и раскольников. Он не считал раскол исключительно привязанностью к старине, к букве, умственной неподвижностью, невежественной враждебностью к просвещению [32]. По его мнению, в отличие от раскольников именно *«простолюдин православного вероисповедания, как его деды и прадеды, очень часто отличался холодностью к религии, невежеством и безучастием к области духовного развития»*. [...] *«Мы не согласимся с мнением, распространенным у нас издавна и сделавшимся, так сказать, ходячим, будто раскол есть старая Русь. Нет, раскол – явление новое, чуждое старой Руси. Раскольник не похож на старинного русского человека; гораздо более походит на него православный простолюдин. Раскольник гонялся за стариною, старался как бы точно держаться старины, - но он обольщался; раскол был явлением новой, а не древней жизни. В старинной Руси народ мало думал о религии, мало интересовался ею - раскольник же только и думал о религии, на ней сосредоточивался весь интерес его духовной жизни; в старинной Руси обряд был мертвою формою и исполнялся плохо – раскольник искал в нем смысла и старался исполнять его сколько возможно свято и точно; в старинной Руси знание грамоты было редкостью – раскольник читал и пытался создать себе учение; в старинной Руси господствовало отсутствие мысли и невозмутимое подчинение авторитету властвующих – раскольник любил мыслить, спорить, раскольник не*

успокоил себя мыслями, что если приказано сверху так-то верить, так-то молиться, то, стало быть, так и следует; раскольник хотел сделать собственную совесть судьей приказания, раскольник пытался сам все проверить, исследовать», - писал Н.И. Костомаров. В то же время он считал, что раскол был «своеобразный, хотя несовершенный и неправильный, орган народного самообразования» [19, с. 345-432].

Православие и вообще христианство для Николая Ивановича – знамя, объединяющее народы «союзом единства» [23, с. 432-449]. При этом он писал: «Мы знаем из истории, что все христианские разветвления – церкви, толки, учения, секты – все образовались под влиянием разных политических и национальных причин, а не истекали непосредственно выше. В каждом из существующих вероисповеданий, вероятно, есть такие истинные поклонники Христа в духе и истине, каких Он, по собственным его словам, ищет себе. Но вероисповедание, признаваемое в одинаких основах массою поклонников, заключающая в себе выработанную прошлыми поколениями систему правил и благочестивых приемов, есть святыня, которая может изменяться только от внутреннего саморазвития исповедующей массы; и потому в случаях таких насильственных давлений, правда всегда бывает на стороне подавляемой, даже и тогда, когда мы сами по своим убеждениям ближе стоим к стороне подавляющей, а исповедуемое подавляемою стороною признаем заблуждением. Неправда здесь заключается в самом насилии, над кем бы оно ни совершалось, а правда – в крепкой преданности тому, что подвергается гонению. Мы, православные русские люди, не разделяем толков наших сектантов, но готовы стоять за свободу самого последнего из их толков, если только мы сами – люди просвещенные и человеколюбивые» [22, с. 503].

Особым было отношение Н.И. Костомарова к иудеям и иудаизму. Опровергая мнение иудейских патриотов, говорящих о гуманности и общечеловечности евреев, Николай Иванович указывал, что стереотип иудейского поведения в чуждой им стране, с благосостоянием которой они себя не ассоциировали, связан с особым, буквальным восприятием ветхозаветных пророчеств евреями. Если христиане воспринимают мессианскую идею прежде всего в духовном смысле, то для исповедующих иудаизм приход Мессии «представляется в воображении их эпохою власти и могущества над всеми племенами земными». «Сама библия научает их обращать благосостояние края, где живут, на исключительное свое благосостояние», - писал Н.И. Костомаров [20, с. 35-38]. При этом, апеллируя к мнению малороссов (к которым историк относил и себя), он не мог представить исторических примеров благотворности перехода иудеев в христианство, поскольку те приобрели холодность, сухость и бессердечность [20, с. 45].

Нередко обращается внимание его исследование на тему ритуальных человеческих жертвоприношений евреев, одно из которых, как полагали тогда, произошло в Саратове в 1852-1853 гг., в то время, когда историк отбывал там ссылку. Исследовав предоставленные властями выписки из различных источников, историк пришел к выводу, что обвинение евреев в ритуальных жертвоприношениях «не лишено исторического основания» (чем вызвал гнев саратовского губернатора) [1, кн. VI, с. 25-26]¹. Впрочем, в большинстве современных ему представителей иудаизма Н.И. Костомаров находил и положительные черты – такие как нравственность, любовь к собственным детям и т. д. [20, с. 44].

Разумеется, все это лишь некоторые, самые общие наброски, помогающие раскрыть религиозные взгляды Н.И. Костомарова, служащие дополнительными иллюстрациями к его сложному психологическому портрету.

В заключение представляется уместным привести высказывание одного из исследователей вопроса о соотношении веры и научной деятельности историка, в котором словно сфокусировано все, то, о чем говорил и писал по этому поводу сам Н.И. Костомаров: «Как представитель точной науки историк не знает, как велика власть духа над материей, каковы внешние манифестации святости. Не знает, возможны ли исцеления, предсказания будущего, умножения хлебов, воскрешение мертвых. Не знает, возможно ли чудо вообще. И как историк, как ученый, он обязан здесь воздержаться от суждения. К несча-

¹ Впоследствии на мнение Н.И. Костомарова ссылался профессор И.А. Сикорский, занимавшийся экспертизой по делу об убийстве А. Ющинского («делу Бейлиса») [44, с. 22].

стью, почти все заключения историка суть заключения по вероятности: источник оставляет ему достаточно пределов для гипотез. Поневоле историк заполняет их заключениями из собственного житейского опыта» [50, с. 17].

Источники и литература.

1. Автобиография Николая Ивановича Костомарова (ред.-сост. Н.А. Белозерская) // РМ. Год шестой. Кн. V-VI. М., 1885.
2. Барсуков Н. Воспоминания о Н.И. Костомарове и А.Н. Майкове // РО. 1897, май. С. 124-141.
3. Вашкевич Г. Из воспоминаний о Николае Ивановиче Костомарове // КС. 1895, №4. С. 34-62.
4. Виктор Ю.Г. Украинская историография о взаимоотношениях Московского государства и Запорожского войска в 1648-1654 гг. и ее источниковая база. Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. М., 2009. 305 с.
5. Высочайше утвержденный Устав о Цензуре // ПСЗРИ. Собр. второе. Т. III. СПб., 1828. С. 466-475.
6. Гипнотизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VIII. СПб, 1893. 961 с.
7. «Диариуш» Святого преподобномученика Афанасия Брестского. Перев. О. Бреского [Электронный ресурс] // Сайт «Свято-Христо-рождественский приход г. Бреста». Режим доступа: <http://devadnes.ru/sobytiya/diariush>.
8. Заславский В. Россиянин по происхождению, украинец по призванию [Электронный ресурс] // Сайт «Релігійно-інформаційна служба України». Режим доступа: http://risu.org.ua/ru/relig_tourism/religious_region/23407/.
9. Киреева Р.А. Не мог не жить и не писать: Николай Иванович Костомаров // Историография истории СССР. М., 1996. С. 268-315.
10. Кирило-Мефодіївське товариство. Т. I. Документи. Гол. упор. І.І. Глизь. У 3-х т. К., 1990. 544 с.
11. «Книги буття українського народу» М.І. Костомарова // Кирило-Мефодіївське товариство. Документи. Гол. упор. І.І. Глизь. У 3-х т. К., 1990. Т. I. С. 152-169.
12. Корсаков Д.А. Из воспоминаний о Н.И. Костомарове и С.М. Соловьеве // ВЕ. 1906, сентябрь. С. 221-272.
13. Корсаков Д.А. Памяти Н.И. Костомарова // ИВ. 1885, июль. С. 72-86.
14. Костомаров Николай Иванович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834-1884). Ред.-сост. В.С. Иконников. К., 1884. С. 283-297.
15. Костомаров Николай Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XVI. СПб., 1895. С. 402.
16. Костомаров Н. И. Автобиография // Исторические произведения. К., 1990. с. 425-721.
17. Костомаров Н.И. Афанасий Филиппович. Борец за Православную веру в Западной Руси // Исторические монографии и исследования Николая Костомарова. Т. XIV. СПб., 1881. С. 1-42.
18. Костомаров Н.И. Большая // Русские нравы. М., 1995. С. 376-388.
19. Костомаров Н.И. История раскола у раскольников // Исторические монографии и исследования. Т. XII. СПб., 1872. С. 345-432.
20. Костомаров Н.И. Иудеям // Основа. 1861, №3. С. 38-58.
21. Костомаров Н.И. Киевский митрополит Петр Могила // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отд. Вып. IV. СПб., 1874. С. 89.
22. Костомаров Н.И. «Крашанка», г. Кулиша. Письмо в редакцию // Скотский бунт. М., 2002. С. 504-509.
23. Костомаров Н.И. Об историческом значении русской народной поэзии. Харьков, 1845. С. 5-68.
24. Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях и старинные земские соборы // Собр. сочинений Н.И. Костомарова. Кн. 8, Т. XX. СПб., 1906. С. 6-146.
25. Костомаров Н.И. По поводу мыслей светского человека о книге «Сельское духовенство» // Русские инородцы. М., 1996. С. 443-444.
26. Костомаров Н.И. Православие в современном Восточном вопросе // Русские инородцы. М., 1996. С. 432-449.
27. Костомаров М.І. Слов'янська міфологія / Упоряд., приміт. І. П. Бетко. К., 1994. С. 494-495.
28. Костомаров Н.И. Фаина // Русские нравы. М., 1995. С. 389-407.
29. Костомаров Н.И. Церковно-историческая критика в XVII столетии // Собр. соч. Н.И. Костомарова. Кн. V. Т. 12. СПб., 1905. С. 187-208.
30. Кулиш А.М. Несколько встреч с Н.И. Костомаровым // КС. 1885, №6. С. 268-272.
31. Л.Т. Н.И. Костомаров // Русское обозрение. 1893, март. С. 450-453.
32. Мельников-Печерский П.И. Историография старообрядчества [Электронный ресурс] // Сайт Мельникова Павла Ивановича. Режим доступа: <http://www.melnikovpecherskiy.org.ru/lib/ar/author/169>.
33. Месмеризм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIX. СПб, 1896. С. 143-144.
34. Мороз Д.К. Воспоминания о Н.И. Костомарове. // КС. 1891, №7. С. 75-84.
35. Недоборовский З.Ф. Мои воспоминания // КС. 1893, Т. 40, №2. С. 179-208.
36. Неслуховский Ф.К. Из моих воспоминаний // ИВ. 1890, апрель. С. 126-153.
37. Николай Иванович Костомаров в 1817-1860 гг. // РС. 1891. Т. 69. С. 483-490.
38. Н. М. В-ва. Иннокентий. Архиепископ Херсонский и Таврический // РС. 1878. Т. XXIII. С. 367-398.
39. Об историческом значении русской народной поэзии. Харьков, 1845. С. 2-45.
40. Павленков Ф., Овчинников В. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. М., 2001. С. 56.
41. Переписка И.С. Аксакова с Н.И. Костомаровым о Малороссии. 1861 // РА. 1906, №312. С. 537-548.

42. Подорожный Н. Из памятной книжки (Воспоминание о Н.И. Костомарове) // КС. 1895, №4. С. 20-33.
43. Родин С. Отрекаясь от русского имени. М., 2006. 478 с.
44. Сикорский И.А. Экспертиза по делу об убийстве Андриюши Ющинского. Спб., 1913. 22 с.
45. Смирнов А.Ф. Страницы жизни и творчества историка // Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 3-х кн. Кн. 1. М., 2003. С. 10.
46. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. X. СПб., 1896. С. 1405-1490.
47. Сухомлинов М. Уничтожение диссертации Н.И. Костомарова в 1842 году // Древняя и новая Россия. 1877, Т. I (январь, февраль, март, апрель). С. 42-55.
48. Украина. (Письмо к издателю Колокола) // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. 1857-1867 (факсимильное издание). М., 1962. С. 499-503.
49. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. 150 с.
50. Федотов Г. Православие и историческая критика // Путь. 1932, №33. С. 17.
51. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. 853 с.
52. Щербина Ф.К. К биографии Н.И. Костомарова // КС. 1895, №4. С. 63-75.
53. Яценко М.Т. М.І. Костомаров – фольклорист і літературознавець // Костомаров М.І. Слов'янська міфологія / Упоряд., приміт. І.П. Бетко, вступна ст. М.Т. Яценка. К., 1994. С. 5-43.
54. Kardec A. Le livre des esprits contenant les principes de la doctrine spirite. Paris, 1857.
55. Mickiewicz A. Ksiegi Narodu Polskiego od poczatku Świata az do umeczenia Narodu Polskiego [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://literat.ug.edu.pl/ksiegi/001.htm>

Сокращения:

ВЕ –	Вестник Европы
ИВ –	Исторический вестник
КС –	Киевская старина
ПСЗРИ –	Полное собрание законов Российской империи
РА –	Русский архив
РМ –	Русская мысль
РО –	Русское обозрение

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

ЛЕЙБЕНСОН В.Г.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Восстание декабристов в 1825 г. оказало огромное влияние на все стороны социальной жизни Российской империи, в том числе на образование. Новый император Николай I видел одну из причин революционных выступлений в несовершенстве образовательной системы. Мысли о «порочности» российской системы образования неоднократно высказывал и министр народного просвещения А.С. Шишков, который исполнял эту должность в 1824-1828 гг.

Министр считал, что народное образование должно быть национальным. Свои взгляды министр Шишков пытался реализовать также через Комитет устройства учебных заведений, который работал с 1826 по 1835 гг. Это учреждение разработало важные нормативные документы: Устав гимназий и училищ уездных и приходских (1828 г.), Устав университета Св. Владимира (1833 г.), Положение об учебных округах (1835 г.) и Общий устав императорских российских университетов (1835 г.). Эти документы определяли официальную образовательную политику в России.

8 декабря 1828 г. именным указом, данным Сенату, император Николай I утвердил Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: С.-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского.

Следует отметить, что устав 1828 г. имел ярко выраженный сословный характер. Согласно этому документу, в приходских училищах должны были обучаться преимущественно дети крестьян, мещан и промышленников низшего уровня; в уездных училищах - дети купцов и унтер-офицеров; в гимназиях - дети высших сословий, прежде всего дворян. В приходских училищах срок обучения составлял один год, в течение которого детям давали первоначальные знания закона Божьего, учили читать, писать и считать. Срок обучения в уездных училищах составлял три года. Здесь изучали Закон Божий, священную историю, русский язык, арифметику, начала геометрии, географию, сокращенную всеобщую и русскую историю, чистописание, черчение и рисование.

Гимназии были превращены в средние общеобразовательные учебные заведения со сроком обучения в семь лет. Учащиеся получали классическое среднее образование, необходимое для умственного труда, а также для поступления в специальные и высшие учебные заведения. В учебные планы гимназий входили следующие предметы: закон Божий, грамматика, словесность и логика, математика, физика, география и статистика, история, латинский, немецкий, французский и греческий языки, чистописание, черчение и рисование. Серьезное внимание уделялось воспитанию аристократизма, хороших манер поведения, соблюдению гигиенических правил и укреплению здоровья.

Реализация требований устава 1828 г. возлагалась на Министерство народного просвещения и учебные округа. В период с 1828 по 1833 гг. министром народного просвещения был князь К.А. Ливен. Ему удалось провести через Государственный совет уставы и штаты гимназий, уездных и приходских училищ, что упорядочило деятельность этих учебных заведений.

В марте 1833 г. министром народного просвещения стал граф С.С. Уваров (до октября 1849 г.). В отечественном образовании С.С. Уваров оставил заметный след: он выдвинул концепцию, в которой утверждал, что народное образование должно осуществляться в соединенном духе Православия. Самодержавия и Народности.

Первым шагом во реализации своей концепции в высшей школе явилась подготовка устава университета Св. Владимира. Он был утвержден императором Николаем I 25 де-

кабря 1833 г. Этот университет создали в Киеве на базе Волынского лицея, находившегося ранее в Кременце. Университет Св. Владимира предназначался преимущественно для жителей Киевской, Волынской и Подольской губерний.

Николай I взял вновь созданный университет под свое покровительство и наделил его титулом «Императорский».

Устав университета Св. Владимира 1833 г. существенно отличался от университетских уставов 1804 г. Он явился правовой основой для возрождения российских университетов, переживших кризис в 20-е гг. XIX в. По замыслу С.С. Уварова университет стал рассматриваться не как ученое сословие, а как высшее учебное заведение и административно-коллегиальное учреждение для управления другими учебными заведениями округа.

По уставу 1833 г. в состав совета университета входили только профессора. По новому уставу произошло значительное ограничение прав университетского совета – у него отняли право увольнять преподавателей и судить их. По уставу 1833 г. ректора стали избирать на два года. В случае болезни ректора его обязанности стал исполнять проректор, избиравшийся ежегодно из профессоров университета. Первоначально в университете Св. Владимира было лишь два факультета – философский и юридический.

Принципиальное отличие устава университета Св. Владимира заключалось в порядке набора студентов: выпускники большинства гимназий лишались права поступать в университет без испытаний. Эта мера улучшила качественный состав студентов.

Интересно отметить, что в новом университете было введено семестровое распределение курса наук и установлен прием студентов два раза в год. Предписывалось составлять учебные курсы так, чтобы студент мог изучить каждый из них за один семестр. Это нововведение привело к дроблению больших курсов на более мелкие, что привело к увеличению числа изучаемых предметов.

По уставу университета Св. Владимира инспектор назначался попечителем Киевского учебного округа из посторонних военных или гражданских чиновников. Он обязан был надзирать не только за казенными студентами, но и за вольными слушателями.

При активном участии министра народного просвещения С.С. Уварова было подготовлено и 25 июня 1835 г. утверждено Положение об учебных округах, которое создало правовую основу для руководства всеми учебными заведениями Российской империи

Этот документ особо выделял роль университетов как учебно-научных центров основных регионов страны.

Согласно императорским указам все учебные заведения распределялись по восьми округам: Петербургскому, Московскому, Дерптскому, Казанскому, Харьковскому, Киевскому, Одесскому и Белорусскому, во главе которых стояли университеты с попечителями.

Дворянские институты создавались как закрытые учебные заведения для подготовки юношей в университеты и другие вузы. Обучение в дворянских институтах было платным (800-1200 рублей в год) и продолжалось 6-7 лет в зависимости от начального уровня образования. В первый класс принимали физически и нравственно здоровых мальчиков в возрасте 10-12 лет, которые уже умели читать, писать, считать, рисовать и петь. Учащиеся находились на полном пансионе.

Дворянские институты создавались путем преобразования гимназий или благородных пансионов при них на деньги местного дворянства и при его контроле. Например, Московский дворянский институт был образован в 1833 г. на базе 1-й московской гимназии.

Следует иметь в виду, что дворянские институты находились в «непосредственном заведовании» попечителей учебных округов. В этих учебных заведениях юноши получали классическое среднее образование. Они углубленно изучали священную и церковную историю, логику, российскую грамматику и словесность, латинский, немецкий и французский языки, математику, географию и статистику, историю, физику, естественную историю, чистописание, черчение и рисование. За отдельную плату с учащимися занимались фехтованием, верховой ездой и танцами. Выпускники дворянских институтов при желании зачислялись в университеты без экзаменов [3].

26 июля 1835 г. Николай I утвердил Общий устав императорских российских университетов. Руководство ими осуществлял министр народного просвещения через попечи-

телей соответствующих учебных округов. Внутри университета управляющие функции принадлежали совету (ректор и все профессора) и правлению (ректор, деканы факультетов и синдик – начальник канцелярии).

Согласно уставу 1835 г. в университетах полагалось три факультета: философский, юридический и медицинский. Однако допускались и изменения в составе факультетов в зависимости от местных условий. Например, в Петербургском университете отсутствовал медицинский факультет, а в Дерптском университете был богословский факультет. На философских факультетах предусматривались два отделения. Большой популярностью у студентов пользовался юридический факультет.

Профессорско-преподавательский состав университетов представляли ординарные и экстраординарные профессора, адъюнкты, лектора иностранных языков, учителя музыки, танцев, фехтования и верховой езды. Штаты профессорско-преподавательского состава определялись в зависимости от числа студентов и периодически пересматривались. Удельный вес ординарных профессоров составлял около половины всего штатного состава преподавателей.

Во главе совета университета стоял ректор, который избирался тайным голосованием. Избирались также и деканы факультетов сроком на четыре года. Решения совета университета считались правомочными, если на заседаниях присутствовало не менее двух третей его состава. Все вопросы повестки дня заседания совета принимались большинством голосов присутствовавших членов. При равенстве голосов членов совета решающим был голос ректора.

В комплектацию заседаний совета входили такие вопросы, как избрание ректора, почетных членов и корреспондентов; избрание профессоров и адъюнктов, а также назначение их на должности; определение и увольнение лекторов и учителей; обсуждение предложений факультетов по совершенствованию преподавания наук; распределение курсов и времени на их преподавание; рассмотрение представлений факультетов на получение преподавателями ученых званий; анализ недостатков в работе профессорско-преподавательского состава и др.

Высокие требования предъявлялись к профессорско-преподавательскому составу российских университетов. По уставу 1835 г. на должность ординарного или экстраординарного профессора мог претендовать только доктор наук по профилю соответствующего факультета. Чтобы стать адъюнктом кафедры, претендент должен был обладать как минимум ученой степенью магистра по профильной отрасли знаний. От учителя университета требовалось наличие высшего образования.

Если ученый желал участвовать в конкурсе на замещение вакантной должности профессора, он обязан был прочитать три пробные лекции в присутствии ректора университета и декана соответствующего факультета. После успешного прохождения конкурса профессора, адъюнкты и почетные члены университета утверждались в этих званиях министром народного просвещения. Кроме того министр имел право своим решением назначать известных ученых и специалистов на вакантные должности профессоров и адъюнктов без проведения конкурса.

Профессор мог заведовать в университете только одной кафедрой и по разрешению министра народного просвещения ему позволялось совмещать работу на второй. Основной обязанностью профессора было чтение лекций студентам в объеме не менее восьми часов в неделю. За пропуски плановых занятий без законных оснований из окладов профессоров, адъюнктов и учителей удерживались соответствующие денежные средства, которые передавались на нужды университета.

Устав 1835 г. установил четкие правила поступления в университеты России, Все желающие стать студентами должны были выдержать предварительные испытания по правилам, утвержденным Министерством народного просвещения. Преимуществом при зачислении пользовались молодые люди, окончившие полный гимназический курс. По решению ректора университета лучшие выпускники гимназий могли зачисляться в студенты без предварительных испытаний. Срок обучения на философском и юридическом факультетах составлял 4 года, а на медицинском – 5 лет.

При наличии уважительных причин студенты могли переводиться на аналогичный факультет другого университета. В период с 10 июня по 22 июля и с 20 декабря по 12 января во всех университетах объявлялись каникулы (каникулы).

После завершения каждого курса наук обучаемые подвергались испытаниям, разрешались и промежуточные испытания в течение учебного года. Лучшим студентам предлагались конкурсные работы над сложными задачами, решения которых представлялись в деканаты факультетов в виде сочинений. За успешное решение таких задач ежегодно по три студента в каждом университете награждались золотыми или серебряными медалями. Эти медали вручались победителям конкурсов в торжественной обстановке на факультетских собраниях.

Лучшим студентам, окончившим полный курс наук в университетах, присваивались ученые степени кандидатов без экзаменов. Остальные выпускники университетов, получившие аттестаты и право на классный чин, могли претендовать на ученую степень кандидата после успешной сдачи сложного экзамена по своей специальности. Через год после присуждения ученой степени кандидата их обладатели имели право сдавать испытания для получения ученой степени магистра. Еще через год у магистров появлялось законное право на защиту докторской диссертации по своей отрасли знаний. Процедура подготовки и защиты диссертации описывалась в инструкции Министерства народного просвещения.

Профессорско-преподавательский состав, чиновники и студенты университетов имели определенные права и преимущества перед другими лицами. Так, должность ректора давала право на 5 классный чин по Табели о рангах (соответствует чину бригадира; обращение – «Ваше высококородие»). Совет университета мог ходатайствовать перед Герольдией о присвоении классных чинов: ординарному профессору – 7 классного чина (соответствует чину подполковника; обращение – «Ваше высокоблагородие»), экстраординарному профессору и адъюнкту – 8 классного чина (соответствует чину майора или надворного советника; обращение – «Ваше высокоблагородие»). При вступлении в гражданскую службу доктор наук мог получить 8 классный чин, магистр – 9 (соответствует чину капитана), кандидат – 10 (соответствует чину капитана-лейтенанта), а студент после завершения полного университетского курса – 12 классный чин (соответствует чину губернского секретаря).

До указа Николая I 1845 г. личное дворянство давал 12 ранг, потомственное – 8 ранг. После указа личное – 9 ранг, потомственное – 5 ранг.

Лица с высшим образованием имели дополнительные права при добровольном поступлении на военную службу. Например, кандидаты, прослужив в унтер-офицерском звании три месяца, производились в офицеры. Выпускники университетов становились в русской армии офицерами через шесть месяцев, даже если в полках не было соответствующих вакансий. Срок в три или шесть месяцев этим лицам предоставлялся для усвоения основ строевой воинской службы. После 25 лет безупречной статской службы профессора, адъюнкты и лектора университетов получали пенсию от казны в размере полного жалованья. Заслуженные профессора могли получать пенсию и продолжать научно-педагогическую работу с выплатой положенного жалованья. После прекращения государственной службы они могли просить Министерство народного просвещения об установлении более высокой пожизненной пенсии (при наличии определенных заслуг).

Безупречная служба в университетах в течение десяти лет и более давала право профессорам, адъюнктам и лекторам на пенсию при неизлечимых болезнях. В случае смерти указанных лиц их пенсии продолжали получать вдовы (пожизненно) и дети (дочери – до замужества, а сыновья – до поступления на службу или учебу). Продуманная система материального обеспечения стимулировала работу педагогов высшей школы.

Революционные события 1848-1849 гг. оказали серьезное влияние на положение всей высшей школы России. Ответной реакцией императора Николая I на эти события стало назначение в январе 1850 г. министром просвещения князя П.А. Ширинского-Шихматова, бывшего морского офицера. Он был на должности министра до своей кончины (1855 г.) и снискал «славу» реакционного государственного чиновника и «Фрунтовики

воссели на всех местах, и с ними воцарились невежество, произвол, грабительство и всевозможные беспорядки», - писал С.М. Соловьев.

В первой половине 50-х гг. XIX в. Министерство народного просвещения предприняло ряд ограничительных мер в высшей школе. Во-первых, установление численного предела обучавшихся в российских университетах (не более 300 своекоштных студентов в каждом, не считая медицинских факультетов), а также запрета на прием лиц недворянского происхождения. Во-вторых, запрещение заграничных командировок преподавателей и студентов с научными целями. В-третьих, прекращение чтения лекций по философии светскими профессорами с передачей преподавания логики и психологии ученым богословам.

Сокращению численности студентов способствовало увеличение платы за обучение с 1849/50 учебного года до 50 рублей серебром в год в столичных университетах и до 40 рублей – в остальных. Такой уровень оплаты оказался непосильным для многих обедневших дворян, которые вынуждены, были отказаться от получения высшего образования.

Министр П.А. Ширинский-Шихматов насаждал полицейский контроль за всеми сторонами жизни и деятельности высшей школы. Профессора обязаны были до начала учебного года представлять деканам факультетов тексты своих лекций для утверждения, а затем направлять их в Публичную библиотеку в качестве обязательных подписанных экземпляров. Контроль над студентами со стороны инспектора университета и его помощников осуществлялся даже по месту жительства. Только за 1855 г. студенты Петербургского университета 1540 раз посещались ими на квартирах [1].

Крымская война 1853-1856 гг. существенно изменила социально-политическое и экономическое положение России. Для ведения крупномасштабной войны против коалиции государств (Великобритании, Франции, Турции и Сардинского королевства) Российская империя вынуждена была использовать значительную часть материальных средств и людских резервов. Чтобы постоянно развертывать дополнительные силы русской армии и флота, нужны были подготовленные резервы офицеров и нижних чинов. Поэтому 29 декабря 1854 г. император Николай I повелел: *«В столичных университетах и высших классах всех гимназий открыть для воспитанников с наступающим новым годом преподавание Строевого устава пехотной службы, ротного и батальонного, не далее, - чтобы таким образом они могли быть офицерами, практически подготовленными и уже знакомыми с теорией Строевого устава. Сверх того в университетах обеих столиц ввести преподавание артиллерийской и полевой фортификации, имея преимущественно в виду практическую часть оного»* [4].

29 января 1855 г. Николай I обратился к подданным Российской империи с Манифестом «О призывании к Государственному ополчению». В соответствии с последовавшим за Манифестом императорским указом ополчение призывалось в восемнадцати губерниях европейской части страны, в том числе в Петербургской и Московской. В ополчение записывались физически здоровые мужчины всех сословий в возрасте от 20 до 45 лет. Из Петербургского университета в ополчение ушли 50 студентов.

Молодые патриоты храбро сражались с неприятелем, используя знания, полученные в студенческие годы. Выпускник Московского университета, И.А. Гончаров в своих «Воспоминаниях» писал: *«Даже, говорят, в военное время, например, в Крымскую кампанию, главнокомандующий войсками князь Горчаков свидетельствовал, что прошедшие курс университетского образования были и отличными, из ряда вон выходящими офицерами»* [2].

Источники и литература.

1. Положение о Московском дворянском институте. М., 1837. С. 18.
2. Годичный торжественный акт в С.-Петербургском университете 8 февраля 1856 года. СПб., 1856. С. 47.
3. Шевырев С.П. История Императорского Московского университета, М., 1855. С. 582.
4. Гончаров И.А. Собрание сочинений. М., 1952. Т. 7. С. 244.

РОЛЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТОРГОВОГО СОСЛОВИЯ В РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫХ УСТОЯХ Г. СЕВАСТОПОЛЯ В XIX ВЕКЕ

ТЕРЕЩУК Н.М.

Государственный архив города Севастополя

Купеческое сословие юридически оформилось в России лишь в конце XVIII в., с момента оформления гильдейского купечества. К этому хронологическому периоду относится основание Севастополя (1783 г.), как военной крепости. Закономерно, что вскоре в городе стали появляться купцы. Но в конце XVIII – начале XIX вв. их число было столь незначительным, что говорить о купечестве как о социальной общности не представляется возможным. По сведениям Таврического губернского землемера количество купцов в Севастополе в 1798 г. составляло 31 человек [36, с. 32].

Актуальность изучения роли представителей купеческого сословия в формировании религиозно-нравственных устоев связана с развитием в настоящее время рыночных отношений, благотворительности, с возможностью в полной мере освещать вопросы, ранее находившиеся под идеологическим запретом. В данной работе предпринята попытка рассмотреть конкретные примеры о вкладе торгового сословия в область моральных и религиозных устоев г. Севастополя.

В первую очередь купечество сыграло огромную роль в развитии севастопольской промышленности. В качестве примера можно привести строительство Алексеевских и Александровских доков купцами С.П. Кундышевым-Володиным и его зятем А.А. Максимовым, будущим городским головою. А.А. Максимова 6 мая 1886 г. «*За отличную распорядительность при производстве работ по сооружению Алексеевский доков в г. Севастополе, по представлению г. управляющего Морским министерством, всемилостивейшее пожалован орденом св. Станислава 3 ст.*» [4]. Его тесть коммерции советник С.П. Кундышев-Володин, являясь главным подрядчиком дока, получил титул коммерции советника и «удостоился высочайшего приема» в Гатчинском дворце [35]. Это положительно повлияло на развитие экономики города. Не менее важным и не менее значимым, является вклад севастопольского купечества в другие отрасли.

Благотворительность купечества можно разделить на две разновидности: персональную и коллективную. Ярким примером благотворительности, сделанной группой купцов, является то, что севастопольское купечество на день св. Николая дало обед нижним чинам, вернувшимся с победой после Синопского боя. Об этом свидетельствует письмо мичмана 30 флотского экипажа Ф.Г. Иванова своим родным в Николаев: «*Севастополь, 1853 год, декабрь, 10, пятница.*

... Здешнее купечество на день Николая давало обед нижним чинам, которые были под Синопом, а как всех они были не в состоянии (в Синопе были три стопушечных, 3 восьмидесятых, да сверх того пришли после фрегата наш Кагул и несколько пароходов с Корниловым), то отобрали со всех кораблей 1200 человек, с утра вывели их на площадь против Графской – одеты были в мундиры – унтер-офицеры в тесаках и все в киверах – офицеры в полной форме. Часу в 12 вывели их на площадь перед батареею и там построили четвероугольником. Когда приехало начальство и духовенство, то отслужив в середине четвероугольника молебен. После этого татарский мулла сказал всем присутствующим чрезвычайно умную речь на русском языке, на котором он хорошо говорит – и после всех церемоний матросы взошли с музыкой за столы, поставленные так, что концы их упирались в крепость. Перед каждым матросом стояли шкалик водки и бутылка вина. Во все время обеда были Корнилов, Новосильский, Станюкович и другие. Нахимова не было – он был болен – князь тоже не был. <...>В тот же день князь в зале благородного собрания давал обед для всех офицеров, которые были под Синопом и офицерам парохода Владимир...» [17].

К традиционной сфере благотворительности следует отнести религиозную, отличающуюся от светской. Типичной формой было строительство церквей, пожертвованиям монастырям, исполнение функций ктиторов (церковных старост).

В 1841 г. в Балаклавском Георгиевском монастыре обрушилась часть горы, завалило камнями монастырскую кухню. После этого происшествия началось жертвование денег на сооружение контрфорса и ремонт монастырских построек. Поскольку монастырь был флотским, а также учитывая, что судьба монастыря была небезразлична главному командиру Черноморского флота и портов адмиралу М.П. Лазареву, то в первую очередь собирались деньги в воинских частях.

Брестский полк 13-й пехотной дивизии собрал 142 руб. 82 и 3/4 коп., 17-й рабочий экипаж – 63 руб. 11 и 1/4 коп., 38-й флотский экипаж – 21 руб. 43 и 4/7 коп. Но самый большой вклад сделал севастопольский купец 2-й гильдии Л.А. Бородин, пожертвовавший 5 000 рублей [40, с. 56]. Известно также, что купец И.Я. Гуцин, еще до Крымской войны на одной из площадок Балаклавского Георгиевского монастыря устроил фонтан, о чем стало известно из «Обозрения Южного берега Тавриды», составленного Ф. Домбровским [20, с. 37]. Впоследствии, в период Крымской войны И.Я. Гуцин передал свой дом в центре города (совр. пр. Нахимова) для раненых нижних чинов¹. В нем размещался 1-й перевязочный пункт [30, с. 158].

Самые ранние сведения о пожертвованиях культовым храмам датируются 1823 г., когда в сведениях об утвари или, говоря современным языком, инвентаризационной описи Всехсвятской Кладбищенской церкви при ее передаче греческой Петропавловской церкви указывалось, что купцом Л. Сергеевым была подарена церкви риза темнозеленой шелковой материи с атласною лентой и подшитая зеленой китайкою [5]. А купцом 1-й гильдии В.М. Носовым, будущим городским головою, было передано в дар этой же церкви паникадило о 14 свечах, под ним киот из фольги и серебряный шнурок [6].

Петропавловская церковь на городском холме, одна из первых церквей, построенных в Севастополе в 1792 г., на протяжении XIX в. несколько раз перестраивалась. Сначала в 1812 г., затем в 1837 году. Была сильно разрушена в Крымскую войну. По свидетельству Севастопольского благочинного протоирея А. Лебединцева Петропавловская церковь представляла только стены, внутри «обезображенные надписями и карикатурами, для святых оскорбительными» [22, с. 55]. На период ее восстановления причт перешел в Петропавловскую церковь на улице Большой Морской, о строительстве которой речь пойдет позже. Восстанавливали Петропавловскую церковь на городском холме все те же коммерции советник С.Л. Кундышев-Володин и его зять А.А. Максимов, значившийся тогда еще николаевским купцом 1-й гильдии. Восстановление храма им обошлось в 60 000 руб., из которых 15 000 рублей пожертвовал А. Максимов, остальные его тесть [26].

В 1884 г. Министерство народного просвещения объявило признательность не только Севастопольской городской думе и чиновникам, но и группе купцов: П.А. Телятникову, Я.В. Долголенко, И.К. Кухтину и Н.И. Евтееву и купчихе И.А. Веприцкой – «за жертвования и труды при постройке в здании Севастопольского реального училища храма во имя князя Александра Невского, в память Императора Александра II» [33].

Ярким примером такой же благотворительности является строительство Петропавловской церкви после Крымской войны на улице Большой Морской. 12 сентября 1857 г. 12 севастопольских купцов во главе с городским головою купцом 1-й гильдии И.М. Крайниковым обратились с ходатайством к военному губернатору Севастополя контр-адмиралу П.М. Вукотичу о разрешении построить на добровольные пожертвования каменную церковь на подворье Балаклавского монастыря, находящегося на Большой Морской улице. Церковь была построена и просуществовала с 1858 по 1905 годы [31, с. 14]. В 1888 г. один из директоров Севастопольского тюремного комитета купец П. Базов пожертвовал 500 руб. на строительство часовни при «здешней тюрьме» [23].

¹ Севастопольский купец 1-й гильдии И.Я. Гуцин в 1843-1846 гг. был городским головою. В период обороны Севастополя в 1854-1855 гг. занимался торговлей сначала в городе, затем на Северной стороне. Имел свой трактир.

В 1890 г. была освящена и открыта Греческая церковь во имя Трех Святителей – св. Василия Великого, св. Григория Богослова и св. Иоанна Златоуста. Она полностью была построена на средства почетного потомственного гражданина В.И. Феолого. Через несколько месяцев после ее открытия 29 октября 1890 г. он умер в возрасте 98 лет. Греческое общество в знак уважения к своему жертвователю похоронило его под полом Греческой Трехсвятительской церкви с правой стороны при входе в церковь [14].

В 1904 г. на средства городского головы потомственного почетного гражданина А.А. Максимова была построена церковь во имя Христа Спасителя при городской больнице [15]. С 1909 г. церковным старостой этой церкви был купец Н. Гаврилов [16].

Церковными старостами, как правило, избирали состоятельных граждан, зачастую купцов. Для решения хозяйственных вопросов они не только добивались выделения средств из казны, но использовали свои деньги. После восстановления Петропавловской церкви купец 1-й гильдии А.А. Максимов помог привести в порядок церковный дом, в котором стала размещаться церковно-приходская школа, квартира учителя и сторожа [2]. Старостой возобновленной церкви с 1889 г. был коммерции советник С.Л. Кундышев-Володин, «...за отсутствием его должность церковного старосты исполняет помощник его николаевский 1-й гильдии купец Алексей Андреевич Максимов». И тот и другой были утверждены в должностях епископом Мартинианом 22 сентября 1889 года [3]. Разрушенную в Крымскую войну Всехсвятскую кладбищенскую церковь и церковный дом принял «на собственный счет» церковный староста бердянский купец 1-й гильдии И.К. Пикин [7]. Ктитор Херсонесской св. Владимира киновии купец 1-й гильдии П. Телятников после окончания войны в 1857 г. вместе с братом М. Телятниковым, видя совершенно разоренную Херсонесскую киновию *«изъявил готовность и усердие возвести за свой счет каменные постройки»*. Они построили храм с кельями во имя Семи Священномучеников Херсонесских. Это было отмечено архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием [13]. Более 13 лет состоял в должности церковного старосты Петропавловской церкви на Северной стороне, а после ее закрытия перешел в Вознесенскую церковь севастопольский купец 2-й гильдии, присяжный заседатель и торговый депутат А.Н. Резанов. Кстати, он был удостоен многих наград не только по гражданскому ведомству¹. 6 мая 1902 г. за заслуги по духовному ведомству был награжден золотой медалью на Станиславской ленте [37, с. 985].

Филантропическая направленность деятельности купцов всячески поощрялась властью, которая награждала купцов почетными званиями, орденами и медалями. Особенно это проявилось в период Крымской войны. Тогда о купцах, и в первую очередь, севастопольских, заговорили на государственном уровне. За помощь раненым нижним чинам, оказанную севастопольским купцом 2-й гильдии С.А. Орловским в 1858 г. ему было объявлено монаршее благоволение, которое внесли в его формулярный список и объявили об этом в присутствии магистрата².

Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором «монаршая благодарность» была также объявлена севастопольскому купцу 3-й гильдии М. Лушникову, который пожертвовал 125 руб. серебром в пользу раненых [1].

Серебряной медалью, бронзовой светлой медалью на Андреевской ленте в память минувшей войны, золотой медалью с надписью "За усердие" для ношения на шее на Владимирской ленте, а также ношения в отставке мундира за выслугу лет на выборной должности ратмана Севастопольского магистрата с зачетом службы в период обороны был удостоен купец 1-й гильдии Петр Андреевич Телятников [32].

¹ В газете «Крымский вестник» от 15.03.1897 г. была помещена информация: *«Вчера в Севастопольской городской управе были вручены всемилостивейшее пожалованы награды торговым депутатам: Степану Мачуке – золотая медаль с надписью “За усердие” для ношения на шее на Станиславской ленте; Андрею Мадееву и Алексею Резанову – серебряные для ношения на шее на Анненской ленте»*.

² С.А. Орловский в 1856 г. причислен к 1-й гильдии. На городском рынке имел гостиницу с трактиром с вывеской «Трактирное заведение купца Орловского с разными ренсковыми винами Южного берега Крыма», доставшееся по наследству от отца [9; 31, с. 14].

За пожертвование перевязочных материалов и медикаментов севастопольский купец 1-й гильдии И.Тарасов по ходатайству Главного штаба бывшей 2-й армии был награжден серебряной, а затем по ходатайству магистрата бронзовыми медалями [8].

«За особые труды во время минувшей войны» государь Император наградил золотой медалью «За усердие» для ношения на шею на Станиславской ленте ратмана Севастопольского городского магистрата купца 1-й гильдии Я. Долголенко. Он был также награжден серебряной медалью за защиту Севастополя и бронзовой – в память минувшей войны [10].

Сформировавшийся веками этноконфессиональный баланс был характерен для Севастополя с момента его основания. Из переписки благочинного крымских церквей протоиерея Михаила Родионова с членом правительствующего Синода, архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием в 1856 г. стал известен факт, что в Камышовой бухте во время Крымской войны были построены французами и англичанами две церкви. Два караимских купца Кефели и Фиркович, выкупая бараки для складов выкупили эти церкви и пожертвовали: первую – «Херсонскому скиту, а последнюю перенести на Северную сторону с перевозкою туда нескольких барачков для устройства помещения церковнослужителей». В своем письме 29 августа 1856 г. вице-губернатор Таврической губернии обращаясь к протоиерею М. Родионову писал, что этим пожертвованиям не надо давать «другого назначения». 8 сентября 1856 г. церковь на Северной стороне был обновлена и освящена, дом для причта был закончен 20 октября, «а Херсонская церковь оставлена в Камыше при складах. Нужно о. Евгению лично быть при перевозке церкви и при поставлении оной на месте» [11].

Разнообразны были сферы общественной жизни, куда направлялись купеческие пожертвования.

Среди купеческих пожертвований следует отметить их вклад в образование. Купцы, будучи убеждены, что деловая карьера зависит от уровня образованности, активно содействовали развитию этой отрасли. Многие из них состояли в попечительских советах и личным участием помогали в решении многих проблем. При этом следует отметить, что некоторые купцы иногда сами не умели читать и писать. Интересен факт, что в брошюре «Севастополь по переписи 1886-1887 годов» приводятся статистические данные о количестве грамотных жителей города по сословиям и вероисповеданиям. На 630 лиц купеческого сословия приходилось 458 грамотных [25].

По имеющимся в госархиве сведениям почетный гражданин купец 1-й гильдии городской голова А.А. Максимов состоял почти во всех благотворительных или общественных организациях: действительный член попечительства детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии, почетный попечитель Севастопольского Константиновского реального училища, член правления Общества вспомоществования недостаточным ученикам, почетный попечитель Севастопольской мужской гимназии, заместитель председателя Севастопольского отделения Крымского горного клуба и так далее. Участие было не формальным, а вполне реальным.

В июне 1917 г. член севастопольского городского попечительства детских приютов купец В.Ю. Куцер предложил попечительству устроить при приюте на свои средства мастерскую по плетению сеток, садовых кроватей, корзинок, колясок, цепочек для часов и т.п. вещей [29].

Севастопольским купцами было организовано коммерческое училище, которое содержалось за их счет.

Наряду с образованием купцы вносили свой вклад в организацию системы социальной помощи бедным слоям населения, в создание и содержание специальных заведений: приютов, богаделен, ночлежных домов, дешевых столовых. Например, в 1888 г. купец Н. Левин пожертвовал 100 руб. «в пользу устройства ночлежных приютов» [24].

Но в Севастополе можно выделить еще одну разновидность благотворительности – на военные нужды. Накануне Крымской войны на Малаховом кургане была построена двухъярусная оборонительная башня. Средства на сооружение – 12 500 рублей собрали жители города и моряки Черноморского флота; среди жертвователей были севастопольские купцы [21, с. 8].

Свой вклад в первую оборону Севастополя внес купец Волохов. На Северной стороне на его средства была построена башня, называвшаяся «Волохова башня». По свидетельствам современников (они называли ее крепостью) он «дал камни, каменщиков и инструменты – от казны только матросы – таскать камни и подносить известь» [18]. Говорили, что она ему обошлась в 8 000 тысяч рублей серебром.

Почетный потомственный гражданин караим Кефели Сима Осипович в период обороны города, будучи заступающим место городского головы, принял на себя продовольствие раненых офицеров и выстроил для них помещения. В период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. он также оказывал услуги во время продвижения войск. Был награжден за участие в обороне Севастополя золотой медалью на Анненской ленте, серебряной на Георгиевской ленте и установленным в память осады крестом, а также бронзовой медалью на Андреевской ленте. За войну 1877-1878 гг. он был награжден золотой медалью на Андреевской ленте. Имел ордена Св. Станислава III степени и Св. Анны II степени.

На собственные средства С.О. Кефели были построены казармы для военнослужащих 50 Белостокского полка, располагавшегося в Севастополе [39, с. 57].

Часть представителей купеческого сословия ограничивалась мелкими единовременными взносами или пожертвованиями. Тем не менее, в общей массе пожертвований они были существенными по сравнению с такой же деятельностью дворян или мещан. Особенно активизировалась благотворительность купеческого сословия период религиозных праздников. Например, в 1908 г. держатели иллюзионов пожертвовали средства «на улучшение пищевого довольствия» арестантов на праздник Рождества Христова [38, с. 214].

Вполне закономерно, что филантропия порождала и негативные явления – социальное иждивенчество и пожертвования купцов рассматривались как их обязанность.

Примером коллективной благотворительности общественной организации является факт, что когда в Севастополе 21 мая 1886 г. в Севастополе было открыто отделение Российского Общества Красного Креста, находившееся под покровительством императрицы, то среди огромного количества пожертвований почти половину составляли севастопольские купцы. Все тот же С.О. Кефели со своими коллегами изъявили желание стать членами Общества и внесли взнос в размере по 10 руб. каждый. Казначейские обязанности безвозмездно взял на себя бывший купец, управляющий Севастопольским отделением Соединенного банка С.И. Билибин. Современники отзывались о нем как о корректном, приветливом, благовоспитанном, честнейшем порядочном человеке не способным ни на какие самые незначительные компромиссы с совестью [27]. Во время первой мировой войны в 1915 г. севастопольское купечество направило всероссийскому союзу городов 500 рублей на белье воинам. Главноуполномоченный этого союза Челноков выразил благодарность севастопольским купцам в лице В.К. Энглези, который являлся купеческим старостой в этот период [34].

Делая выводы из представленного материала, можно сказать, что для провинциального купечества характерно сочетание светских и религиозных форм филантропии. Благотворительность купцов способствовала развитию местного образования, здравоохранения, системы социальной помощи нуждающимся. Даже если филантропию в какой-то степени можно назвать модным увлечением и повышением своей респектабельности, тем не менее, ее значение нельзя переоценить.

Купечество, занимавшее определенное место в общественной структуре Севастополя, оказало влияние не только на экономическую, но и духовную жизнь городского общества.

Сегодня новый класс предпринимателей, можно назвать еще формирующимся, но хочется надеяться, что они унаследуют лучшие традиции своих предков.

Источники и литература.

1. ГААРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 20194. Л. 128.
2. ГААРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 6187. Л. 1.
3. ГААРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 6187. Л. 1. об.-2.
4. ГААРК. Ф.118. Оп. 1. Д. 6187. Л. 2.
5. ГААРК. Ф.118. Оп. 1. Д. 5570. Л. 56.

6. ГААРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 5570. Л. 57.
7. ГАГС. Ф. 4. Оп.1. Д. 3. Л. 3.
8. ГАГС. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4. Л. 7-8.
9. ГАГС, Ф. 18. Оп. 1. Д. 4. Л.1-1 об.
10. ГАГС. Ф. 18. Оп. 1. Д. 11. Л. 12-13.
11. ГАГС. Ф. 18. Оп. 1. Д. 11. Л. 5-5об.
12. ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2. Л. 9-9 об.
13. ГАГС. Ф.19. Оп. 1. Д. 2 Л. 9 об.
14. ГАГС. Ф. 30. Оп.1. Д. 19. Л. 57 об. -58.
15. ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 6. Д. 103. Л. 21.
16. ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 6. Д. 103. Л. 21.
17. ГАГС. Ф. Р-584. Оп. 1. Д. 115. Л. 35-36.
18. ГАГС. Ф. Р-584. Оп. 1. Д. 115. Л. 83.
19. РГВИА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 227. Л. 14.
20. Домбровский Ф. Обзорение Южного берега Тавриды. Одесса, 1850.
21. Доронина Э., Шавшин В. Легендарный Малахов курган. Путевод. Севастополь, 1983.
22. Крестьянников В.В. Возрождение Севастопольского благочиния и монастырей после Крымской войны // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2006.
23. Крымский вестник. 1888. 17 февраля. № 2.
24. Крымский вестник. 1888. 19 февраля. № 4.
25. Крымский вестник. 1888. 1 сентября.
26. Крымский вестник. 1889. 14 декабря.
27. Крымский вестник. 1908. 30 декабря.
28. Крымский вестник. 1915. 5 февраля.
29. Крымский вестник. 1917. 26 июня.
30. Куликов И.И., Кот В.П., Крестьянников В.В., Кулик С.И. и др. История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флота. Севастополь, 2008.
31. Куликов И.И., Кот В.П., Крестьянников В.В., Кулик С.И. и др. История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флота. Севастополь, 2008.
32. Санкт-Петербургские Сенатские ведомости. 1859. 13 ноября. № 91.
33. Севастопольский листок. 1884. 25 ноября.
34. Севастопольский листок. 1886. 10 августа. № 94.
35. Севастопольский листок. 1886, 26 ноября. № 140.
36. Севастополю 200 лет. 1783-1983. Сборник документов и материалов. К., 1983.
37. Таврические епархиальные ведомости. 1902. № 17.
38. Терещук Н.М. Караимская община Севастополя в условиях поликультурного общества: по данным ГАГС // Культурно-цифизационный диалог и пути гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму. Севастополь, 2008.
39. Ходасевич Р. Голос из-за стен Севастополя. Рассказ о Крымской компании и событий осады // Militari Крым. 2009. № 12.
40. Шавшин В.Г. Балаклавский Георгиевский монастырь. Севастополь, 1997.

Сокращения:

ГААРК –	Государственный архив в Автономной Республике Крым
ГАГС –	Государственный архив города Севастополя
РГВИА –	Российский Государственный Военно-исторический архив

**НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДМИРАЛА А.С. ГРЕЙГА –
ГЛАВНОГО КОМАНДИРА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И ПОРТОВ ЧЕРНОГО МОРЯ,
ВОЕННОГО ГУБЕРНАТОРА НИКОЛАЕВА И СЕВАСТОПОЛЯ В 1816-1833 ГОДАХ**

ФЕСЕНКО А.А.

Государственный архив города Севастополя

Севастопольцам хорошо известны имена выдающихся флотоводцев Д.Н. Сенявина, Ф.Ф. Ушакова, М.П. Лазарева. Их вклад в развитие г. Севастополя достаточно изучен в отечественной историографии. Имя адмирала А.С. Грейга – Главного командира ЧФ и портов, военного губернатора Севастополя и Николаева, находившегося в этой должности 17 лет, незаслуженно забыто потомками и известно лишь узкому кругу специалистов.

В историографии 1960-1980-х гг. имя А.С. Грейга практически не упоминалось, а заслуги его вклада в развитие г. Севастополя принижались. В частности в монографии Г.И. Семина значится: *«После Ушакова, до адмирала М.П. Лазарева во главе Черноморского флота не было выдающихся талантливых людей. Хуже того, руководство флотом неоднократно поручалось иноземцам, нередко бездарным или проходимцам...»* [12, с. 42].

Предназначение Алексея Самуиловича Грейга было predetermined с самого рождения. Отец Алексея – Самуил Карлович Грейг, шотландец по происхождению, в 1764 г. поступил на службу в российский флот, отличился в Чесменском сражении, впоследствии получил должность Главного командира Кронштадтского порта.

У семьи Грейга еще до рождения ребенка имелось царское распоряжение: сына произвести в мичманы, а дочь – во фрейдлины. 6 сентября 1775 г. у жены С.К. Грейга – Сары Александровны родился мальчик. При крещении приняли его от купели Екатерина II и боевой соратник С.К. Грейга по Архипелагской экспедиции граф А.Г. Орлов-Чесменский [2, с. 3].

23 июня 1785 г. (в 10-летнем возрасте) закончилось домашнее воспитание и образование А.С. Грейга и он был послан на стажировку в Англию, где служил на судах флота, после чего был произведен в лейтенанты. Стажировка длилась три года. По возвращению в Россию А.С. Грейг был назначен на корабль «Мстислав».

Семья А.С. Грейга была под покровительством Екатерины II, которая неоднократно отправляла Алексея и его брата Карла в Англию, где они изучали морские науки и участвовали в морских сражениях. А.С. Грейг служил волонтером на разных английских судах.

В 1798 г. молодой офицер, капитан 2 ранга, получил в свое командование первое судно – большой 66-пушечный корабль «Ретвизан», взятый в плен у шведов в 1790 году.

1 января 1799 г. А.С. Грейг был произведен в капитаны 1 ранга. В этом же году он участвовал в высадке десанта на голландский берег и взятии крепости Гельдер, возле которой был захвачен в плен голландский флот. За успешные действия молодой командир был награжден первым военным отличием – орденом Св. Анны II степени.

Новый век для А.С. Грейга начался новыми успехами. В 1801 г. был назначен председателем «Комиссии для исправления Кронштадтского порта». В 1802 г. вступивший на престол Александр I назначил А.С. Грейга членом утвержденного Комитета «для исправления флота». Ему было всего 27 лет, и это был единственный капитан 1 ранга среди шести адмиралов, образовавших Комитет. В этом же году А.С. Грейг награжден орденом Св. Георгия IV класса «за личную храбрость» [10, с. 63].

В 1803 г. А.С. Грейг назначается капитан-командором, получает право командовать отрядом судов и небольшими эскадрами. Возглавив эскадру из четырех судов, А.С. Грейг в 1804 г. отправляется в Средиземное море к острову Корфу. Там она крейсировала между островами Ионической республики, высадив десант в Неаполь. Однако, под давлением превосходящих сил французов, вынуждена была его снять и придя в Корфу А.С. Грейг

поступил под командование Д.Н. Сенявина. Именно Д.Н. Сенявин привез А.С. Грейгу новое повышение – чин контр-адмирала, пожалованный ему в 1805 году.

В русско-турецкой войне 1806-1812 гг. под командованием А.С. Грейга был взят о. Тенедос – важный опорный пункт у входа в Дарданеллы. За боевые успехи в Средиземноморской кампании контр-адмирал А.С. Грейг был награжден орденом Св. Анны I степени.

В 1813 году А.С. Грейг принял российское подданство.

2 марта 1816 г. адмирал А.С. Грейг назначен Главным командиром Черноморского флота и портов, военным губернатором Николаева и Севастополя [3, м/п 1180].

А.С. Грейг получил в наследство разваленное от своих предшественников хозяйство. И.И. Де-Траверсе, с 1802 г. семь лет находившийся в должности Главного командира Черноморского флота и портов, привел флот в состояние запущенности и упадка. Впрочем, и у него были заслуги: он составил проект застройки Севастополя, который предусматривал четкое разделение города на две части: все, относящееся к нуждам флота, ремонту и строительству кораблей, расквартированию экипажей переносилось на Корабельную сторону, а территория, прилегающая к Южной бухте, отводилась под жилую застройку. Этот проект был реализован позже, его провели в жизнь адмиралы: вначале А.С. Грейг, затем М.П. Лазарев [8, с. 76].

А.С. Грейг проявил большую заботу о развитии г. Севастополя. Поскольку в 1804 г. Севастополь был объявлен главным военным портом и коммерческий порт был закрыт, а вход купеческим кораблям запрещен, цены на промышленные и продовольственные товары были выше, чем в других городах Крыма и даже выше чем в Петербурге [12, с. 42].

Только благодаря настойчивости А.С. Грейга, неоднократным ходатайствам перед императором, докладным запискам министру финансов 18 октября 1819 г. был рассмотрен вопрос о торговле в Севастополе в Комитете Министров. 9 мая 1820 г. в Севастополе был открыт коммерческий порт, что в дальнейшем благоприятно сказалось на развитии города [5, с. 98-100].

Швартовались корабли в Артиллерийской бухте, где располагался городской рынок. Для продажи молочной и мясной продукции были сделаны специальные ряды. В изобилии продавали камбалу, хамсу, скумбрию. Особенно быстро расходилась султанка. Устрицы и мидии довершали морское изобилие. Был открыт базар на Северной стороне. Именно туда приезжали татары. Мелкие торговцы перекупали у них дрова, овечий сыр, баранину. Торговля велась и в лавках, где продавалось мыло, свечи, соль и другие мелочи [1, с. 52-53].

Во время первого приезда в Севастополь в 1818 г. император Александр I, обращаясь к А.С. Грейгу сказал: *«Адмирал! Береги Севастополь, - это дорогой камень в короне Моей»* [7, с. 271].

К 1820 гг. относится целый ряд мероприятий по благоустройству города. При А.С. Грейге в город был проведен водопровод, действовало 2 фонтана и множество колодцев. Как свидетельствуют архивные документы, в Севастополе *«...появился “дом для приезжих особ”», «дворец флотского начальника», «благородное собрание», 29 домов для чиновников, канцелярий и караулен. Новые казармы вмещали до 10 000 человек.*

27 февраля 1819 г. А.С. Грейгом в Севастополе была введена служба времени. Ежедневно, ровно в полдень, выстрелом из пушки давался сигнал по которому проверялись и устанавливались корабельные, церковные и адмиралтейские часы. В 1822 г. из Англии в Севастополь были доставлены главные городские часы, заказанные А.С. Грейгом. Часы были установлены на специально построенной в 1826 г. башне над главными воротами адмиралтейства. В период первой обороны Севастополя французы сняли городские часы и установили их в своей главной квартире, расположенной в Камышовой бухте. Установили их на деревянной башне у дома главнокомандующего французской армией Ж.Ж. Пелисье. В 1856 г. после заключения мирного договора французы увезли часы в Париж. [7, с. 271].

Только в 1900 г. вновь были установлены городские часы, которые исправно несли службу вплоть до 1942 г., когда в одну из бомбардировок адмиралтейская башня была разрушена. Соблюдая традицию, введенную адмиралом А.С. Грейгом, до 90-х гг. XX в.

ровно в полдень с Константиновской батареи раздавался выстрел пушки, и севастопольцы сверяли время, как и в былые времена. Сейчас эта традиция утрачена.

С 1820 г. стали действовать два инкерманских маяка, по створу которых можно было безопасно войти в Севастопольский рейд ночью. В этом же году сооружена церковь во имя Св. Апостолов Петра и Павла. В 1922 г. в Севастополе учреждена библиотека для морских офицеров. Часто многие приписывают открытие библиотеки М.П. Лазареву, при котором было построено здание для библиотеки [7, с. 271].

В 1821 г. в награду за «ревностную службу» А.С. Грейг был награжден бриллиантовыми знаками к ордену Св. Александра Невского. За научную работу в области астрономии и руководство созданием обсерватории в Николаеве в 1822 г. А.С. Грейг был избран почетным членом Петербургской академии наук.

Именно при А.С. Грейге в 1824 г. началась разбивка «Общественного сада от морского ведомства» - ныне Матросский бульвар.

Адмирал А.С. Грейг обратил внимание на совершенствование конструкции кораблей Черноморского флота и технологии их постройки. Впервые на Черноморском флоте были созданы паровые суда, улучшена артиллерия, введены новые типы парусных судов. А.С. Грейг реорганизовал Черноморский адмиралтейский департамент, развивал гидрографию и связь. С 1817 по 1822 гг. А.С. Грейг ежегодно лично командует эскадрами, крейсируя с ними в Черном море. За успешное руководство Черноморским флотом в первый же год своего управления А.С. Грейг был награжден орденом Св. Александра Невского [10, с. 64].

Мореплаватели М.Н. Станюкович и Ф.Ф. Беллингаузен, служившие на Черном море, воздавая уважение А.С. Грейгу, назвали его именем открытые ими географические пункты: мыс Грейга в Бристольском заливе Берингова моря и остров Грейга в Тихом океане.

Самым крупным мероприятием под руководством А.С. Грейга в Севастополе стала реорганизация Адмиралтейства. В начале XIX в. здесь уже не только ремонтировали, но и строили военные суда. Первым в 1810 г. со стапелей был спущен 18-пушечный корвет «Крым». Самым знаменитым из всех построенных кораблей стал бриг «Меркурий». 7 мая 1820 г. 20-пушечный красавец вышел в бухту. Тридцатиметровый корпус был набран из крымского дуба и английского ореха. Нос корабля украшала фигура бога Меркурия. В 1829 г. экипаж брига «Меркурий» под командованием капитан-лейтенанта А.И. Казарского одержал блестящую победу над двумя турецкими линейными кораблями. Об этом событии и сейчас напоминает памятник А.И. Казарскому, на который пожаловал 5 тыс рублей сам император Николай Павлович. На памятнике лаконичная надпись, как свидетельствуют документы архива, начертанная по указанию Николая I: «Казарскому. Потомству в пример». Это первый памятник на севастопольской земле. Он уже был закончен в «Лазаревскую эпоху» [3, м/п 1184].

Под руководством А.С. Грейга в 1826 г. был создан первый Штаб флота на Черном море, проложены первые телеграфные линии между портами г. Николаевым и г. Севастополем. А.С. Грейг лично составил техническое задание по созданию докового комплекса и проявил исключительную настойчивость, добиваясь практического продвижения проекта, осуществленного уже при М.П. Лазареве.

В 1825 г. А.С. Грейг был назначен членом нового Комитета образования флота. Через 10 лет успешного управления А.С. Грейгом Черноморский флот снова превратился в мощную боевую организацию. К 1826 г. Севастополь стал первоклассной крепостью. В 1827 г. А.С. Грейг был награжден орденом Св. Владимира I степени.

А.С. Грейг являлся автором идеи сооружения «достойного памятника» на месте крещения князя Владимира в Херсонесе. Он взял на себя обязанность сохранить для потомков память о «колыбели христианской» и предписал «местному в Севастополе начальству» осуществлять надзор за херсонесскими развалинами. По проекту А.С. Грейга предполагалось «соорудить в Херсонесе цокольной, изящной архитектуры церковь и при ней богадельню для 30 человек» [6, л. 6-9].

Благодаря адмиралу, как сообщал врач П. Закревский: «...дороги от Севастополя к Георгиевскому монастырю и к Херсонесу маяки пролегали уже не по дикой местности, а между множеством возделанных виноградных плантаций и подрастающих садов» [3, с. 103].

Период управления Севастополем А.С. Грейгом отмечен в архивных документах и природными катаклизмами. 27 августа 1820 г. над городом пронеслась буря. *«В половине 4-го часа при жестоком ветре от юга вдруг весь горизонт помрачился, пошел проливной дождь с градом, довольно крупным, сопровождаемый сильными громовыми ударами и молнией... С тем вместе явился и Тифон (смерч, - авт.), который ...срывал, ломал лавки, разметал торговщиков и их товары, сорвал городскую будку с места и разбил на части, опрокинул будку с часовым и следуя далее по улице и по тому же направлению через кордегардию, партикулярные дома и казенные служительские казармы. Срывал крыши железные и черепичные, потом... спустился вниз крутой горы в южную бухту, подхватил стоящий на берегу катер 14-весельный и перенес оный на 30 сажень (более 60 м, - авт.).*

...После сего ужасного феномена Севастополь наполнен был крепким серным смоляным запахом, продолжающимся некоторое время. Атмосфера была густа. Воздух столь наполнен был электрическою силою, что люди чувствовали ненатуральное испарение и во всем теле какую-то слабость. К вечеру погода была тихая и облачная» [9, с. 72].

Постепенно рос город, а вместе с ним подрастало первое поколение коренных севастопольцев. Состоятельные горожане жили на главных улицах – Екатерининской и Морской (впоследствии Большой Морской). А те, кто победнее – строили небольшие домики на городском холме. Сюда достопочтенные граждане не отваживались заглядывать в вечернее время. Это место прозвали «Хребтом беззакония». Вот как описывал это место врач Н. Закревский: *«“Хребет беззакония” был застроен в беспорядке поставленными и кое-как на обрывистых местах прилепленными лачужками, лачужки с земляными и черепичными крышами, с закопченными и помутневшими стеклами были гнездилищем жильцов сбродного сословия...»* [4, с. 311].

В таких лачугах нищета и болезни были частыми гостями. Иногда инфекционные заболевания приобретали эпидемический характер. Городские власти в подобных случаях вводили карантин, что для жителей было настоящим бедствием.

Период «Грейговской эпохи» был отмечен и народными бунтами. Известность в то время приобрел так называемый «Чумной бунт». В мае 1928 г. по приказу губернатора Новороссии графа М.С. Воронцова в Севастополе был введен карантин. Необходимость таких мер вызывалась вспышками холеры на Кавказском побережье, куда регулярно ходили корабли Черноморского флота. Однако «благоразумные меры» обернулись чудовищными злоупотреблениями. Заболевших любой болезнью определяли в чумные лазареты. Зимой людей велено было купать в море, а с марта 1830 г. город превратился в тюрьму, т.к. всем, кроме чиновников и офицеров, запрещалось выходить из дома. Голод и произвол властей привели к вспышке стихийного возмущения. Жители слободок, матросы, мастеровые громили квартиры состоятельных людей, отлавливали врачей и санитаров. Пять дней город находился в руках восставших, был убит военный губернатор генерал-лейтенант Н.А. Столыпин, а также ряд должностных лиц. 7 июня в город стянули войска и восстание было подавлено. К следствию было привлечено до 6 000 человек. Казни совершались 11 августа 1830 г. публично, одновременно в трех концах города [6, л. 1-65].

Вместе с тем необходимо отметить, что при адмирале А.С. Грейге активно шло городское строительство, открыта первая школа, аптека, первое гражданское учебное заведение, для детей дворян, купцов и чиновников. Важным событием также было открытие коммерческой пассажирской линии Одесса-Ялта с заходом в Севастополь; это была первая в России пароходная линия.

В 1833 г. в Севастополе открылось церковно-приходское училище, в котором из 47 учеников 38 были детьми дворян, чиновников, купцов и иностранцев.

В 1833 г. А.С. Грейг, передав Черноморский флот М.П. Лазареву, был переведен в Санкт-Петербург, где был назначен членом Государственного совета, председателем Комитета по строительству Главной астрономической обсерватории на Пулковой горе.

Личная жизнь А.С. Грейга не была безоблачной. Любимая женщина А.С. Грейга Юлия Михайловна не была признана высшим обществом, т.к. была дочерью мелкого торговца иудейского вероисповедания; жили они в гражданском браке, что вызывало неприязнь в офицерско-дворянской среде.

В личной жизни А.С. Грейг был скромным человеком, любил садоводство и музыку, в домашней оранжерее разводил экзотические цветы и растения, играл на четырех музыкальных инструментах.

В 1843 г., будучи уже в преклонном возрасте, А.С. Грейг, как и его отец, удостоился высшей награды в Российской империи – ордена Св. Андрея Первозванного.

18 января 1845 г. на 70-м году жизни А.С. Грейг скончался. Похоронен А.С. Грейг на Смоленском кладбище в г. Санкт-Петербурге. В ознаменование заслуг адмирала А.С. Грейга по управлению Черноморским флотом и развитию г. Николаева, где находилось управление Черноморским флотом, и где почти все годы прожил сам адмирал, ему был воздвигнут величественный памятник, до нашего времени не сохранившийся.

Нередко заслуги и деяния выдающихся личностей в силу идеологических причин забывались, и для потомков они носили, а зачастую и носят, образ не тех, кем были на самом деле. Такова участь адмирала А.С. Грейга.

С нашей точки зрения в г. Севастополе необходимо воздвигнуть памятник такой выдающейся личности как А.С. Грейг. В настоящее время его именем названа улица в поселке на 5 км Балаклавского шоссе, который относится к Ленинскому району Севастополя.

Источники и литература:

1. Алтабаева Е., Коваленко В. Потомству в пример. Симферополь, 1999. С. 52-53.
2. Асланбегов А. Адмирал Алексей Самуилович Грейг. СПб., 1783. С. 3.
3. ГАГС. м\п 1180, 1184.
4. Закревский Н. Записки врача Морской службы // Морской сборник. СПб., 1864. С.103, 311.
5. Известия Таврической ученой Архивной комиссии. Симферополь. №12. С. 98-100.
6. Историческая записка А.С. Грейга императору Николаю I о событиях «Чумного бунта» в Севастополе // РГАВМФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 17. ЛЛ. 1-65.
7. Исторический путеводитель по Севастополю. СПб., 1907. С.271.
8. История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флотов. Севастополь, 2008. С. 76.
9. Казарин В.П. Крымская буря. Крымский архив. Симферополь, 1997. С. 72.
10. Макареев М.В. Рыжонков Г.Н. Черноморский флот в биографиях командующих. 1783-2004 гг., Севастополь, 2004. С.63.
11. Письма адмирала А.С. Грейга графу Нарышкину о необходимости постройки собора в Херсонесе на месте крещения князя Владимира // ГАГС. Ф.19. Оп. 1. Д. 67. Л. 6-9.
12. Семин Г.И. Севастополь. Исторический очерк. М., 1955. С. 42.

Сокращения:

ГАГС – Государственный архив города Севастополя
РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота

III

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

СЕКРЕТНЫЙ ДОКЛАД ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПОЛНОМОЧНОЙ КОМИССИИ ЦИК И СНК РСФСР ПО ДЕЛАМ КРЫМА Ш.Н. ИБРАГИМОВА: ТЕКСТ И КОММЕНТАРИЙ

КРАПИВЕНЦЕВ М.Ю.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Проблема изучения процесса создания Крымской АССР в 1921 г. сложна для объективного анализа, т. к. исследователю приходится учитывать разнообразные факторы, влиявшие на ситуацию в Крыму – как до окончательного установления на полуострове Советской власти, так и в первые месяцы советского строительства. Частая смена правительств в 1918-1920 гг., проводивших взаимоисключающую политику, переполнение полуострова армейскими частями, экспроприации, миграции громадных масс населения – все это вело Крым к гуманитарной катастрофе, разразившейся в первой половине 1920-х годов [7; 8]. В это же время на полуострове обострился национальный вопрос, в первую очередь, проблема взаимоотношений новой власти с крымско-татарской общиной. В таких условиях провозглашение Крыма автономной республикой призвано было разрядить ситуацию. При принятии этого решения центральным и местным органам власти пришлось учитывать целый комплекс факторов: внешне- и внутривнутриполитических, экономических и национальных. Поэтому принятие решения о создании автономной республики происходило в острых дискуссиях и личном противостоянии между различными органами власти и их руководителями.

Изучение данной темы после распада СССР осложняется тем, что источники по истории Крыма 1920-х гг. хранятся не только на полуострове, но и вне пределов Украины – в центральных государственных архивах Российской Федерации. Поэтому большинство ныне публикуемых работ основано на материалах крымских архивов. Это не позволяет в должной мере осветить роль центральных органов власти РСФСР в ходе создания крымской автономии [1; 4]. Создается ошибочное представление, что руководство этим процессом осуществлялось в границах полуострова, а Центр принимал лишь окончательное (заранее подготовленное) решение.

Документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации и Российском государственном архиве социально-политической истории, позволяют сделать иные выводы. Вопрос об административно-политическом статусе Крыма не только широко дискутировался в Москве, но здесь же готовились и претворялись в жизнь мероприятия по его решению. Впервые публикуемый ниже секретный доклад Ш.Н. Ибрагимова в Центр раскрывает ранее малоизвестные стороны этого процесса. Он был выявлен в фонде «Полномочная комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма» Государственного архива Российской Федерации.

Уже к весне 1921 г. в ЦК РКП(б) поступали многочисленные сигналы о тяжелом экономическом положении Крыма, расширении так называемого «зеленого» движения, острой внутренней борьбе в крымской областной партийной организации (особенно в вопросе о бу-

дущем статусе полуострова), перегруженности Крыма армейскими частями, негативной реакции населения на красный террор и т. д.

В обобщенном виде многие из этих вопросов получили отражение в ранее опубликованном С.А. Усовым докладе в Наркомнац (апрель 1921 г.), подготовленном М.Х. Султан-Галиевым¹, который находился в Крыму с января по апрель 1921 года [13]. Этот доклад имел большой резонанс в Наркомнаце и ЦК РКП(б), способствовал вынесению крымского вопроса на обсуждение высших партийных, законодательных и исполнительных органов РСФСР, включая принятие специальных постановлений по Крыму: Совнаркома от 10.05.1921 г. [10], ВЦИК – от 12.05.1921 г. [11], Пленума ЦК РКП(б) – от 18.05.1921 г. [1, с. 4].

Чтобы реализовать эти постановления на практике была образована Полномочная Комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма, имевшая специальные полномочия и по линии ЦК РКП(б). Во главе ее были поставлены работавший ранее в Казанской губернии и Наркомнаце Ш.Н. Ибрагимов², опытные коммунисты М.В. Фофанова³ и А.Г. Дауге⁴. Помимо них в состав Комиссии вошли представители почти всех наркоматов РСФСР [12]. В начале июня Комиссия прибыла в Крым и приступила к работе. Ее основной задачей было решение внутренних проблем Крыма и подготовка к объявлению его республикой. С этой целью Полномочная Комиссия сосредоточилась на решении основных проблем полуострова: национальном и земельном вопросах, проблеме снабжения продовольствием, борьбе с «зеленым» движением, административном делении Крыма⁵.

При этом работа Комиссии проходила в условиях острого конфликта с руководством Крымревкома (М.Х. Поляков)⁶ и Областного комитета партии⁷ (И.А. Акулов)⁸, которые были сторонниками проведения в Крыму максимально жесткой линии, в том числе и по отношению к татарскому населению. Об этом конфликте свидетельствуют многие документы из фонда Полномочной Комиссии. В представленном ниже докладе, в первой его части,

¹ **Султан-Галиев Мирсаид Хайдаргалиевич** (1892-1940). С 1917 г. член Центральной мусульманской военной коллегии, член Центрального бюро коммунистических организаций народов при ЦК РКП(б), член коллегии Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. Во время пребывания в Крыму организовал представительство Наркомнаца, в котором работали видные представители крымско-татарской интеллигенции. Являлся членом татарского бюро при обкоме партии. Настойчиво проводил мысль о создании в Крыму автономной республики по территориальному принципу. После 1923 г. неоднократно арестовывался по обвинению в антипартийной деятельности и национализме. Расстрелян. Реабилитирован посмертно [13, с. 95].

² **Ибрагимов Шаймардин Нуриманович** – казанский революционер, затем – советский работник. В 1921 г. – председатель Полномочной Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма.

³ **Фофанова Маргарита Васильевна** (1883-1976) – участница революционного движения в России с 1902 г. Член КПСС с апреля 1917 г. В 1917 г. – депутат Петроградского совета. На квартире Фофановой в 1917 г. партия укрывала В.И. Ленина. Сама М.В. Фофанова была одним из связных между Лениным и ЦК РСДРП (б). После Октябрьской революции – член коллегии Наркомзема, в 1921 г. – член Полномочной Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма, с 1922 г. на административно-хозяйственной работе.

⁴ **Дауге Александр Густавович** (Дангель, Даугель-Дауге) – революционер, член РСДРП с 1905 г., участник революции 1905-1907 гг. в Латвии. В 1921 г. вошел в состав Полномочной Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма как ответственный секретарь.

⁵ Подробнее о роли Полномочной Комиссии по делам Крыма в создании Крымской АССР см.: [6].

⁶ **Поляков Михаил Харитонович** (1884-?) – профессиональный партийный работник. До прибытия в Крым занимал пост председателя Челябинского губисполкома. С февраля 1921 г. – председатель Крымревкома. Выступал за создание в Крыму автономной области, отстаивал жесткую линию по отношению к "зеленым", требовал продления срока продовольственной разверстки после решения X съезда РКП(б) о замене ее продовольственным налогом. В декабре 1921 г. отозван в ЦК РКП(б) [13, с. 95].

⁷ **Областной комитет** (Областком, О.К.) – Крымский областной комитет РКП(б). Вновь образован при вступлении Красной Армии в Крым в ноябре 1920 г. До января 1921 г. его первым секретарем была Р.С. Землячка (Залкинд). Сменивший ее И.А. Акулов занимал этот пост до ноября 1921 года [13, с. 95].

⁸ **Акулов Иван Алексеевич** (1888-1937) – профессиональный революционер. Член партии большевиков с 1907 г. Неоднократно арестовывался. После Октябрьской революции 1917 г. находился на партийной работе в Екатеринбурге, Челябинске, Вятке, Оренбурге. По решению ЦК РКП(б) в марте 1921 г. был направлен в Крым секретарем обкома партии. Считал несвоевременным создание в Крыму автономной республики, выступал за силовые меры в отношении "зеленых" повстанцев, неохотно шел на переговоры и компромиссы. Настаивал перед ЦК РКП(б) на отзыве из Крыма несогласных с его политической линией Ю. Гавена, И. Бабахана, И. Фирдесва, С. Меметова и др. В ноябре 1921 г. отозван ЦК РКП(б) из Крыма. В последующие годы вел партийную и профсоюзную работу на Украине. Первый Прокурор СССР, секретарь ЦИК СССР. Репрессирован. Реабилитирован посмертно [13, с. 95].

Ш.Н. Ибрагимов писал о причинах конфликта следующее¹: «По вопросу о государственной форме Крыма 3/5 голосами была проведена автономная Республика, которую состоятельно требуют интересы Советского Крыма и всей нашей ближневосточной политики. Секретарь О.К. на Конференции заявил, что “мы никоим образом не можем совершить этой роковой ошибки /т.е. образования Республики/, которая может привести к очень печальным последствиям” /из протокола Крымской Областной Конференции/. В настоящее время руководящий состав О.К. принужден проводить в жизнь “огромную ошибку, которая приведет к очень печальным последствиям” и, естественно, скорее тормозит проведение правильной политики, чем содействует ей» [3, л. 3].

Полномочная Комиссия работала в Крыму до начала октября в условиях постоянного давления и непрерывных жалоб в Центр со стороны Областкама и Крымревкома, которые, выгораживая себя, стремились всячески дискредитировать деятельность Комиссии.

Доклад Ш.Н. Ибрагимова охватывает полуторамесячный период работы Комиссии в Крыму и дает целостное представление о драматизме сложившейся ситуации. Публикуемый ниже текст является частью доклада. Ш.Н. Ибрагимов в начале его писал: «Вследствие отдаленности Крыма от центра, долговременного владычества в нем белых, частой смены работников и, в особенности, вследствие своеобразности национальных и экономических условий Крыма, Москва не всегда имела точное представление о крымских делах» [3, л. 1]. Поэтому первая часть доклада содержит краткую информацию о работе правительств советских республик на территории Крыма периода гражданской войны – Республики Тавриды (1918 г.) и Крымской ССР (1919 г.). Данный материал не несет в себе научной новизны, за исключением упомянутого выше эпизода Крымской Областной Партийной Конференции и, в основном, содержит информацию, глубоко проанализированную в историографии [1; 2; 4]. Поэтому, он оставлен автором за рамками данной публикации.

Вторая часть, напротив, практически не получила освещения в литературе. В нескольких работах содержится упоминание о Полномочной Комиссии как органе власти, выполнявшем отдельные задачи, например, борьбу с «зеленым» движением, решение земельного вопроса [9]. Но в остальном авторы работ, посвященных становлению Советского Крыма, рассматривают процесс провозглашения Крымской АССР, не касаясь деятельности Полномочной Комиссии. Однако объективный анализ этого процесса представляется невозможным без учета работы этого органа. Именно ей удалось переломить неблагоприятное для Советской власти развитие политической ситуации на полуострове и создать условия для подготовки Всекрымского Учредительного Съезда Советов², на котором была провозглашена Крымская АССР в составе РСФСР.

Орфография и пунктуация в тексте публикации приведены в соответствие с нормами современного русского языка. Текст сопровождается комментариями публикатора.

Источники и литература (использованные публикатором во вводной статье и комментариях).

1. Брошеван В., Форманчук А. Крымская республика: год 1921-й. Симферополь, 1992. 194 с.
2. Гарчев П.И., Кононенко Л.П., Максименко М.М. Республика Таврида. К., 1990. 127 с.: ил.
3. Доклад Председателя Полномочной Комиссии Ш. Ибрагимова в ЦК РКП // ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 23. Д. 13. Л. 1-9.
4. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму // [Электронное издание]. Режим доступа: http://www.moscow-crimea.ru/history/20vek/zarubiny/glava2_3.html.
5. Ишин А. К вопросу об особенностях политического развития в первой половине 1920-х годов [Электронное издание] // Историческое наследие Крыма. № 5. 2004. Режим доступа: http://www.ironcross-sta.com/index2.php?option=com_content&do_pdf=1&id=973.
6. Крапивенцев М.Ю. Роль Полномочной Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма в создании Крымской АССР // Культура народов Причерноморья. 2010. № 183. С. 15-19.
7. Пашеня В.Н. Основные аспекты влияния татарского фактора на преступность в Крымской АССР и борьбу с ней // Культура народов Причерноморья. 2005. № 69. С. 223-230.

¹ Речь идет о Крымской Областной Конференции, прошедшей в январе 1921 г. по вопросу Советского строительства в Крыму.

² Первый Всекрымский Учредительный Съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и флотских депутатов открылся 7 ноября 1921 года. Принял Конституцию Крымской АССР и избрал Центральный исполнительный комитет Крымской АССР.

8. Крапивенцева В.А. Преодоление голода в Крыму в 1921-1923 гг. // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2010 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2010». Севастополь, 2010. С. 359-361.
9. Крапивенцева В.А. Предпосылки голода в Крыму в 1921-1923 гг. // [Электронный ресурс] // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск II. Серия Б. Новая и новейшая история. [Избранные материалы VII Международной научной конференции «Лазаревские чтения»]. Севастополь, 2010. С. 82-85. Режим доступа: <http://www.msusevastopol.net/index.php?ac=science&science=public&public=prich02&sub=public>.
10. Протокол № 421 Заседания Большого Совнаркома от 10.05.1921 // ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 18. Л. 6.
11. Протокол заседания Президиума ВЦИК от 12.05.1921 года // ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 99. Д. 197. Л. 141.
12. Список сотрудников Полномочной Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма // ГАРФ. Ф. Р. 1247. Оп. 1. Д. 40. Л. 21.
13. Султан-Галиев М.Х. О положении в Крыму // Крымский архив, № 2. Симферополь, 1996. С. 87-95.

Приложение

ИЗ СЕКРЕТНОГО ДОКЛАДА В ЦК РКП(б) ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПОЛНОМОЧНОЙ КОМИССИИ ВЦИК И СНК РСФСР ПО ДЕЛАМ КРЫМА Ш.Н. ИБРАГИМОВА (ИЮЛЬ 1921 ГОДА) (публикуется впервые)

РАБОТА ПОЛНОМОЧНОЙ КОМИССИИ

Помочь скорейшему изживанию всех тяжелых последствий военно-оккупационного режима в Крыму – было главной задачей Полномочной Комиссии ВЦИК и СНК. Нужно было вновь привлечь уже подорванное доверие местного трудящегося населения к Советской власти, втянуть трудящихся в работу Советских органов, создать, наконец, нормально действующие Советский и партийный аппараты.

Работа Комиссии, поэтому, была направлена к выпрямлению политической линии руководящих крымских органов¹ – О.К., Крымревкома и военного командования, в особенности по 2-м основным в Крыму национальному и земельному вопросам, к борьбе с последствиями с одной стороны неправильного политического курса и красного террора /бандитизма/, с другой стороны – перегруженности Крыма армией и ненадежности Советского аппарата: продовольственным, транспортным, жилищным и друг....

Ввиду ударных заданий центра особняком стал вопрос об увеличении погрузки соли из Крыма и, одновременно, Комиссия была занята разработкой форм и положений об автономии Крыма.

Хотя приезд Комиссии был встречен недоброжелательно со стороны многих товарищей, и в дальнейшей работе нам пришлось столкнуться с непониманием наших целей, глухим нежеланием идти навстречу и наладить контакт со стороны даже ответственных членов Партии, однако, Комиссия с первого же дня приезда поставила себе задачей теснее связаться как с партийной, так и с беспартийной трудящейся массой. С этой целью было предпринято широкое оповещение о целях приезда Комиссии, популяризация их, населению было предложено являться в Комиссию с изложением своих претензий, заявлений и жалоб. Поездка Комиссии в крупнейший исключительно татарский центр Бахчисарай и объезд окружных деревень, ряд поездок на места способствовали тому, что о целях приезда Комиссии узнали даже в самых глухих деревнях и селах всех районов Крыма. Вскоре в Комиссию потянулись делегации от местного трудового населения, со своей стороны Комиссия начала обследования, ревизии различных Советских органов, принима-

¹ После окончательного захвата Крыма большевиками в 1920 г. власть на полуострове, помимо областного комитета РКП(б), с ноября 1920 г. по ноябрь 1921 г. (до избрания Крым. ЦИКа и СНК Крым. АССР) осуществлял Крымский революционный комитет (Крымревком, ревком) – чрезвычайный орган советской власти. Председатели: Бела Кун (ноябрь 1920 г. – декабрь 1920 г.), М.Х. Поляков (февраль – декабрь 1921 г.).

ла доклады ответственных за работу учреждений лиц, производила расследования имевших место фактов, объезды, опросы и т.д.

Все это ознакомило Комиссию с положением в Крыму – конспективно изложенном в I главе, убедило в правильности тех сведений, которые приходили в Центр, и позволило приступить к практической работе.

РАБОТА СРЕДИ ТРУДЯЩИХСЯ ТАТАР

Для того чтобы привлечь на сторону Советской власти местное трудовое татарское население, которое отпугнула от нас политика террора, изъятий, репрессий, выселений, арестов, обысков, конфискации и т.д., Комиссия широко использовала факт объявления Крыма автономной республикой, как доказательство искреннего желания Советской власти прийти на помощь мирному строительству жизни, руками коренного трудящегося населения. Уже один этот факт вызвал известный перелом в настроении татарской трудовой интеллигенции и позволил нам персонально ближе связаться с их представителями, большей частью Милли Фирковцами¹. Комиссия всячески способствовала привлечению татар в советские аппараты, добилась фактического признания татарского языка государственным, повела резкую борьбу с пренебрежительным отношением органов власти к нуждам местного населения и его быту, постаралась поднять авторитет татар-коммунистов привлечением их к активной работе. Все эти меры способствовали тому, что у татар вновь зародилась надежда возможности мирной работы под руководством Советских органов автономной Крымской Республики, что видно, например, из выступлений на Бахчисарайском митинге, где даже муллы приветствовали приезд Комиссии. Все [это] создало возможность созвать Областную татарскую беспартийную Конференцию², закрепить связь трудящихся татар с Советской властью. На конференции, состоявшейся в июле месяце, было 500 делегатов почти сплошь от беспартийного трудового населения татарских деревень из самых глухих уголков Крыма. Комиссия не оказывала никакого давления на ход конференции: резолюции вырабатывались президиумом, и эти резолюции говорят о том, что, сохраняя свои национально-бытовые особенности, татарское крестьянство все же искренне стоит на платформе Советской власти и жаждет совместной работы, хочет приобщиться к делу народного образования, втянуться в продвижение в ряды Красной Армии, милиции и т.д. Конференция избрала Комиссию из 7 чел. /в том числе и коммунисты/ для вовлечения татар в советское строительство. Конференция эта была целым событием в жизни трудового татарского населения Крыма и способствовала рассеянию взаимного непонимания.

ЛИКВИДАЦИЯ ЗЕЛЕННЫХ

Уничтожение повстанческого движения³ было необходимым фактором, без которого переход на созидательную Советскую работу в Крыму совершенно невозможен. Между тем, борьба с повстанцами до сих пор шла исключительно уста-

¹ Милли Фирка (араб. «народная партия») – буржуазно-националистическая партия крымских татар. Оформлена в июле 1917 г. руководством Временного крымско-мусульманского исполнительного комитета. При Врангеле партия находилась в подполье, принимала участие в организации «зеленого» (партизанского) движения, выступала за сближение с большевиками. Через 2 недели после взятия ими Крыма Милли Фирка была распущена (30 ноября 1920 г.) Крымревкомом.

² Имеется в виду Всекрымская татарская беспартийная Конференция, организованная в июле 1921 года.

³ Имеется в виду «бело-зеленое» движение – вооруженное противодействие большевизму на территории Крыма, начавшееся в конце 1920 г. и продолжавшееся до 1925 года. Главными очагами повстанчества стали горные районы. Социальную базу составили уцелевшие офицеры и солдаты Русской армии Врангеля, махновцы, а также недовольные политикой власти крестьяне и жители городов. Национальный состав этих формирований был пёстрым: здесь можно было встретить русских, украинцев, крымских татар, чеченцев, греков, армян. Однако существовали и отряды, целиком состоявшие из представителей одной национальности, в т. ч. из крымских татар, игравших значительную роль в движении. Общая численность отрядов "бело-зеленых" в 1921-1922 гг. составляла приблизительно 8-10 тыс. человек.

ревшими методами устрашений, облав, взятия заложников и т.д. Эти методы поддерживались той неправильной информацией, которая давалась чрезвычайными и разведывательными органами, о сущности зеленой армии. В сводках давались сведения об ___¹ отрядах, о победоносных действиях наших частей, что всегда впоследствии опровергалось. С другой стороны, во главе борьбы с бандитизмом были люди абсолютно незнакомые с местными условиями и не могущие ориентироваться. Попытка Полномочной Комиссии ввести в ___² по борьбе с бандитизмом сведущих лиц встретила оппозицию со стороны О.К.

Комиссия сразу поняла, что вернейший способ ликвидации повстанческого движения это привлечение на нашу сторону татарской деревни, которая кормила, скрывала повстанцев и, наконец, активно пополняла их ряды.

Решительная политика Полномочной Комиссии в области экономического, культурного и правового положения татар, привлечение беспартийных татар к Советской работе, борьба с не в меру развернутой деятельностью карательных органов – все это сразу подняло престиж Комиссии, обнадежило трудовое татарское население, создало перелом в настроении деревни. Предварительно объявленная Крымревкомом амнистия завоевала себе доверие, и повстанцы выразили желание вести переговоры с Комиссией о сдаче. Представители Комиссии и местной власти выезжали для переговоров и, в результате соглашения со штабом зеленых о сдаче, быстро пошло расслоение в среде повстанцев и отделение татарского их ядра от идейного влияния немногочисленного офицерства. Прекращение репрессий еще больше уничтожило стимулы повстанческого движения. Беспартийная Татарская Конференция упрочила доверие к Советской власти и, в результате, повстанцы капитулировали. Огромнейшее большинство сложило оружие. В лесу и горах осталась лишь ничтожная горсточка чисто уголовного элемента.

В ОБЛАСТИ ЗЕМЕЛЬНОЙ Комиссия противопоставила захватнической и бесхозяйственной деятельности земорганов Крыма работу по удовлетворению земельной нужды бедняцких и батрацких элементов деревни /в первую голову татар/, сохранение высоких южных культур, винограда, табаку и т.д., помощь крестьянским хозяйствам, сохранение ядра мощных показательных советских хозяйств. Только такая политика могла способствовать поднятию производительности уже запущенных сельских хозяйств и укреплению Советской власти в татарской деревне.

После предварительного обследования деятельности Крымземотдела работа Комиссии в области разрешения земельного вопроса пошла по трем направлениям: 1-ое – землепользование и землеустройство, 2-ое – мероприятия в области в области сельскохозяйственных культур, 3-е – лесное дело.

По окончанию работы Статбюро, выработки земельных норм, созданный на 16 июня Съезд утвердил эти нормы. Затем утверждение перешло на районные крестьянские Съезды. Наряду с этим были разосланы землемеры для предварительной подготовки селений к землеустройству. Для успокоения крестьянского населения было проведено через Ревком постановление по земельному вопросу. В целях определения, какое количество должно остаться национализированным под Совхозами, в уездах были созданы тройки, работа которых уже суммируется. Одновременно для наших работников издана листовка и тезисы по земельному вопросу.

В области виноградарства, прежде всего, были отменены распоряжения местных органов, противоречащие декретам РСФСР, были созданы комиссии для обследования положения на местах, установлена цифра изъятого вина у трудящихся, служащего для них единственным источником существования, выдвинут план работ по реализации урожая винограда нынешнего года, организована

¹ Слово написано неразборчиво – прим. публ.

² Слово пропущено. Возможно имеется ввиду «комиссия» – прим. публ.

приемка вина, проверена выдача /обнаружены огромные неправильности/, согласована работа с Ц.У.К.¹ по использованию лечебного винограда.

В области табаководства были предприняты меры по передаче излишков табаку 19-20 г.г. обследовано 52 пункта, введен ряд работников из татар и спецов в соответствующие органы.

В области лесного хозяйства...² монополия на лесозаготовки за Крымлескомом и разрешен отвод лесосек с расчетом по 1\2 куба на двор.

В области Административной Комиссия констатировала полную оторванность отдела Управления от местных органов власти и непригодность аппарата личного состава к специфическим местным условиям. Прежде всего, Комиссия, как необходимую меру, наметила административный передел Крыма. Теперешнее районное деление не соответствует хозяйственному тяготению отдельных районов, их национальному составу, особенностям сельскохозяйственных культур, и пересмотр границ уездов и районов, как показало детальное обследование, под этим углом зрения является вполне назревшей необходимой задачей. Придется также поднять вопрос о перенесении некоторых районных центров.

Одновременно Ревкому было предложено организовать кадр инструкторов для оживления связи с местами, причем в число инструкторов должна быть привлечена татарская молодежь по предварительной подготовке.

После обследования милиции было предложено соответствующим органам также принять ряд мер к улучшению ее положения и приближению к населению.

НАД ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СУДЕБНЫХ И КАРАТЕЛЬНЫХ органов Комиссия имела все время неослабное наблюдение, что было необходимо для того чтобы покончить с сепаратизмом и продолжением тенденции террора в этих органах.

Комиссия приостанавливала необоснованные смертные приговоры, разгружала Ч.К. от ряда мелких дел, производила разгрузку Симферопольской губ. тюрьмы, борется со «самоснабжением» ответственных чекистов, пресекает отдельные акты Ч.К., имеющие своим последствием недоверие коренного местного населения к Советской власти, инструктирует Ч.К. на предмет постановки делопроизводства и т.д.

Были также приняты меры к реорганизации Ревтриба³.

В целях улучшения Управления местной промышленностью, КСНХ⁴ было предложено произвести ряд улучшений организационно-технического характера, а также произвести переучет материалов в крымском масштабе, централизовать наличность в ведении Комснаба⁵, поставить материальную отчетность и т.д.

В области продовольственной, после заслушания докладов, обследований и ревизий, потребовался ряд решительных мер для устранения катастрофического положения снабжения Крыма продовольствием, в особенности имеющих Всероссийское значение Армии, Флота, Здравницы, Соляных промыслов, виноградарей и т.д.

В первую очередь, была поведена борьба с хаотическим состоянием продорганов, доходившим до того, что некоторые армейские учреждения и власти пользовались снабжением из трех источников. Потребовалась частичная реорганизация Опродкома⁶, проведение учета продработников, разграничение снабжения военных частей от граждан, в принятии мер и разгрузке Крыма от излишних учреждений и частей, к учету реального количества едоков. В то же время, Комиссия убедилась в необходимости поставки хлеба из-за границы, с одной стороны; с дру-

¹ Центральное управление курортов – прим. публ.

² Слово написано неразборчиво, оканчивается на «на». Вероятно, «сохранена» или «введена» - прим. публ.

³ Революционного трибунала – прим. публ.

⁴ Крымскому совету народного хозяйства – прим. публ.

⁵ Комитета снабжения – прим. публ.

⁶ Окружного продовольственного комитета – прим. публ.

гой стороны, в снабжении всех организаций и частей, кои имеют общероссийское значение, за счет внекрымских продорганов /в первую очередь армия, Здравница¹, соляные промыслы/; соответствующие меры были приняты Комиссией.

ПОЛОЖЕНИЕ АРМИИ приходилось также ставить в тесную зависимость от обостренного продовольственного положения, что вызывало массовые заболевания цингой, куриной слепотой, упадок дисциплины и т.д. Приняты меры к обмундированию через УЧУСО². В целях приближения армии к населению, приступлено³ к формированию из татар отдельного эскадрона.

В ОБЛАСТИ ТОПЛИВОСНАБЖЕНИЯ выяснилась возможность получения дров с Кавказа, увеличения добычи угля на Бешуйских коях /в том числе достройки ж.д. ветки на Бешуй/⁴, заключения договоров закупки каменного угля через Внешторг.

ДЛЯ УВЕЛИЧЕНИЯ ВЫКАЧКИ СОЛИ из Крыма был устранен ряд технических и хозяйственных недостатков, созданы междуведомственные органы, приняты меры снабжения рабочих на промыслах продовольствием, фуражом, денежными знаками. Часть соли была выделена для Внешторга /19.000 пудов/ и создан для нужд Крыма соляной фонд в 1 миллион пудов⁵.

Подводя итог работе Комиссии, надо иметь в виду. Период перехода от Ревкома к выборным Советам совпал со временем прибытия в Крым Полномочной Комиссии, и выборы прошли под знаком растущего интереса и симпатии к проводимым мероприятиям и Советской власти вообще. Все же, всю предвыборную кампанию приходится отнести к слабой работе Областкама: вместо того, чтобы развить усиленную агиткампанию в городах и деревнях, Областкому пришлось прибегнуть к действию чрезвычайных органов с целью изъятия некоммунистических элементов. По всему Крыму в связи с выборами было арестовано не менее 300 человек.

Все это указывает на полную оторванность партии от профсоюза и пролетариата вообще.

Результаты выборов для партии были благополучны, что объясняется, с одной стороны, отмеченными репрессиями, с другой – благодаря растущему продовольственному экономическому кризису, выразившемуся в формулу: «Сами заварили кашу, сами расхлебывайте» /по сводкам Чека, бюллетень № 5/.

В результате, эти Советы тоже оказались оторванными от масс, что выявилось в индифферентизме и непосещаемости заседаний Советов.

Подводя итог работе Комиссии, надо иметь в виду, что Комиссия неоднократно в своей работе сталкивалась с областным Комитетом Р.К.П. и Крымревкомом, в своем большинстве не проявлявшим никакой инициативы в деле привлечения татарских трудящихся масс к советскому строительству и привлечения симпатий деревни, а тормозившим отдельные мероприятия Комиссии. Надо констатировать, что присутствие во главе этих органов противников Крымской автономии значительно мешает успешному разрешению основных крымских вопросов.

Партийную организацию в Крыму можно охарактеризовать огромным преобладанием военных и флотских /морведа⁶/ ячеек над гражданскими, в особенно-

¹ Речь идет об идее создания в Крыму Всероссийской Здравницы, основанной на декрете СНК РСФСР от 21 декабря 1920 г. «Об использовании Крыма для лечения трудящихся».

² Управление Чрезвычайного Уполномоченного Совета Рабочее-Крестьянской Обороны – прим. публ.

³ Так в тексте – прим. публ.

⁴ Бешуйские копи - единственная на полуострове угольная шахта, дававшая уголь невысокого качества. Строительство узкоколейной железной дороги для вывоза Бешуйского угля было начато в 1920 г. по приказу П.Н. Врангеля, заинтересованного в снабжении Крыма местным углем. Остановка работ связана с налетом красных партизан на шахту; при этом был взорван один их ходов и подьёмник. Рабочие разбежались, восстановить шахту не успели. Позднее 1921 г. вопрос о возобновлении разработки местного угля и достройке узкоколейки поднимался в 1930-е годы, но ничего так и не было сделано – прим. публ.

⁵ Дописано от руки – прим. публ.

⁶ Под «морведом» понимаются Морские силы Черного и Азовского морей – прим. публ.

сти, производственными и, вследствие этого, полная оторванность партии от местного, в особенности, крестьянского и татарского населения. Число действительных членов организации из татар насчитывается десятками. Ни О.К., ни Крымревком не сочли нужным предпринять активные меры для привлечения широких трудящихся масс, в частности, татарских, к Советской власти, не говоря уже о вербовке Коммунистической партии.

Подводя итог партийной и советской работе в Крыму, приходится констатировать чрезвычайно слабое руководство со стороны Областкама над Советским аппаратом, с одной стороны, и партийными организациями с другой, [что] привело некоторые партийные организации к полному распаду.

Крымревком в этом отношении шел по стопам Областкама, не имея руководства как своими отделами так, в особенности, и уездными ревкоммами.

Полномочная Комиссия считает нужным прибавить, что вышеуказанная оторванность партийных организаций и отсутствие руководства особенно губительно отразилось на татарских коммунистических организациях, которые не пользовались никаким влиянием на массы, будучи принуждены проводить в корне неправильную политику Областкама. В результате масса осталась под влиянием старых вождей и таких, по существу, мелкобуржуазных партий как Милли Фирка, что и заставило привлечь беспартийные элементы к Советскому строительству, частью воспользовавшись и наиболее близкими к нам отдельными работниками из Милли Фирка; означенное вызывалось крайней необходимостью в целях укрепления авторитета Советской власти в глазах широких трудящихся татарских масс.

Суммируя все сказанное выше, Полномочная Комиссия ВЦИК и СНК и ЦК РКП по делам Крыма предлагает следующие срочные мероприятия:

1/ Принимая во внимание географическое положение Крыма и этнографический состав населения, Полномочная Комиссия считает сугубо необходимым подчеркнуть огромное международное значение национальной политики по отношению к Крымскому татарскому населению, ввиду того, что каждый шаг в этом направлении чувствительным барометром воспринимается в странах Черноморского побережья, в первую голову, Ближнего Востока/...¹

ГА РФ Ф.Р.- 1318, оп. 23, Д. 13, Л. 3-9.

¹ Окончание текста в архивном деле не сохранилось – прим. публ.

ИСТОРИЯ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ВИНОДЕЛЬЧЕСКОГО ЗАВОДА (ПРОЕКТ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ)

Кузьмина А.В.

Севастопольский филиал
Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Уникальные агроклиматические условия Севастопольского региона сделали виноградарство основным видом деятельности сельскохозяйственных предприятий г. Севастополя. В настоящее время благодаря многочисленным усилиям удалось сохранить те наработки, которые накапливались десятилетиями, что позволяет говорить о развитии виноделия в регионе не только как традиционной бюджетообразующей отрасли, но и как части культурного наследия Севастополя. Уникальная по своим качествам продукция севастопольских виноделов представляет наш город, вызывая восхищение ценителей, как по всей Украине, так и за рубежом. Дальнейшее акцентирование внимания не только на экономическом, но и на культурно-историческом аспекте деятельности винодельческих предприятий севастопольского региона может способствовать превращению города в один из центров винного туризма.

Закономерным этапом и определенным итогом в изучении единичного предприятия может стать создание тематической экспозиции по его истории, которая является своеобразным связующим звеном между трудом профессионала-историка, ведущего эвристическую и аналитическую работу по изучению истории предприятия, и широкой зрительской аудиторией, для которой важна наглядность и ясность. Музейная экспозиция отражает действительность особым способом, интерпретирует ее в соответствии с научной концепцией, и на этой основе документирует через музейные предметы. Таким образом, создается «новая реальность» - музейный образ исторической действительности [4, с. 210]. Этот образ с одной стороны, доступен и прост в восприятии, однако в то же время не лишен качества научности, т.е. достоверен, основан на исторических фактах. Более того, информация, доносимая посредством музейной экспозиции и подкрепленная вещественными наглядными экспонатами, выглядит еще более убедительной, оставляя в то же время посетителю возможность для собственного осмысления исторического процесса.

Экспозиция – это целенаправленная демонстрация музейных предметов, отобранных, размещенных и объясненных в соответствии с поставленной темой (слово "экспозиция" латинского происхождения, означает "выставление"). Музейная экспозиция, по мнению автора современного издания «Музееведение: основы создания экспозиции» Т.В. Галкиной, органически соединяет научную достоверность содержания с яркой зрелищностью показа [1, с. 18].

Основной единицей музейной экспозиции является экспонат – музейный предмет, выставленный для обозрения. Для экспонирования производится тщательный отбор музейных предметов как источников информации – носителей аттрактивной и экспрессивной сущности. Таким образом, музейный предмет из источника для получения знаний превращается в активно воздействующий элемент экспозиции. Каждый музейный предмет в экспозиции, по мнению Т.В. Галкиной, должен быть доведен до уровня символа [1, с. 3].

Совокупность музейных предметов всех типов, выставленных в экспозиции и получивших статус экспонатов – это экспозиционный материал. Он группируется, организуется и размещается в соответствии с тематикой научной концепции будущей экспозиции. Совокупность взаимосвязанных в логической схеме частей экспозиции образует ее тематическую структуру.

В соответствии с ней экспозиционные материалы делятся на структурные единицы – экспозиционные комплексы, являющиеся наполнителями тематической структуры. Экспозиционные комплексы – это группы экспонатов, связанных между собой по содержа-

нию, экспозиционной площади или иным признакам и составляющим зрительное и смысловое единство.

В создании экспозиционных комплексов наиболее ярко выступает творческое начало «музейности» - способность передать абстрактное через конкретное, создать музейный образ прошлого и современности [4, с. 223].

Именно экспозиционный комплекс создает ту образную картину, которая в едином логическом ряду с другими позволяет в целом осмыслить историческое или культурное событие, а также явление природы. Группировка, композиция и художественное оформление экспозиционного комплекса может усилить (или ослабить) впечатление, раскрыв познавательный и эмоциональный потенциал экспозиции.

Т.В. Галкина выделяет пять основных типов современных музейных экспозиций:

- Созерцательный
- Тематический.
- Средовой
- Систематический.
- Интерактивный
- Прикладной [1, с. 5].

В соответствии с этой классификацией, выставку по истории Севастопольского Винodelьческого завода можно отнести к Тематическим, хотя в ней могут присутствовать элементы интерактивного, созерцательного, прикладного типа.

Музейную экспозицию, как своеобразный «текст», необходимо не только созерцать, но и осмысливать. Поэтому, по мнению Т.В. Галкиной, выставка является результатом творческого труда автора или авторов научной концепции и по праву является одной из форм публикации научных трудов (т.е. обнародованной работой, выставленной на всеобщее обозрение). Картина, создаваемая в результате синтеза науки и искусства, является специфически музейным образом, музейным произведением [1, с. 4]. При этом существуют определенные правила выставочной деятельности. Так, говоря о методике создания выставок, большинство авторов выделяют три основных принципа построения экспозиции:

1. Принцип научности. Основой создания музейной экспозиции является научная концепция. Она формулирует цели создания экспозиции, научное значение, интерес экспозиции для посетителей, описание (словесное) экспозиции и размеров необходимых площадей, описание музейных предметов из собственного собрания или возможных заимствований из других музеев, необходимые затраты, потенциальные источники финансирования и поддержки, примерные сроки создания экспозиции.

2. Принцип предметности. Музейный предмет (экспонат) – это основа уникальности каждой экспозиции. Именно от подбора музейных предметов зависит когнитивная ценность экспозиции, а также ее эмоциональная направленность. Такой экспозиционный показ обеспечивает посетителям возможность непосредственного ознакомления с музейными предметами [4, с. 198].

Музейный предмет в экспозиции предстает в двух аспектах:

- Он является доказательством, удостоверением исторического факта, содействующим пониманию исторической ситуации – рассматривая экспонаты посетитель получает новые знания, либо подтверждает имеющиеся.
- Через музейный предмет человек соприкасается с прошлым, либо событиями современности. Это вызывает особые чувства, переживания, эмоции, связанные с восприятием подлинных достоверных предметов.

В отечественном музееведении традиционно выделяют следующие основные методы экспонирования: коллекционный (систематический), ансамблевый (в естественнонаучных музеях ему соответствует ландшафтный метод), иллюстративный (иллюстративно-тематический), музейно-образный.

3. Принцип построения экспозиции как средства массовой коммуникации означает доходчивость и универсальность, т.е. учет восприятия различных групп посетителей [1, с. 8; 4, с. 198]. Значительную помощь в этом оказывает многоплановость подачи экспозиционных материалов. На первый план выдвигаются ведущие экспонаты, остальные как бы

«приглушаются», отводятся на второй план и даже в «скрытый» план, помещаются в горизонтальную витрину, турникет, альбом, на выдвижной щит и т.п.

Музейная экспозиция органически соединяет научную достоверность содержания с яркой зрелищностью показа. Главными действующими лицами в «музейном спектакле» выступают музейные предметы, поэтому задачей автора является усиление смысловых, эмоциональных и эстетических акцентов экспозиции.

Традиционные методы экспонирования объективно стремятся объединить экспозицию в нечто целое – коллекцию, интерьер, иллюстративный комплекс, музейный образ и т.п. Этого требуют не только законы экспонирования в определенном пространстве, но и законы восприятия музейной экспозиции как объекта познания, нуждающегося в условных границах, в последовательности освоения. Это позволяет музеологу Т.П. Полякову говорить о новом – художественно-мифологическом методе проектирования музейных экспозиций – который стремится к созданию полноценного музейного произведения искусства [1, с. 10].

Принципиальной основой данного метода является отношение к музейной экспозиции как к новому виду искусства, а к музейному предмету – как к основе языка этого искусства. Развивая идею витрины-образа и «музейного натюрморта», т.е. разрабатывая концепцию музейной инсталляции, сторонники художественно-мифологического подхода сохраняют музейную специфику нового метода экспонирования. Построенная при помощи такого метода музейная экспозиция воспринимается как художественно-мифологическая модель (картина) определенного исторического процесса (явления, события), призванная отразить его символическую суть, используя специфические музейные средства и жанровые формы (в качестве примера автор приводит экспозицию Государственного музея В.В. Маяковского в Москве, 1989 г.) [1, с. 11].

Выставка, посвященная истории и деятельности предприятия, так же призвана не только знакомить посетителя с сухими фактами из истории завода, но, прежде всего, создавать целостный образ предприятия, подчеркивая его уникальность.

Единственным музеем, имеющим специализированную экспозицию, посвященную виноделию в Севастопольском регионе, является музей ЗАО им. С. Перовской. Однако спецификой этого музея является то, что основной акцент сделан именно на биографии С. Перовской; большая часть экспозиции носит мемориальный характер и посвящена семье Перовских. Хотя несколько помещений все же отведены для освещения деятельности и истории совхоза-завода и содержат интересные экспонаты – от подлинных документов сотрудников до макетов виноградного куста и продукции предприятия. Следует отметить, что посещение данного музея и общение с его сотрудниками оказалось весьма полезным – в качестве примера музея предприятия изучаемой отрасли и для понимания принципов и специфики создания экспозиции по истории производства в целом.

К сожалению, методика создания заводских и фабричных музеев слабо исследована в литературе, абсолютное большинство публикаций (из тех немногих, что имеются) относятся к советскому периоду, а следовательно содержат четкую идеологическую концепцию, акцентирующую руководящую роль партии, предлагающую специфическую хронологию, особо выделяющую Октябрьскую революцию и т.д. Однако, на основе подобных методических указаний В.Г. Шавшина все-таки можно составить общую картину и концептуально выделить то, что должно находить отражение в экспозиции по истории промышленного предприятия (фабрики, завода) [2; 3; 5; 6].

Итак, для заводского (фабричного) музея применима следующая тематическая структура, которая может изменяться в зависимости от времени основания и характера предприятия:

1. История создания предприятия.
2. Основатели завода (история семьи, династии).
3. Деятельность предприятия до революции.
4. Довоенный период (до 1941 г.).
5. Предприятие во время Великой Отечественной войны. Участие сотрудников завода в боевых действиях.

6. Послевоенное восстановление предприятия.
7. Деятельность завода фабрики в советский период.
8. Экономические связи предприятия внутри страны и за рубежом.
9. Сотрудники, ветераны завода (фабрики) и трудовые династии.
10. Продукция, производимая предприятием. Типичные образцы, сувенирная продукция, реклама.
11. Технологический процесс.
12. Предприятие на современном этапе. Перспективы его развития.

Говоря об истории Севастопольского винодельческого завода, можно выделить следующие периоды:

1) 1938-1941 гг. Довоенный период деятельности экспериментального цеха шампанских вин Инкерманского завода.

2) 1941-1942 гг. Оборона Севастополя. Деятельность Спецкомбината №2 в штольнях Инкерманского завода. В 1941 г. сотрудники завода принимали активное участие в обороне города от немецко-фашистских захватчиков. Директор завода К.Т. Сегедин-Пидворко возглавил бахчисарайский партизанский отряд. В 1942 г. он был тяжело ранен и вместе мастером-ремюром Т. Семеновной попал в руки врага. Оба винодела погибли в лагере для военнопленных. В рядах партизан сражались энтузиасты-виноделы Инкермана: В. Лилеев, Р. Айрапетян, Л. Прахова, П. Шульженко, И. Ярьсько. В это время в подвалах завода был расположен полевой госпиталь, хлебозавод, оружейные и швейные мастерские, школа, детсад и ясли. Кроме того, здесь укрывались от вражеских бомбежек тысячи севастопольцев. Штольни завода, где некогда производился напиток праздника – шампанское, теперь превратились в убежище для раненных бойцов. Даже само вино в те дни служило защитникам Севастополя. Его отпускали в воинские подразделения, ведущие бои на подступах к городу. Случалось и так, что сухое шампанское при отсутствии медикаментов применяли для промывания ран. На вине замешивали тесто на хлебозаводе, на шампанском готовили пищу и давали детям в прокипяченном виде, когда не стало воды. Трагично завершилась военная страница в истории завода: в конце обороны Севастополя подземные цеха были взорваны.

3) 1960-1969 гг. Возрождение завода на новом месте. Севастопольский винзавод винкомбината «Золотая балка», специализирующийся на розливе тихих вин и производстве шампанского. Освоение акратофорного способа производства шампанского. Возрождение в 1960 г. согласно Постановлению ЦК КПУ и Совмина УССР №469 от 30.03.1960 г. В 1963 г. к заводу были присоединены дополнительные штольни, построенные под хлебозавод на случай атомной войны, которые стали ненужными для военных целей после Карибского кризиса. Первая продукция возрожденного завода – "Севастопольское игристое" в количестве 12319 бут. была выпущена в 1963 году. К 1969 г. освоена проектная мощность.

4) 1969-1990 гг. Период устойчивого развития. В 1983 г. достигнута максимальная производственная мощность. Отказ от классической бутылочной технологии производства шампанского.

5) 1991-1996 гг. Кризис завода в связи с распадом СССР: проблемы с поставщиками, закупками сырья, кризис неплатежей, стагнация производства.

6) 1997-2009 гг. Современный этап в истории севастопольского винодельческого завода. В 1997 г. – отказ от розлива тихих вин, завод полностью переходит на производство шампанских вин акратофорным способом и успешно развивается в этом направлении. Современное предприятие "Севастопольский винодельческий завод" состоит из двух цехов по производству шампанского и игристых вин, разделенных территориально и работающих в автономном режиме. Каждый из цехов располагает винохранилищем, размещенным в подземных выработках (в штольнях) с относительно низкой постоянной температурой и влажностью. Общая вместимость винохранилища 320 тыс. дал единовременного хранения. Вся тара – эмалированные цистерны емкостью 1,0-2,4 тыс. дал. Шампанизация проводится в 20 резервуарах (акратофорах) общей вместимостью 29,5 тыс. декалитров. Игристые вина севастопольского винзавода отличающиеся высоким качеством, тонким букетом и богатым вкусом получили международное признание, о чем свидетельствуют награды международных кон-

курсов: 3 кубка Гран - При, 43 золотых медалей, 24 серебряных медалей, 2 бронзовых медали. В 2001 г. в Женеве заводу присужден Золотой Кубок "За достижения европейского качества, мастерство маркетинга".

Данная периодизация позволяет проследить через судьбу отдельного предприятия – Севастопольского винзвода – глобальные исторические процессы, происходившие в стране. Учитывая тот факт, что для СССР традиционно приоритетным направлением промышленности было производство средств производства, тяжелая индустрия, в то время как производству товаров народного потребления уделялось наименьшее внимание (шампанское, напиток праздника, служит здесь ярким примером), можно по-иному взглянуть на даты основания и возрождения завода.

Постановлением "О развитии виноградарства и виноделия "Массандры" и шампанского производства" было отмечено окончание индустриализации, когда государство наконец-то смогло обратиться к развитию легкой и пищевой промышленности. Аналогично можно объяснить и пятнадцатилетний временной разрыв в послевоенном возрождении предприятия. Фактически создание завода на ул. Портовой ознаменовало окончание послевоенного восстановления промышленности.

Печально известная антиалкогольная кампания 1980-х гг., причинившая большой ущерб отрасли в целом, не оказала сколь-нибудь значительного влияния на работу Севастопольского винодельческого завода, и не привела к сокращению объемов производства или изменению ассортимента продукции.

В то же время распад Советского государства и переход к рыночной экономике стали причиной кризиса, связанного с отсутствием собственной сырьевой базы, трудностями в поиске поставщиков, жесткой ценовой конкуренцией с бывшими совхозами-заводами первичного виноделия. Именно в эти годы в поисках альтернативных источников дохода заводу приходится переходить на выпуск безалкогольной продукции, происходят значительные изменения в ассортименте и системе сбыта. Итогом стал полный отказ от розлива тихих вин и специализация завода на производстве исключительно шампанского, которая остается до сих пор.

Отдельное внимание в экспозиции по истории Севастопольского винодельческого завода можно уделить ветеранам и сотрудникам предприятия, а также технологическому процессу.

В.Г. Шавшин выделяет следующие этапы работы над построением экспозиции

1. Разработка тематической структуры. Составление тематического плана.
2. Отбор музейных предметов для экспозиции.
3. Составление тематико-экспозиционного плана.
4. Подготовка научно-вспомогательного материала.
5. Оформление экспозиции [4, с. 25; 6, с. 4].

При составлении тематической структуры авторы методических указаний рекомендуют обращаться за консультацией к сотрудникам государственных музеев [6, с. 4].

В начале тематической структуры помещается пояснительная записка, в которой указываются:

- хронологические рамки экспозиции;
- основные экспозиционные темы и разделы;
- экспозиционная площадь;

В пояснительной записке даётся обоснование создания экспозиции, здесь же раскрываются цель и задачи экспозиции, указываются основные экспозиционные темы и разделы, порядок осмотра экспозиции, излагаются основные исторические события, происходившие в данный хронологический отрезок времени на предприятии, в учреждении и т.д. При разработке структуры следует учитывать соотношение частей экспозиции.

В практической деятельности музеев существуют два принципа построения тематических экспозиций:

1. Хронологический
2. Проблемно-хронологический.

Проблемно-хронологический показ позволяет глубоко и ярко раскрывать важнейшие исторические процессы, события и явления, усилить эмоциональное воздействие экспозиции на посетителей.

Тематический план в лаконичной форме раскрывает содержание экспозиции, определяет её идейный замысел в соответствии с тематической структурой и одновременно является планом для продолжения поисковой (собирательской) работы.

При составлении плана необходимо продумать маршрут будущей экскурсии применительно к помещению (традиционно маршрут рассматривается по часовой стрелке)

В тематическом плане уточняется и делается более подробным первоначальное содержание основных разделов экспозиции, определяется состав тем, некоторых подтем и экспозиционных комплексов.

Таким образом, тематический план состоит из уточнённой тематической структуры с формулировками всех её частей и примерного перечня имеющихся памятников (или комплексов), а также тех предметов, которые необходимо найти или выполнить для экспозиции (модели, муляжи).

Примерная форма тематического плана представлена в методических указаниях Национального музея обороны и освобождения Севастополя, а так же в работе Т.В. Галкиной [6, с. 48; 1, с. 23].

В ходе работы над составлением тематического плана происходит отбор экспозиционного материала. Эта работа является важнейшей частью научной подготовки экспозиции.

В первую очередь следует подобрать материалы, которые имеют непосредственное отношение к теме, определить, о чем они свидетельствуют, дают ли представление об основных сторонах тех событий или явлений, которые намечается отразить в экспозиции.

Экспонат может быть отобран для экспозиции лишь тогда, когда известна его история (легенда). Главное в отбираемых экспонатах – их подлинность. В случае невозможности показать этот или иной подлинный экспонат (из-за сохранности, размеров и т.д.) – делается фотокопия, муляж. В аннотации к этому экспонату желательно сказать, где находится подлинник [2; 5].

Что касается методов поиска и источников комплектования выставки – они могут быть различны. Безусловно, первым и важнейшим источником для поиска будущих экспонатов являются собрания городских и краеведческих музеев. Так, работа в секторе учета Национального Музея Героической Обороны и Освобождения Севастополя позволила не только сформировать основной каркас экспозиции по истории Севастопольского Винодельческого завода, подобрать массу интереснейших материалов, но и в целом понять, что уже доступно для исследователя, а что еще предстоит найти. Однако в работе с картотечной фондов музея, как и в архивных исследованиях, следует учитывать, что в связи с многократным изменением ведомственного подчинения предприятия, материалы по нему могут находиться в смежных фондах – более крупных объединениях, или даже других предприятий данной отрасли.

Так, экспонаты по истории Севастопольского Винодельческого завода находились в следующих разделах картотеки сектора учета НМГООС: 43. Сельское хозяйство. Общие вопросы. «Золотая балка»; Легкая и пищевая промышленность. Виноделие. Инкерманский завод марочных вин. Материалы по периоду Героической обороны Севастополя выделены отдельно и находятся в секторе: Оборона Севастополя 1941-42 г. Промышленность и с/х в условиях обороны. Спецкомбинат №2. Также полезен поиск по алфавитному каталогу – по фамилиям сотрудников предприятия.

Кроме музейных фондов источником формирования экспонатов могут служить личные коллекции и материалы сотрудников и ветеранов предприятия. В частности, В.П. Карелова в беседе рассказывала, что большинство материалов по истории завода было утрачено в сложный для предприятия период 90х гг. Например – книга отзывов, которую вели сотрудники, и коллекция этикеток, собранная лично Валентиной Петровной. Однако кое-что все же удалось сохранить: в кабинете В.П. Кареловой находятся образцы продукции разных лет, некоторые представительские материалы, в личном архиве – множество фотографий. Некоторые из них смогут занять достойное место в экспозиции по истории музея. Поиск документов, копии ко-

торых могут быть помещены в экспозиционный пояс, следует искать в архивных фондах исследуемого завода, и вышестоящих инстанций; кроме того полезно посещение музеев данной проблематики (в нашем случае музея ЗАО им. С. Перовской).

По завершении поисковой работы, когда исследователь уже имеет перед собой четкую концепцию экспозиции и круг материалов, с которым предстоит дальнейшая работа, можно приступать к созданию тематико-экспозиционного плана.

Таким образом, раскрытие главной проблемы экспозиции – истории Севастопольского винодельческого завода позволит посредством отобранных экспонатов решить следующие задачи:

- показать процесс становления и развития шампанского виноделия в севастопольском регионе;
- рассказать о выдающихся мастерах-виноделах, сотрудниках завода;
- продемонстрировать уникальную продукцию севастопольского винодельческого завода и процесс ее производства.

Источники и литература.

1. Галкина Т.В. Музееведение: основы создания экспозиции. Уч.-метод. пособие для студентов исторических факультетов вузов по специализации «Историческое краеведение и музееведение». Томск, 2004. 56 с.
2. Методические рекомендации «Оформление научно-фондовой документации и хранение музейных предметов в музеях на общественных началах». Севастополь, 1990. 49 с.
3. Методические рекомендации по созданию и деятельности общественных музеев. Под ред. Шавшина В.Г., Павшенко Н.С., Кравцова О.В. Севастополь, 1990. 43 с.
4. Музейная экспозиция. Теория и практика. Искусство экспозиции. Новые сценарии и концепции. На путях музея XXI века. Сборник научных трудов. М., 1997. 216 с.
5. Шавшин В.Г. Методические рекомендации «Аннотации в экспозициях музеев». Севастополь, 1980. 22 с.
6. Шавшин В.Г. Экспозиционная работа в музеях на общественных началах. Севастополь, 1980. 25 с.

ДЕЙСТВИЯ АВИАЦИИ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РАЙОНА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ КРЫМСКИХ ПАРТИЗАН В 1942 ГОДУ

ТКАЧЕНКО С.Н.

газета «Крымская правда»

Актуальность данной статьи обусловлена потребностью фундаментальной разработки исторических аспектов организации и развития авиационного обеспечения партизанского движения в Крыму в 1942-1944 гг. с помощью авиационных частей и подразделений различной подчиненности. Одной из сторон данной проблематики является освещение деятельности воинских частей, дислоцировавшихся в Севастопольском оборонительном районе (СОР).

Целью статьи является создание комплексной, целостной и научной картины взаимодействия авиачастей СОР с крымскими партизанами. Новизна данной статьи состоит в первую очередь, в постановке самой проблематики и решении конкретных исследовательских задач, касающихся деятельности авиачастей по обеспечению партизанского движения в Крыму. Представленная работа основана главным образом на крымских материалах, которые находятся в различных местных учреждениях (государственный и ведомственные архивы, фонды музеев и комнат боевой славы воинских частей, библиотеки, редакции газет). Документы по теме исследования, хранящиеся за пределами Крыма, приводятся по опубликованным изданиям; исследование архивов армейской подчиненности будет проводиться в дальнейшем.

Как известно, Севастопольский оборонительный район был образован 4 ноября 1941 г. [29, с. 509-510]. В его состав входили и авиационные части ВВС Черноморского Флота (ЧФ), и отдельные авиачасти ВВС РККА (истребительные полки). Все силы были практически сведены в т.н. авиагруппу из 51 колесного и 31 гидросамолета для поддержки и прикрытия с воздуха войск СОР. Для содействия нашим войскам в Крыму использовали фронтовую и морскую авиацию с кавказских аэродромов [16, с. 441-442].

Роль штаба выполняла находившаяся в Севастополе рабочая группа штаба ВВС ЧФ, действиями которой руководил сам командующий ВВС ЧФ генерал-майор авиации Н.А. Остряков (до 24.04.1942 г., погиб при налете немецкой авиации), военный комиссар ВВС флота бригадный комиссар М.Г. Степаненко. В начале 1942 г. на аэродром Херсонес перебазировался и сам штаб, который находился до того в Севастополе с начала февраля до последних чисел мая 1942 г. Получая задачи от штаба, Военный совет Приморской армии и СОР, штабные операторы ежедневно планировали боевые действия на следующий день, указывая, какое количество вылетов должно производиться для решения каждой конкретной задачи. Количество эскадрилий в авиагруппе с конца декабря 1941 г. до начала мая 1942 г. оставалось неизменным [30, с. 223].

Севастопольская авиагруппа по-прежнему делилась на сухопутную и морскую группы [13, с. 17]. Органом управления сухопутной группы являлся штаб 8-го истребительного авиаполка (иап) ВВС ЧФ (командир – подполковник К.И. Юмашев; с 3 апреля преобразован в 6-й гвардейский иап). Именно он отвечал за распределение полетов между летчиками и за боеготовность самолетов части. Полк состоял из 1-й эскадрильи на Як-1 (ст. лейтенант М.В. Авдеев), 2-й на И-153 (капитан П.С. Пономарев) и 3-й на И-16 (капитаны К.Д. Денисов, затем А.И. Коробицын), кроме того, в непосредственном подчинении Юмашева находились 2-я эскадрилья 7-го иап на МиГ-3 (майор Д. Кудымов) и 3-я эскадрилья 3-го иап на И-15бис (капитан Ф. Кожевников).

Этому же штабу подчинялся 18-й штурмовой авиаполк (шап) (командир полковник А.М. Морозов; фактически полк состоял из одной 2-й эскадрильи, которой командовал майор А.А. Губрий) и бомбардировочная авиагруппа (БАГ) майора И.И. Морковкина. Последняя

была создана еще 6 декабря 1941 г. в составе трех ДБ-3 2-го морского торпедного авиаполка (мтап) (с 3 апреля 1942 г. – 5-го гвардейского мтап) и десяти Пе-2 из 5-й эскадрильи 40-го бомбардировочного авиаполка (бап). К началу февраля в ее составе числилось два ДБ-3 и восемь Пе-2, подавляющее большинство которых неоднократно ремонтировались.

Современные истребители, штурмовики и бомбардировщики базировались на аэродроме Херсонесский маяк, который к этому времени был значительно расширен и оборудован укрытиями, так называемыми капонирами. Истребители старых типов базировались на аэродроме Куликово поле на юго-восточной окраине города. Одновременно велось строительство третьего аэродрома – Юхарина балка (между западной окраиной города и мысом Херсонес), однако оно завершилось только к 25 мая [29, с. 276].

Гидроавиацию возглавлял штаб существовавшей еще с довоенного времени Особой авиационной группы ВВС ЧФ (командир – майор И.Г. Нехаев, военком полковой комиссар И.А. Водянов). В ее состав входили гидросамолеты 16, 45 и 60-й морских разведывательных эскадрилий на летающих лодках МБР и 80-я дальняя разведывательная эскадрилья на ГСТ. Ни одна из этих эскадрилий не базировалась в Севастополе полностью, поскольку из-за недостаточных возможностей здешних авиаремонтных мастерских и постоянных обстрелов гидроаэродромов для ремонта им часто приходилось перелетать в порты Кавказа. 27 января вышел приказ наркома ВМФ, которым Особая авиагруппа, а также 16 и 45-я эскадрильи расформировывались, а на их базе был создан 116-й морской разведывательный авиаполк (мрап) (командир майор И.Г. Нехаев). Кроме того, все части гидроавиации ВВС ЧФ были сведены во 2-ю морскую авиабригаду, командиром которой назначался Герой Советского Союза полковник В.И. Раков [31, с. 121]. Эти мероприятия были завершены к 22 февраля. И частично штаб бригады, и 116-й мрап в полном составе базировались в бухте Матюшенко на северном берегу Северной бухты [30, с. 223-224].

Общая численность Севастопольской авиагруппы в рассматриваемый период находилась примерно на одном и том же уровне – 90-100 самолетов, из них 70-80 исправных [30, с. 225; 13, с. 129]. Производимое ежедневно количество вылетов зависело от погодных условий и уровня подготовки пилотов. В летный день группа могла производить до 100-130 вылетов, причем до половины из них для ударов по войскам и аэродромам противника. Правда, их эффективность не стоит переоценивать – примерно 2/3 от указанного числа вылетов производились МБР-2 и ДБ-3 в ночное время, когда точность бомбардировки не могла быть высокой. Остальные вылеты производились истребителями: большая часть на прикрытие порта и меньшая – для сопровождения ударных самолетов, в первую очередь штурмовиков. Полетов истребителей на «свободную охоту» в район вражеских аэродромов не производилось вовсе, практически не было и случаев продолжительного преследования немецких бомбардировщиков, перехваченных над городом. Тактика действий различных родов авиации ВМФ, в т.ч. и на ЧФ подробно рассмотрена [20, с. 170-171]. Все это, а также наличие стационарных аэродромов (Саки, Сарабуз, Симферополь) позволяло немцам без серьезных потерь выполнять стоявшие перед ними задачи и постепенно наращивать состав своей авиационной группировки [1, с. 83].

К исходу первой декады мая сокращение количества боеготовых истребителей новых типов и потери в 116-м мрап (который, в отличие от своих сухопутных коллег, не имел возможности сильно рассредоточивать и надежно маскировать свои летающие лодки), заставило нового командующего ВВС ЧФ генерал-майора авиации В.В. Ермаченкова принять срочные меры по усилению авиагруппы. Первой такой мерой стала переброска на аэродром Куликово поле 23-го отдельного штурмового авиаполка.

Эта часть была сформирована в резерве авиации ВМФ в период с ноября 1941 г. по апрель 1942 г. на самолетах У-2б и УТ-1б и фактически являлась не штурмовой, а ночной бомбардировочной. Переоборудование самолетов в боевые заключалось в установке на У-2 двух пулеметов ШКАС и четырех балок, под которые можно было подвешивать легкие осколочные бомбы. УТ-1 также оснастили двумя ШКАСами и направляющими для реактивных снарядов РС-82 [4, с. 174]. К 4 мая полк сосредоточился на аэродроме Витязевская на Таманском полуострове и приготовился к перебазированию под Севастополь. Удался

перелёт эскадрильи УТ-16, восемь У-2 были либо сбиты противником, либо пропали без вести, а перелет остальных У-2 задержался до 24-29 мая [30, с. 247].

Кроме усиления севастопольской авиагруппы самолетами, руководство Рабоче-крестьянского Красного флота (РККФ) СССР решило усовершенствовать ее и организационную структуру. 9 мая появился приказ наркома РККФ, которым предписывалось командующему и штабу ВВС передислоцироваться на Кавказ, в то время как для руководства севастопольской авиагруппой – теперь она именовалась 3-й особой авиагруппой ВВС ВМФ – создавался специальный штаб на базе штаба расформированной 2-й морской авиабригады [13, с. 130]. Командиром авиагруппы назначался бывший командир 62-й истребительной авиабригады ВВС ЧФ полковник ГГ. Дзюба, его заместителем – бывший командир 2-й мабр полковник В.И. Раков [30, с. 248].

На практике никаких особых изменений к лучшему не произошло. Штаб и командующий ВВС ЧФ оставались в Севастополе, поскольку здесь находился командующий флотом. Тем временем на Кавказе явно не хватало возможностей для эффективного руководства действиями авиации, и это в тот момент, когда она все еще могла оказать действенную поддержку защитникам Севастополя. В литературе указывается и на определенную заорганизованность, лишние управленческие звенья [31, с. 139-140]. Именно такой была обстановка к 20-м числам мая, когда немецкое командование начало непосредственную авиационную подготовку к третьему штурму. Именно таким оставался состав и организационная структура авиации СОР во время взаимодействия ее частей и подразделений с партизанами Крыма.

Боевую деятельность летных частей обеспечивали 12-я и 20-я авиационные базы, 10-й отдельный автотранспортный батальон, 202-й отдельный батальон связи, стационарные авиационные мастерские, 18-й головной склад. Кроме летных и обеспечивающих частей, в обороне Севастополя участвовали 215-й отдельный воздухоплавательный дивизион, сводный стрелковый батальон и парашютно-десантная группа [14, с. 18].

С точки зрения организации снабжения партизан считаем необходимым обратить внимание на численный состав авиатехники, приспособленной для специальных заданий. Если сбрасывания грузов могли осуществляться, в принципе, любым бомбардировщиком или гидросамолетом, изначально снабженными балочными держателями с унифицированными замками, под которые подвешивались и бомбы, и грузовые парашюты, то для посадочного способа снабжения на маленьких площадках в горном лесу требовались легкомоторные самолеты, с хорошими взлетно-посадочными качествами – разведывательные или учебно-тренировочные. Так и получилось – в дальнейшем использовались для сбросок бомбардировщики СБ, гидросамолеты ГСТ и МБР-2, и учебно-тренировочные УТ-16 с балками; а для посадок – У-2 и его учебно-тренировочный (УТ-2) и санитарный варианты (С-2). По количеству таких самолетов в СОР на конец апреля насчитывалось: СБ - 3; ГСТ - 3 и МБР-2 – 24, из них два неисправных; У-2 всех модификаций – не учитывались [30, с. 225]. На конец мая численность составляла: СБ – 2; ГСТ – нет и МБР-2 – 13, из них 7 неисправных; У-26 – 11, из них 3 неисправных; УТ-16 – 6, из них 5 неисправных, к концу июня количество самолетов еще более уменьшилось – 2 СБ (1 – неисправен); ГСТ – нет и МБР-2 – 1; У-26 – 10, 6 из них неисправны, 4 УТ-16, из которых 3 неисправны [30, с. 323].

Партизанские силы в местах применения авиации СОР составляли до начала апреля 1942 г. три партизанских района: 3-й, 4-й и 5-й (к моменту массовых сбросок и посадок ликвидированный). Структура и организация отрядов, изначально входившие в них, представлены в нескольких работах [26, с. 24-26, 32-33, 143-147; 17, с. 258-259]. Но за период с ноября по март многое изменилось. Отряды 5-го партизанского района потеряли зимой 1941-42 гг. значительное количество личного состава и в марте 1942 г. передислоцировались в расположение 4-го района. Командование Штаба главного руководства (ШГР, главный орган руководства партизанскими отрядами в Крыму до октября 1942 г.) 19.03.1942 г. штаб 5-го района ликвидировало, а его отряды – Акмечетский, Балаклавский и Севастопольский влили в 4-й район, во главе которого стали: начальник района И.З. Вергасов, комиссар района З.Ф. Амелинов, начальник штаба А.П. Щетинин [36, л. 54]. Численность партизан после всех внутренних объединений и слияний (Ялтинский

отряд с Акшеихским, Севастопольский с Балаклавским) в масштабах 4-го района и остальных отрядов района (Акмечетского, Бахчисарайского, 5-й Красноармейского и группы штаба района) насчитывала всего 395 человек. При этом 09.03.1942 г. согласно приказа ШГР №35 в связи со значительными потерями объединялся Ялтинский и Акмечетский отряды, именуясь дальше Ялтинским объединенным [36, л. 55].

К концу апреля 3-й партизанский район (начальник Северский Г.Л., комиссар В.И. Никаноров, начштаба Ф.С. Селезнёв) объединял пять отрядов: 1-й, 2-й, 3-й Симферопольские, Алуштинский и Евпаторийский насчитывал около 1100 человек, при этом до 50% личного состава обеих районов были небоеспособны на почве голодного истощения. 4-й район снова подвергся оргмероприятиям – Ялтинский объединённый отряд сливался с 5-м Красноармейским, всего в районе уже было четыре отряда (Ялтинский, Бахчисарайский, Акмечетский и Севастопольский); а 02.07.1942 г. был ликвидирован и 4-й партизанский район – отряды вливались в 3-й район [36, л. 56]. Все отряды 3-го объединенного района были сосредоточены в границах Алуштинского государственного заповедника. Естественно, эти слияния происходили из-за уменьшения количества партизан. И главной причиной тут был голод и дезертирство, боевые потери. *«С марта партизаны боевых операций в основном не проводили, за исключением отдельных небольших стычек. Всё внимание партизан было направленным – любыми средствами достать продовольствие»*, - отмечено в отчёте Крымского штаба партизанского движения о действиях партизан в Крыму за период ноябрь 1941г. – апрель 1944г. [36, л. 136]. И если, как будет видно из последующего текста, после первой сброски 07.03.1942 г. в 5-м районе положение с продовольствием несколько наладилось, то в 3-м и 4-м районах к марту оно стало критическим, *«вопрос продовольственного обеспечения в 3-м и 4-м районах перерос в катастрофу, на почве голода 90% партизан выбыло из строя, ежедневно 4-5 человек умирают»* [36, л. 138]. Количество всех партизан на начало апреля в названных районах (уже с объединённым 5-м) составляло 1607 человек и постоянно уменьшалось от голодных смертей [36, л. 139]. До 15 апреля в объединённом районе от голодного истощения умерли 362 бойца; при этом в боевых столкновениях погибло 417 человек [38, л. 78-79].

07.04.1942 г. штабом 3-го партизанского района было отобрано 25 партизан, сохранивших силы, для поисков сброшенных грузов, а через два дня в урочище Аспорт были найдены разбитые грузы в 100 кг пшено-концентрата и 100 кг сухарей [36, л. 142], видимо от сбросок в марте для спецгрупп разведки. А с 10 апреля сброски продовольствия стали более регулярными и удачными, о чем будет подробнее рассказано ниже. Важно также отметить, что штаб 3-го района с января находился в урочище Нижний Апалах, то есть недалеко от первой посадочной площадки, куда совершил посадку самолёт У-2 в апреле 1942-го [36, л. 88].

Решение на взаимодействие с юго-западной группировкой партизан принимали, по данным мемуарной литературы [22, с. 76], командующий ЧФ и СОР вице-адмирал Ф.С. Октябрьский и член Военного совета дивизионный комиссар И.И. Азаров. По их приказанию штаб ВВС ЧФ издал соответствующее распоряжение. Непосредственно за подготовку и переброску грузов партизанам отвечал мастер парашютного спорта капитан М.И. Соломашенко. 11.05.1942 г. адмирал Октябрьский сообщил радиogramмой Г.Л. Северскому, начальнику 3-го района, что приняты меры по обеспечению партизан продовольствием посредством авиации [36, л. 143].

Надо отметить, что с 21.04.1942 г. СОР подчинялся главнокомандующему Северо-Кавказским направлением (в ту пору – маршал Советского Союза С.М. Будённый) который лично курировал вопросы управления и снабжения партизан Крыма, в частности обеспечение продовольствием, о чем есть архивные документы [36, л. 144].

Непосредственными формами взаимодействия авиации СОР и партизан 3-го и 4-го партизанских районов были сбрасывания (сброски) разнообразных грузов и посадки самолётов в районах урочища Апалах (Апполах, Яполах, более распространённое название – Бизоновая (или Зубробизоновая, Зубробизоны) площадка) и урочища Тарьер для решения насущных задач (перевозка грузов, специалистов в лес и эвакуация партизан и вывоз грузов из леса). Характеристики этих посадочных площадок приведены в архивных доку-

ментах Крымского штаба партизанского движения [37, л. 175; л. 176-178]. В архивных материалах крымских партизан отмечено, что для связи с Большой землёй партизанами были подобраны посадочные площадки, в частности в мае 1942-го в границах 3-го района была подобрана и расчищена новая площадка для легкомоторных самолётов 450 на 60 метров – Тарьер, координаты 52-95 [36, л. 112], ставшая основной.

Преимущественно осуществлялись сброски грузовых парашютов и некоторых грузов беспарашютным способом – по далеко не полным данным их было не менее двенадцати. Емкость сбрасываемых грузов ограничивалась грузоподъемностью применяемых самолётов, наличием в осаждённом городе грузовых парашютов (из архивных документов известно, что за грузовыми парашютами посылали специальный самолёт в Керчь [36, л. 110], есть такие сведения и в мемуарах [33, с. 129]); в частности первые сброски по воспоминаниям были по 4-8 грузопарашютов, или примерно по тонне груза с самолёта [22, с. 72; 34]. Применялись для парашютного сбрасывания в основном парашютно-десантные мягкие мешки ПДММ и грузовые парашюты ПГ-2К [22, с. 79-80]. Ассортимент грузов был определённым: продукты (мука, сухари, масло, концентраты каш, сушеное мясо, консервы мясные, рыбные и овощные, соль, спирт, а также спички и табак, папиросы), медикаменты, питание для радиостанций, боеприпасы, агитматериалы и почта (газеты, письма, записки). В июне 1942 г. в 3-й и 4-й район была произведена сброска большого количества обмундирования, что позволило обеспечить им значительную часть партизан этих районов [36, л. 146].

Начальную дату первой сброски, а в принципе – и всего периода снабжения крымских партизан авиацией авиагруппы СОР, назвать проблематично. Согласно воспоминаний летчиков, в частности Ш. Агегьяна [2], и статей, опубликованных в крымской прессе [28], первый полёт гидросамолёта ГСТ на сброс грузов состоялся в ночь на 23 февраля 1942 г. Однако ни в мемуарной литературе, ни в официальной хронике об этом дне упоминаний нет. Более того, указано, что *«один ГСТ выбросил на парашютах продовольствие партизанским отрядам в районе выс. 114,8 севернее Кикинеица»* ночью 6 марта [34]. Этот случай сброса связан с установлением связи с Севастополем И.Ф. Якуниным, который после тяжелого для бойцов Севастопольского отряда боя 1 декабря 1941 г. в урочище чайный домик с группой был отрезан карателями от отряда; в середине декабря потеряв нескольких бойцов убитыми, группа перешла линию фронта в районе с. Чоргунь. Однако в мемуарной литературе этот переход неточно приписывают группе лейтенанта Терлецкого [10, с. 231, 243-245]. Обстоятельства мартовской сброски в район Кикенеица (ныне – с. Оползневое Ялтинского горсовета [3, с. 74]), связаны с беспримерным «ледовым походом» в леса Крымского заповедника партизан Севастопольского, Акмечетского и Балаклавского отрядов. Кстати, высот в 114 метров в районе села нет, но есть высота 1114,9 м на западе Ай-Петринской яйлы (название – Толая-Кая), в 7-ми км к северу от Оползневого (карта М 1:100000, L-36-128 и [6]). В пяти километрах к северо-западу и есть урочище Чайный домик, о котором идёт речь в мемуарной литературе [11, с. 86; 25].

Вместе с тем, известно, что связь с Севастополем также установила партизанская группа под руководством капитана Г.П. Чухлина, посланная для этого из штаба 3-го района 19.03.1942 г., и пробравшаяся в расположение советских частей 01.04.1942 года [19, с. 90]. Об этом событии существует многочисленная мемуарная и исследовательская литература [15, с. 9-12; 24, с. 58-61; 33, с. 117-131]. В частности, также известно, что решение на оказание помощи партизанам было принято не позже 2 апреля, так как уже 03.04.1942 г. летчикам Ф.Ф. Герасимову и Н.Н. Сикову была поставлена задача на разведку партизанской посадочной площадки в заповеднике [15, с. 18-22]. В различной литературе указывается [15, с. 57-58; 22, с. 72], что первая сброска для 3-го партизанского района была осуществлена именно после прилёта и посадки на Бизонову площадку У-2 лейтенанта Ф. Герасимова с радистом И. Дмитриевым – вечером 10 апреля.

А вот с датой первого прилёта к партизанам 3-го и 4-го районов (5-й партизанский район был ликвидирован 19.03.1942 г. [19, с. 90]) разночтений нет – единодушно и в мемуарах партизан, и воспоминаниях лётчиков и в официальных изданиях представлена дата 10 апреля 1942 г., когда свой подвиг совершил гвардии лейтенант Филипп Филиппович

Герасимов, командир звена 3-й авиаэскадрильи 6-го гвардейского истребительного авиационного полка ВВС Черноморского флота (до апреля - 8-й истребительный авиационный полк). О его подвиге, за который Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1942 г. Герасимову присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 860) существует обширная историография, потому за недостатком здесь места отсылаем к такой литературе [5; 7, с. 93-107; 12; 13, с. 140-142; 15, с. 6-87; 21; 24, с. 62-66], а также к архивным документам [36, л. 109].

Ещё посадки на Тарьере (на небольшой Бизоновой площадке после поломки винта при пробеге и аварии при попытке взлёта Ф.Ф. Герасимова больше никто не приземлялся [15, с. 88]) осуществляли лётчик звена связи управления ВВС ЧФ Фёдор Петрович Мордовец на самолёте С-2 (иногда указывают на У-2, но это его внешне похожий санитарный вариант [35, с. 297-298]), и лётчики 9-й отдельной авиационной эскадрильи ГВФ, приданной ЧФ, Владимир Захарович Битюцкий и Александр Михайлович Романов – на У-2 соответственно. Сколько было посадок – проблематично назвать точное число, по некоторым данным только Мордовец совершил их пятнадцать [22, с. 99]. Судя по найденным публикациям [9; 34] всего было до десяти-двенадцати посадок, о чём есть отметки за 2 мая (видимо идёт речь об апрельском полёте Ф.Ф.Герасимова, и о вылетах его и Н. Сикова на И-16 для рекогносцировки и фотографирования посадочной площадки 07.04 и 08.04.1942 г.), и за 30 июня – идёт речь о доставке ночью тремя У-2 продовольствия партизанам. Кроме того, пока невыяснены еще два эпизода – о доставке двумя самолётами неустановленных типов продовольствия 26 июня, и запись за 31 мая (итоговая, по всему, но за месяц или за период – неясно), где идёт речь о 107 выполненных вылетах, из которых 5 – для доставки продовольствия. Интересно, в архивных материалах крымских партизан отмечено, что 17, 18, 24 и 30 мая из Севастополя прилетали У-2, садились на Тарьере в расположении 3-го района, доставляли продовольствие, а обратными рейсами вывозили раненых и больных [36, л. 143]. В мемуарах указывается и ещё числа прилётов – в ночь на 27.06, 29.06 и днём 29.06, прилетал Ф. Мордовец [33, с. 147-150]. Кстати, Ф. Мордовец с техником и медсестрой прилетал в лес уже в последние дни перелёта оставшейся части авиации на Большую землю.

Больше о доставках в Хронике [34] данных не имеется, хотя в ней же оговариваются вылеты на сброску грузов партизанам. То есть в сводках как-то дифференцируются сброски и доставки, предположительно, можно говорить о разных способах снабжения – сбрасывания грузовых парашютов и посадочном способе соответственно. Всего, по подсчётам автора, было осуществлено более девяти сбрасываний: 6 – гидросамолётами ГСТ, 2 – самолётами СБ и одна – с УТ-2. Произведено это было 20.04, 21.04, 22.04, 06.05 (ГСТ), 12.05 (СБ), 07.05 (УТ-2); о сброске неустановленными типами идёт речь в сводке и за 13.05. и 24.05.1942 года.

При этом обращается внимание на невыполнение полётных заданий двумя У-2 под прикрытием двух И-16 (22.05), и трёх УТ-2 (6 и 10 мая). Все случаи возвратов произошли из-за сложных метеорологических условий в горах Крымского заповедника – в районах дислокации партизанских отрядов 3-го и 4-го районов. Имеются указания в воспоминаниях авиаторов, что сброски осуществляли также гидросамолёты МБР-2 [13, с. 141], но каких либо архивных данных об этом пока не обнаружено.

По конкретным фамилиям лётчиков, проводившим сбрасывания в крымский лес грузов, достоверно известны фамилии командиров экипажей только гидросамолётов ГСТ – капитан Ш. Агегьян, старшие лейтенанты Ковалёв и Павлов; в мемуарах партизан и воспоминаниях лётчиков упоминается также второй пилот в экипаже Агегьяна М. Мешеряков и штурман И. Волков [22, с. 79-80; 2].

Сколько всего было самолётовывлетов к партизанам Крыма из СОР, точно определить не представляется возможным. По имеющимся данным [30, с. 447], всего в период третьего штурма с 25.05 по 01.07.1942 г. бомбардировочная авиация 3-й особой авиагруппы выполнила 10 самолётовывлетов по т.н. «прочим заданиям», а ночная бомбардировочная авиация, к которой относились самолёты типа У-2 и УТ-2, УТ-1б, сделала 71 таких вылетов. Сколько вылетов было по снабжению или в интересах партизан, судить сложно –

но то, в эти числа входят таковые, несомненно. В том же июне 1942-го, в данных по дням [30, с. 449] идёт речь о полётах 26.06 и 30.06 на спецзадания (так значились и полёты к партизанам) соответственно 2-х и 3-х самолётов, что подтверждается данными других источников [9, с. 334; 13, с. 173]. В некоторых источниках указывается, что всего к партизанам было 42 вылета, в том числе 35 – с посадкой [27, с. 391]; идёт речь о вывозе 40 раненых, больных и обессиленных партизан.

Интересно осуществлялась доставка разведанных от партизан (помимо донесений по радиосвязи, доставки пакетов лётчиками) – выполнено 6 самолётовывлетов УТ-1 и УТ-2 на площадку Аполах для снятия кошкой без посадки пакетов срочной почты, подвешенных на стропе между двумя шестами [36, л. 112].

Кроме снабжения партизан продовольствием, боеприпасами, медикаментами и почтой, известен эпизод боевого взаимодействия авиации и партизан. В интересах партизан днём 2 мая три пикирующих бомбардировщика Пе-2 из 40-го бомбардировочного авиаполка (к этому времени в нем насчитывалось 10 Пе-2, из которых – три неисправных [30, с. 225]) провели аэрофотосъемку позиций противника и подвергли бомбардировку позиций противника в районе с. Коуш (ныне не существует, бывшее с. Шелковичное [3, с. 81]). В центре села возник большой пожар. Надо отметить, что с. Коуш было одним из центров военного коллаборационизма крымских татар [23, с. 36-37], а в мае 1942 г. тут дислоцировалась регулярная 9-я «татарская рота самообороны» численностью сто человек и активно воевавшая с партизанами [23, с. 38, 41].

Исключительную роль по парашютно-десантному обеспечению снабжения крымских партизан сыграла группа капитана М.И. Соломашенко, упаковывавшая грузы в специальные парашютные гондолы и мешки и загружавшая самолёты. В литературе [15, с. 27-29; 22, с. 76, 79-80; 32] есть интересные сведения по работе этой группы.

Информации, согласно которой боевой работе советской авиации в интересах крымских партизан, каким-то образом противостояли самолёты люфтваффе или средства противовоздушной обороны немецко-румынских войск, в широком научном и публицистическом обороте пока нет. Можно судить о противодействии в масштабах всей воздушной войны при обороне Севастополя [8, с. 243-245], хотя из имеющихся источников известно, что ни один самолёт, снабжавший партизан, не был потерян от огня противника. Потери, по анализу источников и литературы, составили один самолёт У-2 Ф. Герасимова, разбившийся при взлёте и сожженный самими партизанами, хотя имеются и другие данные – о потерях всего в результате аварий при полётах к партизанам и возвращении в СОР и перелёте на Кавказ из партизанского леса шести У-2, и еще катастроф одного ТБ-3 и одного СБ [27, с. 391]. Однако, надо указать, что ТБ-3 на аэродромах СОР не базировались, и прилетали на сброску с аэродромов Кавказа и Краснодарского края, что, увы, пока не входит в рассматриваемый нами период и место базирования – по теме доклада, это Севастопольский оборонительный район.

В ходе обороны Севастополя в марте-июне 1942 года имеющиеся части и подразделения авиации различного оперативного подчинения, пройдя ряд организационных и количественных изменений, в определённой мере взаимодействовали с партизанами Крыма, в частности 3-го, 4-го и отчасти 5-го партизанских районов наряду с выполнением свойственных авиации боевых задач. Взаимодействие было взаимно выгодным и необходимым – в лес поставлялись различные грузы и специалисты, а в разведорганы Приморской Армии и СОР – необходимая разведывательная информация. Именно усилия авиации по снабжению партизанских отрядов продовольствием позволили избежать голодной смерти не одной сотне партизан весной 1942 г., сохранить боеспособность отрядов и оказать существенную помощь осажденному городу. Вместе с тем, масштабы снабжения крымских партизан авиацией СОР несколько преувеличены, особенно в мемуарной литературе. Вероятно, сделано это не намеренно, так как существовала, особенно в мае-июне 1942 г., объективная реальность - различных ресурсов (исправных, специализированных самолётов, подготовленных лётчиков и авиаспециалистов, соответствующих разнообразных грузов, потребных партизанам) в осаждённом Севастополе было явно недостаточно. Мало того, хотя войска СОР испытывали нехватку ресурсов, всё равно летали в партизанский

лес самолёты для снабжения – и даже в дни, когда стало ясно, что оборона города обречена. Масштабы взаимодействия авиации с крымскими партизанами в итоге оказались количественно минимально возможными и достижимыми.

Героизм и мужество лётчиков, участвовавших в снабжении партизан может служить образцом для военно-патриотического воспитания молодёжи, а опыт обеспечения авиацией вообще – наглядным примером взаимодействия между регулярными войсками и партизанским движением.

Источники и литература.

1. Авдеев М.В. У самого Черного моря. Книга первая. М., 1967. 93 с.
2. Агегьян Ш. Воздушные партизаны // Крымская правда. 1980. 27 марта.
3. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783-1998 гг. // Справочник. Симферополь, 1999. 464 с.
4. Азаров И.И. Непобежденные. М., 1973. 320 с.
5. Аснин Н.А. Редкие кадры // Слава Севастополя. 1988. 28 февраля.
6. Атлас. Путешествуем по горному Крыму. Симферополь, 2008. 80 с.
7. Белозёров И.П. В небе Таврии. Симферополь, 1975. 253 с.
8. Боевые операции Люфтваффе: взлёт и падение гитлеровской авиации. Rise and Fall of the German Air Force: 1933-1945. М., 2008. 608 с.
9. Ванеев Г.И. Севастополь, 1941-1942. Хроника героической обороны. К., 1995. Т. 2. С. 157-159.
10. Вергасов И.З. Избранное. М., 1982. 648 стр.
11. Вергасов И.З. В горах Таврии: Записки партизана. Симферополь, 1959. 280 с.
12. Герасимов Ф.Ф. Один боевой вылет // Слава Севастополя. 1979. 13 мая.
13. Денисов К.Д. Под нами – Черное море. М., 1989. 320 с.
14. Дорохов А.П. Крылатые защитники Севастополя. Симферополь, 1981. 128 с.
15. Емельяненко В.Б. Воздушный мост. М., 1998. 352 с.
16. Золотарев В.А., Козлов И. А. Три столетия Российского флота. 1941-1945. Т. 4. СПб., 2005. 764 с.
17. Книга Памяти Республики Крым. Т. 6. Симферополь, 1995. 272 с.
18. Коваленко В.И. Крылья Севастополя. К., 1988. 239 с.
19. Кондранов И.П. Крым. 1941-1945. Хроника. Симферополь, 2000. 224 с.
20. Лаврентьев Н.М., Демидов Р.С., Кучеренко Л.А., Храмов Ю.В.. Авиация ВМФ в Великой Отечественной войне. М., 1983. 182 с.
21. Лючин Г. Полёт к партизанам // Флаг Родины. 1987. 27 марта.
22. Македонский М.А. Пламя над Крымом. 3-е изд. Симферополь, 1969. 303 с.
23. Мальгин А.В. Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос», 1941-1944. Симферополь, 2008. 188 с.
24. Матышук Н.А. Не щадя собственной жизни. За краткой строкой дневника. Симферополь, 2007. 280 с.
25. Мельничук Е.Б. Воздушные партизаны // Флаг Родины. 1989. 10 марта.
26. Мельничук Е.Б. Партизанское движение в Крыму. Накануне. Кн. 1. Львов, 2008. 163 с.
27. Мельничук Е.Б. Чужие среди своих... (Боевые действия разведчиков ЧФ на территории оккупированного Крыма в 1943-44 гг.) // Москва-Крым: историко-публицистический альманах. Спецвыпуск: Крым в Великой Отечественной войне: дневники, воспоминания, исследования. Вып. 5. М., 2003. С. 386-462.
28. Милявский А. Небо над Варной // Советский Крым. 1985. 13 сентября.
29. Моргунов П.А. Героический Севастополь. М., 1979 г. 520 с.
30. Морозов М. Воздушная битва за Севастополь. 1941-1942. М., 2007. 432 с.
31. Раков В.И. Крылья над морем. Л., 1974. 504 с.
32. Смольговская Р. Его чудо-чемодан (о М.И. Соломашенко) // Крымская правда. 1985. 19 января.
33. Становский С. Партизаны. Записки разведчика. Симферополь, 1959. 212 с.
34. Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на черноморском театре. Вып. 2. М, 1946.
35. Шавров В.Б. История конструкций самолетов в СССР. 1938-1950 гг. 2-е изд. М., 1988. 568 с.
36. Государственный архив АР Крым. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 23.
37. Государственный архив АР Крым. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 328.
38. Государственный архив АР Крым. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 437.

IV

ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ

ПОИСКОВО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С МЛАДШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ НА ОСНОВЕ МЕСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Коваленко Л.М.

Муниципальное образовательное учреждение №118 г. Сочи, Россия

«Везде исследуйте всечасно, что есть велико и прекрасно», - сказал когда-то М.В. Ломоносов, и напутствию этому следуя, начиная с начальных классов школы, любознательные, упорные и терпеливые ребята включаются в увлекательный процесс исследовательской деятельности.

Ещё в XVII в. математик и философ Б. Паскаль уверял, что случайные открытия делают только подготовленные умы. Такой долговременной и кропотливой «подготовке умов» способствует Российский конкурс исследовательских работ и творческих проектов дошкольников и младших школьников «Я – исследователь». Организовал конкурс А.И. Савенков – доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор Московской академии педагогических и социальных наук. Это убеждает в серьёзном отношении ученых к детскому конкурсу.

Четыре года Управление по образованию и науке Администрации г. Сочи, Центр творческого развития и гуманитарного образования являются организаторами Регионального этапа этого конкурса. Из городов и станций Краснодарского края приезжают в Сочи юные исследователи, представляя на суд компетентного жюри свои исследовательские работы и творческие проекты. Победители секций становятся участниками финала Российского конкурса «Я – исследователь», который проводился в г. Москве, а последние три года проходит в летней столице России – Олимпийском Сочи.

Несколько лет мы с ребятами заняты интереснейшим делом – исследуем родной край, наш поселок Лазаревское, изучаем его историю и природу. Наша первая работа «История Лазаревских школ» началась с посещения Лазаревского архива, где сведений, интересующих нас, не оказалось, т.к. в годы Великой Отечественной войны в архив попала бомба. В этнографическом музее, открытом после войны, тоже не помогли.

Обсудив сложившуюся ситуацию с ребятами-исследователями и их родителями, решили искать достоверные свидетельства в семейных архивах жителей разных поколений. Помогла добрая школьная традиция фотографироваться классом с учителями на фоне школы. Совместная поисково-исследовательская деятельность учила ребят добывать информацию, анализировать ее, сопоставлять факты, много запоминать. Важно то, что люди разных поколений и национальностей с вниманием и пониманием общались с ребятами, проявляли интерес и желание сохранить для истории дорогие каждому человеку воспоминания школьной поры. В памяти ребят сохраняются встречи, подобные той, что была с по-

жилой гречанкой, подарившей нам фотографию 1935 г., с которой стоя, сидя и лежа смотрели ее одноклассники – учащиеся греческой начальной школы. Все они ушли в мир иной. Остались лишь одна она и эта фотография. Ребята-исследователи сделали макеты как существующих, так и исчезнувших в разное время школ.

Тема работы «О жизни выдающегося художника-анималиста XX века В.А. Ватагина в Лазаревском» определилась при изучении истории Лазаревских школ. Зная о начальной школе, которая находилась на месте кинотеатра «Восход» до середины прошлого века, старожилы поселка подсказали фамилию работавшей там 70-80 лет назад учительницы. По телефонному справочнику мы нашли адрес ее младшей дочери, – Т.И. Уваровой. При встрече Татьяна Ивановна рассказала о своей подруге детства в годы войны Н. Ватагиной – младшей дочери художника В.А. Ватагина. Татьяне Ивановне 77 лет, но она хорошо помнит, как ходили они с подружкой от школы по тропинке на горку к дому Ватагиных, а знаменитый художник Василий Алексеевич рисовал их тряпичным куклам веселые глазки. Оказалось, что летний дом, построенный Ватагиным в 1936 г., сохранился! Живет в нем семья ученицы Сафии Измайловой. Вместе с Татьяной Ивановной рассматривали ребята дом, сохранившуюся печь, веранду, на которой работал В.А. Ватагин, где чудом остался жив, наклонившись за карандашом во время артиллерийского обстрела. Ребята записали яркие воспоминания Т.И. Уваровой с описанием характера и внешности знаменитого художника.

Так вышло, что приехав в начале июня 1941 г. с семьей на отдых, В.А. Ватагин до 1944 г. жил в своем доме в Лазаревском. Именно здесь написаны им более 100 акварелей к книге Р. Киплинга «Маугли», выполнены многочисленные пейзажные и портретные зарисовки.

Спустя 63 года подруги детства восстановили отношения, а наша исследовательская деятельность связала Лазаревское, Тарусу и Москву перепиской и телефонными разговорами. Н.В. Истратова (Ватагина) прислала воспоминания об отце, фотографии, уникальную книгу с его иллюстрациями.

Осенью 2008 г. гости из Лазаревского были в знаменитом доме-музее В.А. Ватагина в Тарусе, а его хозяйка была растрогана воспоминаниями о каштанах, которые ела в Лазаревском в голодные военные годы своего детства.

Из Москвы Н.Е. Ватагин (внук Василия Алексеевича, сын И.В. Ватагиной, старшей дочери художника-анималиста, которая была известным художником-реставратором), прислал рисунок дома Ватагиных, выполненный в 1939 г., записал воспоминания деда о жизни в Лазаревском, подарил фотографии из семейного альбома. Потомки В.А. Ватагина – одаренные люди. Работы деда, дочери и внука хранятся в Русском музее, Третьяковской галерее, частных коллекциях за рубежом.

В центре Лазаревского находится мемориальный комплекс «Горка Ватагина». Среди экзотических растений скульптуры животных – точные копии работ Ватагина. Мемориальный комплекс создали Заслуженный скульптор СССР М. Миносян и архитектор В. Соболев из материалов, которым не страшен влажный климат субтропиков. «Горка Ватагина» – излюбленное место отдыха, фото- и видеосъемок гостей курорта. Третий год семья Измайловых шефствует над «Горкой Ватагина», участвует в её благоустройстве и озеленении.

С творческим наследием В.А. Ватагина мы знакомимся в художественном музее Сочи, Лазаревском музее, удивлялись разнообразию использованных художником материалов.

В феврале 2009 г. в Москве к 125-летию со дня рождения В.А. Ватагина состоялась Международная научная конференция, организованная Государственной Третьяковской галереей и Государственным Дарвиновским музеем. На конференции мы выступили с докладом, а в залах этих музеев увидели прекрасные работы В.А. Ватагина – скульптора, графика, живописца, иллюстратора и ... выпускника естественного факультета МГУ имени М.В. Ломоносова [5, с. 35-36].

Исследование по теме «История 1-й судостроительной верфи ВМФ глазами очевидцев» начиналось с изучения семейных архивов ветеранов судоверфи. Один из них заметил, что на протяжении его жизни складывалась 75-летняя история этого предприятия. К счастью, живы некоторые из тех, кто пережил обстрелы и бомбежку судоверфи. Нашлись ветераны предприятия, которые работали на эвакуированной в Грузию судоверфи и вер-

нулись в Лазаревское. Для восстановления разрушенных цехов прибыла рота моряков. Совместными усилиями возводились новые корпуса, налаживалась мирная жизнь поселка. Некоторые моряки остались на верфи, овладели новыми специальностями. Начался выпуск мирной продукции.

В конце 1970-х гг. был получен правительственный заказ на переоборудование спасательного катера для приёма приводнившейся капсулы с космонавтами после окончания космического полета. Почти 2 года проводились испытания в Тихом океане при волнении 6-8 баллов. После успешного их завершения все участники были отмечены правительственными наградами, а начальник судовой верфи капитан первого ранга Ю. Медведев награжден орденом Красной Звезды.

Один из ветеранов припомнил как В.В. Терешкова и А.Г. Николаев были гостями судовой верфи, а корабли организовывали им экскурсию к водопадам.

Нашли тех, кто в 1989 г. за 5 месяцев создал копию древнегреческой диеры «Ивлия». Строительство велось без чертежей, по старинным рисункам. Руководил постройкой бригадир Д. Шхалахов. «Ивлия» прошла своим ходом Чёрное, Мраморное, Средиземное моря, Бискайский залив и часть пролива Ла-Манш. И всюду ее встречали с восторгом. За пять лет она осуществила пять международных экспедиций, принимала участие в 12 фестивалях, награждалась призами.

Ребята были очевидцами зрелищного спуска на Лазаревской судовой верфи самой большой в истории отечественного судостроения парусно-моторной яхты «Империя», ее строительство началось в 1986 году. Проектированием и техническим руководством занимались конструктор А. Соловьев и дизайнер С. Гребенщиков. «Империя» в 2007 г. ушла из Лазаревского в Николаев для двигательной оснастки.

Лазаревская судостроительная верфь – родной причал знаменитого яхтсмена В. Языкова. Своими руками он построил яхты «Лагуна» и «Ветер перемен», на которых успешно участвовал в кругосветных гонках. В 1999 г. В. Языкова назвали Человеком года в России, он Почетный гражданин городов Сочи и Американского Ньюпорта. На судовой верфи бывал Ф. Конюхов, он ученик В. Языкова. Работу о Лазаревской судовой верфи мы передали в Санкт-Петербург в Центральный музей ВМФ.

Работу «Об удивительной истории динозаврового дерева гинкго билоба, его целебных свойствах и распространении в Причерноморье» посвятили 200-летию великого Ч. Дарвина, который назвал гинкго «живым ископаемым», «динозавровым деревом». Любят ребята истории о динозаврах, а под нашим окном, оказывается, растут и плодоносят «пришельцы» из доледникового периода – деревья гинкго билоба. Делали ребята из листьев гинкго яркие панно и не ведали, что были те лакомством травоядных ящеров. Любовались необычной формой листьев и не знали, что восхищенный деревом гинкго, Гёте написал стихи, которые хранятся в доме-музее поэта в Веймаре. По мнению Гёте, листья гинкго символизируют единение двух любящих сердец.

Ребята подметили, что не встречали гинкго в лесу, но видели листик гинкго на лекарствах и средствах косметики. Как и откуда попали гинкго на улицы Сочи? Почему его так назвали? Чем интересно это растение? За ответами отправились в парк Дендрарий, встретились с автором книги «Гинкго – древо жизни» Г.А. Гарбузовым, познакомились с популяризатором гинкго Ю.Ф. Беляевым, который занимался посадками более 30 лет. Узнали о целебных свойствах листьев и семян гинкго, о необыкновенной жизненной силе и стойкости деревьев, которые выжили после атомного взрыва в Хиросиме! Не боятся гинкго прожорливой американской бабочки. Устойчивы к промышленному задымлению воздуха, грибковым и вирусным заболеваниям, легко выдерживают тепличный эффект. Гинкго занесено в Международную Красную книгу [2].

Действительно, странное растение. Не нашли ребята на деревьях гинкго ни одного дупла и гусениц, а опавшие ярко-желтые листья долго не тлели. Восточная медицина столетия использует семена гинкго для лечения, укрепления памяти. Их под названием «серебряный миндаль» можно купить в магазинах Японии и Китая. Жареные орешки гинкго, преподнесенные в дар императору, символизировали почтение. Вымоченные и поджаренные семена гинкго японцы считают изысканным лакомством. Следуя китайским и япон-

ским советам, мы собрали весь урожай гинкго! В перчатках очистили семена от мягкой оболочки, потом высушили, жарили, угощали знакомых и жюри конкурсов. Ребята убедились, что комары боятся запаха листьев гинкго, а семена в оболочке долго хранятся на воздухе и не гниют.

Удивительна история возвращения гинкго в Европу. Считалось, что гинкго исчезли в ледниковый период, и только окаменелые отпечатки листьев свидетельствовали о существовании их во времена динозавров. Но Э. Кемпфер, немецкий врач, физик и ботаник, привез из экспедиции в Японию диковинные семена в Голландию, где в ботаническом саду Утрехта выросло первое в Европе за долгие миллионы лет дерево гинкго. В 1712 г. Э. Кемпфер описал дерево, его необычные по форме листья, семена. К. Линней в 1771 г. дал научное название «*Ginkgo biloba*». Гинкго могут жить более 1000 лет.

В пригороде Лондона в Королевских садах в Кью с 1762 г. растёт гинкго, который прозвали «Старым львом». В Японии и Китае, где к гинкго относятся с почтением, деревьям принято давать имена: «Летающий дракон», «Король Гинкго». Гинкго – символ Осака, Токио, Сеула. В странах, где растёт гинкго, его называют храмовым, ореховым, деревом деда и внука, серебряным абрикосом.

В 1818 г. в Никитский ботанический сад Х.Х. Стевен привёз из Германии саженцы гинкго. Из Никитского ботанического сада постепенно расселили гинкго по ботаническим садам, городским паркам Причерноморья. Из Дендрария Сочи разъехались саженцы и семена гинкго по паркам, скверам и здравницам города-курорта и Краснодарского края [2].

Московский климат не для гинкго. Но в оранжереях оно отлично себя чувствует. Мы отправили семена Лазаревских гинкго в Государственный Биологический музей им. К.А. Тимирязева. Учёный секретарь М.В. Куликова сообщила, что гинкго растут, а семена используются на интерактивных занятиях со студентами и учащимися. Материалами нашей работы пользуются экскурсоводы музея.

Удивительно, но именно 12 февраля 2009 г., в День 200-летия Ч. Дарвина, у наших ребят-исследователей взошел гинкго. Его назвали «Юный Чарльз» и передали в Государственный Дарвиновский музей вместе с семенами гинкго для оранжереи.

Наш посёлок Лазаревское расположен на месте Лазаревского форта, который был заложен 7 июля 1839 г. в устье горной реки Псезуапсе после высадки десантных войск эскадры кораблей Черноморского флота. Эскадрой лично руководил М.П. Лазарев [9].

Целый год мы с ребятами 4 класса вели исследовательскую работу «О славном адмирале М.П. Лазареве и о том, что именем его названо». Работу посвятили 190-летию открытия Антарктиды. В честь этой даты 28 января 2010 г., после возложения цветов к памятнику, провели школьные Лазаревские чтения с презентацией нашей работы и еженедельной стенгазеты «Маленькие Лазаревские новости», в которой ребята-исследователи разместили свои статьи о М.П. Лазареве – первооткрывателе, флотоводце, исследователе, создателе «Лазаревской школы» воспитания моряков.

Поздравили полярников научно-исследовательской станции Новолазаревская в Антарктиде. Осуществить проект «Подарки Лазаревцев полярникам Новолазаревской» помог директор Государственного музея Арктики и Антарктики известный полярный путешественник, прошедший три зимовки на Новолазаревской, В.И. Боярский. В Санкт-Петербург в музей Арктики и Антарктики мы прибыли 3 ноября – в День рождения М.П. Лазарева. Памятный адрес и дары Кавказа – Краснодарский чай, каштановый мёд, лавровый лист, эвкалиптовые веники и орехи, собранные учащимися школы, были переданы отправляющимся в Антарктиду полярникам. В.И. Боярский подписал и подарил для изучения свои книги, которые мы видели в экспозиции музея [1]. Заместитель директора музея, Почётный полярник В.С. Ипполитов организовал экскурсию, показал документальные свидетельства из истории освоения Антарктики, привел интересные факты из жизни современных полярных исследователей.

С экспонатами, связанными с экспедицией Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, в Центральном военно-морском музее ребят знакомил начальник отдела научно-просветительской работы Н.И. Слесаревский. Юные исследователи рассмотрели личные вещи Лазарева – аксельбанты, эполеты, подзорную трубу. Их удивила узкая лодка, на ко-

торой моряки шлюпа «Мирный» в сложнейших условиях исследовали берега Антарктиды. Они увидели макеты кораблей, на которых Михаил Петрович, единственный из адмиралов Российского Императорского флота, совершил три кругосветных плавания на парусных судах. Н.И. Слесаревский познакомил ребят с подлинными документами, связанными с Наваринским сражением, макетом корабля «Азов», имя которого Лазарев увековечил своим бессмертным подвигом...

Побывали в Санкт-Петербурге на набережной и мосту адмирала Лазарева. В Кронштадте, откуда Михаил Петрович уходил в плавания, прошли по переулку Лазарева, покрытому булыжником того времени, увидели место, где когда-то была усадьба Михаила Петровича. Дом он завещал городу Кронштадту перед отправкой на новое место службы в Севастополь [3].

Побывать в славном Севастополе стало мечтой ребят. Благодаря интернету нашли на сайте Морской библиотеки имени адмирала М.П. Лазарева сообщение о Дне открытых дверей [6]. На письмо директору библиотеки капитану первого ранга Н.И. Краснолицкому получили ответ с приглашением принять участие в этом мероприятии. В Порту Кавказ документы на детей посчитали неправильно оформленными, и они с родителями вернулись в Лазаревское. Мне пришлось самой продолжить поездку. Возвратившись, я рассказала ребятам о теплом приеме, оказанном в Морской библиотеке, прекрасной организации Дня открытых дверей, экскурсиях по историческим местам и местам, связанным с Лазаревым, о посещении Морского Владимирского собора – усыпальнице четырех адмиралов, ярком рассказе настоятеля храма отца Алексея о бережно хранимых реликвиях [4, с. 19, 23].

Сотрудники библиотеки рассказали о ежегодных Лазаревских чтениях, проводимых в Черноморском филиале МГУ им. М. В. Ломоносова, который располагается на территории знаменитых Лазаревских казарм. Привезенные из Севастополя фотографии, книги, видеозаписи мы изучали, проводили тематические классные часы. Целью нашей работы стала поездка в Севастополь на Лазаревские чтения 2010 года.

Изучая карту, ребята выяснили, что три населенных пункта на нашей планете названы именем М.П. Лазарева: наш поселок Лазаревское на берегу Чёрного моря, полярная станция Новолазаревская в Антарктиде [8] и рабочий поселок Лазарев на Мысе Лазарев на берегу пролива, открытого мореплавателем Г.И. Невельским в 1849 году. Там, в 7 км от острова Сахалин, еще при жизни Михаила Петровича, началась история поселка, названного Невельским в честь адмирала, заслуги которого перед Отечеством он высоко ценил.

Интернет сдружил нас с теми, кто живет и трудится на далеком Мысе Лазарев. Несмотря на суровые климатические и жизненные условия, живут там патриоты своего поселка, люди жизнелюбивые, любознательные и открытые для общения. На сайте Мыса Лазарев размещена интересная историческая информация с многочисленными фотографиями, пояснениями, воспоминаниями. В августе 2009 г. весь рабочий поселок Лазарев на берегу Чертовой бухты отметил свое 160-летие, и мы сердечно поздравили Лазаревцев с этой датой.

С самого начала нашей с ребятами исследовательской работы объектами исследования стали музеи. Директор Лазаревского этнографического музея Е.Н. Девина заинтересовалась нашей деятельностью, пригласила к сотрудничеству с обществом историков-архивистов Лазаревского района города Сочи, рассказала о готовящейся экспозиции, связанной с историей Черноморского флота, показала новые экспонаты. По её рекомендации мы отправились в Новороссийск, где посетили Государственный исторический музей-заповедник. Большой макет линейного корабля «Силистрия», с которого вице-адмирал М.П. Лазарев руководил высадкой десанта в Цемесской бухте 12 сентября 1838 г., находится в самом начале экспозиции музея не случайно: Лазарева считают одним из основателей Новороссийска, о чем свидетельствуют 2 памятника в центре города.

Побывали ребята на артиллерийском крейсере-музее «Михаил Кутузов», который прибыл на вечную стоянку в Новороссийск из Севастополя. В кают-компаниях крейсера, где висит портрет М.П. Лазарева, экскурсовод, капитан второго ранга А.Н. Дяченко, поведал историю крейсера «Михаил Кутузов», рассказал о других крейсерах, построенных по проекту 68-бис, среди которых был и «Адмирал Лазарев». Александр Николаевич был

удивлен, когда ребята сами назвали, служившие во славу России в разные времена корабли «Адмирал Лазарев». Дополнил свой рассказ экскурсовод сообщением о кругосветном плавании парусника «Паллада» к 190-летию открытия Антарктиды. Встречали «Палладу» в Новороссийске и Севастополе. Александр Николаевич, человек увлеченный, знающий, посоветовал побывать в Морской библиотеке имени адмирала М.П. Лазарева в Севастополе. Сам он часто пользовался услугами замечательной библиотеки.

В музей истории города-курорта Сочи мы попали после его реконструкции. Ребята вглядывались в портреты людей, которые лично знали М.П. Лазарева, служили под его руководством. Рассматривали оружие, модели судов, документы, в которых описываются драматические события, происходившие на Черноморском побережье Кавказа в середине XIX в., когда на месте высадки морских десантов строились форты. Первым появился форт Святого духа в устье реки Мзымты, затем – Александрия в устье реки Сочи, а потом укрепления Головинское и Лазарева у рек Шахе и Псеуапсе [7]. Мы бывали на экскурсиях в этих населенных пунктах.

Заинтересовал ребят подробный план форта Лазарева, рассказ о сложных условиях жизни в нем, когда от малярии не было спасения, а отношения с воинственно настроенными жителями горных аулов устанавливались долго, сложно и драматично. В те годы у Сочинских берегов можно было встретить много известных людей. Десантом в устье Шахе лично руководил Н.Н. Раевский, друг А.С. Пушкина, правнук М.В. Ломоносова по материнской линии. Черноморским флотом командовал М.П. Лазарев, а флагманским линейным кораблём «Силистрия» руководил ученик Лазарева П.С. Нахимов. Постоянным спутником морских экспедиций был художник И.К. Айвазовский, талантливо и точно запечатлевший высадку десантных войск и самого вице-адмирала М.П. Лазарева в том же 1839 году. Принимали участие в десантах и строительстве укреплений Л.С. Пушкин, младший брат Александра Сергеевича; ссыльные декабристы А.А. Бестужев-Марлинский и разжалованный в рядовые поэт А.И. Одоевский. Памятник поэту-декабристу Одоевскому, умершему в 1839 г. от малярии в Лазаревском форте, установлен в тенистом сквере недалеко от моря, его имя носит районная библиотека и одна из улиц в центре Лазаревского [7]. В названиях улиц Сочи и Лазаревского отразилась та эпоха.

Теперь для ребят названия родных им улиц имеют глубоко осознанный смысл, ведь живут они на улицах Лазарева, Нахимова, Айвазовского, Ушакова, Одоевского. Всё, что связано с именем М.П. Лазарева, с неувыдаемой памятью о нем, стало интересовать ребят. Из бесед со старожилами, узнали о Клубе юных моряков имени М.П. Лазарева, который был когда-то в Сочи. Неожиданно один из наших ребят-исследователей сообщил, что его прабабушка вывела много лет назад в их саду на берегу моря новый сорт роз - «Розу Лазарева»! Розы – живая память о Лазареве, оставленная людям П.В. Бредихиной, - поэтессой, художницей, которой подарил в Крыму миниатюрные пастели с морскими пейзажами сам М.А. Волошин.

Интерес школьников к исследовательской деятельности поддерживается, несомненно, заинтересованным отношением взрослых. Стимулом к продолжению нашей работы стали телефонные звонки из Антарктиды. Начальник 54-й Российской Антарктической экспедиции В.М. Вендерович сообщил, что полярники Новолазаревской получили самолетом из Кейптауна посылки и благодарят ребят. Оказалось, что среди зимовщиков на Новолазаревской есть и представитель Краснодарского края – А. Белокур, который позволил нам, пообещав по возвращению из Антарктиды приехать и привезти дипломы участникам этого проекта. Началась подготовка к встрече с полярником.

Мы подарили исследовательскую работу Государственному музею Арктики и Антарктики и получили замечательную рецензию научных сотрудников. Старший научный сотрудник музея истории города-курорта Сочи предложил нам передать работу в их музей. О славном адмирале М.П. Лазареве и о том, что именем его названо мы рассказывали на страницах районной газеты «Лазаревские новости», в новостях ИТАР ТАСС КУБАНЬ. Хотелось, чтобы о Лазареве, его учениках и последователях – современных полярных исследователях знали и помнили. А Лазаревцы трёх населённых пунктов на планете Земля – дружили.

Закончился учебный год. На наше электронное письмо в Оргкомитет Лазаревских чтений пришёл ответ с предложением участвовать в Лазаревских чтениях и Фестивале науки. Мы стали ближе к цели!

Неожиданно, в разгар летнего отдыха, приехал гость из Антарктиды – А. Белокур – участник двух зимовок на Новолазаревской! В торжественной обстановке ребята получили из рук полярника оригинальные дипломы, привезённые с Земли Королевы Мод, Оазиса Ширмахера - с полярной станции Новолазаревской, где сравнительно рядом во льдах и айсбергах море Лазарева, горы Лазарева, шельфовый ледник Лазарева, желоб Лазарева. Рассмотрели ребята коллективную фотографию 54-й Российской Антарктической экспедиции с росписями полярников. Вопросам, обращенным к А. Белокуру, не было конца. А в сентябре приехали еще два полярника с Новолазаревской, привезли фильмы о Новолазаревской, камни Антарктиды, фотографии. С интересом знакомились наши гости с горными ущельями в окрестностях Лазаревского, с достопримечательностями поселка. Замечено, что друзей на Новолазаревской Александр называл Лазаревцами...

Исследование по теме «О славном адмирале М.П. Лазареве и о том, что именем его названо» не окончено. Прославленный полярный путешественник директор музея Арктики и Антарктики В.И. Боярский сообщил, что наше общение с 54-й Российской Антарктической экспедицией будет продолжено с 56-й, которая отправится в Антарктику в ноябре 2010 года.

К исследовательской работе с учащимися начальных классов не остались безучастными представители общественности, местной администрации, депутатского корпуса Сочи, Краснодарского края, пресса. Многочисленные гости Лазаревского взморья обязательно увозят с собой фотографии, сделанные около бюста выдающемуся адмиралу М.П. Лазареву на вокзале в окружении вечнозелёных субтропических пальм, самшита. Хранят открытки с видами улицы Лазарева.

Первые школьные годы запомнятся ребятам интересными встречами, яркими событиями. Ребята – победители и призеры городской научно-практической конференции «Первые шаги в науку», Краевого конкурса «Эврика. Юниор» Малой академии школьников Кубани, Региональных и Российских конкурсов «Я – исследователь».

Чтобы патриотические чувства и гордость за своих соотечественников не иссякали, нужно поддерживать деятельность, направленную на установление связи между поколениями исследователей, первопроходцев, защитников Отечества.

И замечательно, что маленькие Лазаревцы города Сочи, побывав в Севастополе, убедились в величии выдающегося флотоводца, ученого-исследователя, первооткрывателя Антарктиды адмирала М.П. Лазарева.

Заметим, что отношение к личности адмирала Российского императорского флота М.П. Лазарева со стороны коренного населения нашего района адыгов и шапсугов – неоднозначное. То стихают, то вновь раздаются требования о переименовании Лазаревского района в Шапсугский. Долгое время кипели споры о переносе памятника Лазареву с вокзала на территорию Лазаревской судовой верфи или во Владимир, на родину адмирала, либо в музей истории города-курорта Сочи. Варварски памятник был снесён в 1990 г. и долгие годы был заложником сложившихся обстоятельств. Трудно переоценить усилия тех, кто вернул бюст на прежнее место в 2003 году! Как и трудно переоценить заслуги перед Отечеством самого флотоводца и первооткрывателя адмирала М.П. Лазарева. Нашей исследовательской работой занимались дети разных национальностей: русские, татары, украинцы, адыгейцы, армяне. Очень важно, чтобы с детства приходило осознание уважения к заслугам соотечественников, бережное отношение к памятникам и традициям любого народа. Почтение коренных народов к предкам, их гордость, смелость, сплоченность в беде и радости – достойны уважения. Жители Лазаревского района Сочи высоко ценят взаимообогащение культур разных народов, что является залогом стабильности и процветания целого региона.

Источники и литература.

1. Боярский В.И. Семь месяцев бесконечности. СПб., 2005.
2. Гарбузов Г.А. Гинкго – древо жизни. М., СПб., 2005.
3. История Российского музея Арктики и Антарктики [Электронный ресурс] // Сайт «Государственный музей Арктики и Антарктики». Режим доступа: <http://www.polarmuseum.ru/>.
4. Косарева А.А., Спиридонова И.К., Ляшук П.М. Собор Святого равноапостольного князя Владимира – усыпальница выдающихся адмиралов Российского Императорского Флота. Симферополь, 2004.
5. Материалы международной музейной конференции. Василий Алексеевич Ватагин. К 125-летию со дня рождения. М., 2010.
6. Морская библиотека имени адмирала М.П. Лазарева Севастопольского ДОФ Черноморского флота Российской Федерации. История [Электронный ресурс] // Сайт «Главная. Морская библиотека имени адмирала М. П. Лазарева». Режим доступа: <http://www.sevmb.com/>.
7. Музей истории города-курорта Сочи. [Электронный ресурс] // Сайт «Музей истории города-курорта Сочи». Режим доступа: <http://www.museum.ru/m1378>.
8. Слевич С.Б. Антарктика в современном мире. М., 1985.
9. Старостина И.Л. Курортный роман. М., 2004.

V

НАУЧНОЕ

ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ

ЛИЧНОСТЬ ЭРНСТА ИОАННА БИРОНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Безденежный П.В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

«...Быть может, нет ничего более своеобразно-очаровательного, нежели это время, ...когда старорусское так чудно смешивалось с чужеземным, когда создавалась такая невероятная, прямо фантастичная по своей странности жизнь».

А.Н. Бенуа о послепетровской России.

Часто случается, что оценка, данная личности или событию, повторяется историками из поколения в поколение, несмотря на перемены и в исторической науке, и в политической обстановке страны. Это произошло с личностью Эрнста Иоганна Бирона в отечественной историографии. Имя Бирона хорошо известно, потому что немного найдется характеристик эпох, которые носили бы такую же негативную окраску, как «бироновщина». Тем не менее, анализ «бироновщины» всерьез не проводился вплоть до конца XX в. Историков, во-первых, больше интересовали личности Петра I и Екатерины II, поэтому тридцатисемилетний период между этими двумя царствованиями даже в XXI в. остается малоизученным. Во-вторых, оценка деятельности Бирона так прочно утвердилась в общественном сознании, что повторяется в одних и тех же словах уже двести лет.

Эрнст Иоганн Бирон служил обер-камергером на протяжении всего царствования Анны Иоанновны. В 1737 г. он получил в наследственное владение герцогство Курляндское, в течение 3 недель после кончины Анны Иоанновны был регентом при императоре-младенце Иоанне VI, затем 20 лет провел в ссылке в Ярославле и последние 10 лет прожил в возвращенном ему герцогстве [5, с. 909-910].

В послепетровской России аристократией не спеша усваивались нормы жизни высшего общества Европы. Интерес к окружающей действительности и к личной жизни был не настолько силен, чтобы об этом много говорить, поэтому остались считанные крупные мемуарные источники первой половины XVIII в., написанные русскими. Вместе с тем многочисленные европейцы, приезжавшие в Российскую империю, часто оставляли вос-

поминания или пространную переписку, где в увлекательной форме представляли виденное ими в малознакомой стране. Оттого самые знаменитые источники по событиям 1730-х гг. оставили выходцы из германских княжеств. Эти мемуары – «Записки о России генерала Манштейна», «Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи» Бурхарда Миниха и книга «Записки» Эрнста Миниха, сына фельдмаршала, – многократно издавались в Европе и России начиная с XVIII в. Действительность в этих произведениях описана выразительно, но все, что касается Э.И. Бирона, подано в совершенно невыгодном свете. Причина проста: авторы имели непосредственное отношение к свержению герцога Курляндского с вершины власти. Фельдмаршал Бурхард Миних был организатором заговора против Бирона, полковник Манштейн, адъютант фельдмаршала, производил арест герцога Курляндского, Эрнст Миних, как видно из его «Записок», всецело поддерживал своего отца. Таким образом, первой причиной отрицательной оценки Бирона послужило то, что он известен, прежде всего, по воспоминаниям своих политических противников.

Русские историки, описывая царствование Анны Иоанновны, часто обращались к этим книгам за помощью, при этом не учитывалось, что единственным из авторов, кто большую часть царствования Анны Иоанновны жил в Санкт-Петербурге, был Бурхард Кристоф Миних – видный деятель 20-30-х гг. XVIII в. Во время правления Анны Иоанновны он был основным стратегом России. После смерти Анны Иоанновны Миних оказался во главе заговора против Бирона, завершившегося для герцога Курляндского судом и ссылкой. Менее чем через год после этого Миних был сослан на поселение в Сибирь. В 1761 г. Петр III вернул его из ссылки, а при Екатерине II Миних получил должность начальника портов Ревеля, Нарвы и Кронштадта [17, с. 369].

В своих воспоминаниях, созданных после удаления из столицы, Миних описал своего политического соперника Бирона слабоумным: *«Он даже довольно плохо читал по-немецки, особенно если попадались латинские или французские слова...»* [6, с. 61]. Не упоминая про собственное состояние, Миних говорит о колоссальных казенных средствах, потраченных Бироном на покупку земли в Курляндии и *«...на строительство там двух дворцов, не герцогских, а скорее королевских,.. сверх тех нескольких миллионов, которые были истрачены на покупку драгоценностей и жемчугов для семейства Бирона...»* [6, с. 59]. Миних имел смелость предположить, что Бирон намеревался посадить на российский престол своего сына Петра. И в заключении своей краткой характеристики герцога Курляндского фельдмаршал сказал, что у этого человека было всего две страсти: лошади и карточная игра.

Второй мемуарист, Кристоф Герман фон Манштейн, служил в Пруссии, приехал в Российскую империю в 1736 г. и окончательно вернулся в Пруссию в 1744 г. Манштейн, профессиональный военный, оказавшись в России, сразу попал в действующую на юге армию в штаб к главнокомандующему Миниху. Таким образом, только после окончания русско-турецкой войны в 1739 г. Манштейн стал непосредственным свидетелем событий, происходивших в столице Российской империи [16, с. 570]. Несмотря на это, его повествование охватывает придворную петербургскую жизнь с 1727 до 1744 г.

Манштейн, говоря о Бироне, не стесняется в выражениях. Успех Бирона у Анны Иоанновны он объясняет исключительно его «красивою наружностью» [8, с. 30]. По мнению Манштейна, деятельность Бирона привела к тому, что *«...тьма людей впали в несчастье. Многие из них, и даже лица высшего сословия, были сосланы в Сибирь без ведома императрицы»* [8, с. 31]. Он приводит мнение, что Анна Иоанновна перед своей смертью не знала, что ставит подпись на документе, в котором говорилось о назначении Бирона регентом [8, с. 193]. Это утверждение опровергается другим мемуаристом – Эрнстом Минихом [25, с. 158], но эта мысль встречается в отечественной историографии [1, с. 88]. После ареста герцога, согласно воспоминаниям Манштейна, все выражали свою радость *«...по случаю избавления от тирании Бирона, и с этой минуты всюду водворилось большое спокойствие...»* [8, с. 202].

Третий мемуарист, сын фельдмаршала Миниха Иоганн Эрнст, во время правления Анны Иоанновны находившийся на дипломатических постах в Турине и Париже [17,

с. 369-370], оставил наиболее эмоциональную характеристику обер-камергера. Вот, каким человеком Миних изобразил Бирона: «...*Чрезмерно вспыльчив... Малейшее покушение вредит ему у императрицы было непростительное преступление, и его мицение простиралось даже до жестокости*» [25, с. 102]. Миних откровенно обвинял Бирона мздоимстве: якобы за содействие венским политикам он получил от них «*двести тысяч гульденов в подарок...*» [25, с. 109]. В России Бирон сформировал обширную сеть доносчиков, «...*и поелику ремесло сие отверзало путь как к милости, так и к богатым наградам, то многие знатные и высоких чинов особы не стыдились служить к тому орудием*» [25, с. 163]. В 1836 г. вышла книга Александра Ивановича Вейдемейера «Обзор главнейших происшествий в России, с кончины Петра Великого до вступления на престол Елизаветы Петровны», в которой повторяется эта мысль, но делается акцент на отрицательных последствиях этой системы: «...*Даже знатнейшие особы не стыдились заниматься гнусным ремеслом доносчиков, и наветами своими умножали число невинных жертв*» [7, с. 102]. Этот пример – один из многих, когда историки берут за основу обвинения со стороны современников Бирона и добавляют в них свои собственные.

В первой трети XIX в. в российской культурной жизни произошли значительные перемены. В целом они связаны с развитием такого направления в искусстве как романтизм. Отличительными чертами этого культурного стиля в общеевропейском масштабе были: интерес к прошлому, особенно средневековому, представление, что ход истории зависит от поступков выдающихся деятелей; в России этот стиль получил яркую патриотическую окраску. Единственная, как казалось в то время, видная личность 1730-х гг. – Бирон – теперь предстал в литературе в качестве идеального антигероя, которому смело противостояли патриоты России, в особенности – князь А.П. Волынский. Это вторая причина отрицательной оценки Бирона: во времена, когда считалось хорошим тоном героизировать прошлое, писателям требовались совершенные злодеи, в качестве которого и был использован образ фаворита Анны Иоанновны.

В 1810 г. Николай Михайлович Карамзин написал статью «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Н.М. Карамзин считал, что в аннинское время в России по вине Бирона «...*на площадях градских лились реки крови*» [11, с. 38]. И, продолжает Н.М. Карамзин, подвергались репрессиям не преступники, а личные враги Бирона, которые «...*были истинными друзьями престола и Анны*» [11, с. 39]. Это противопоставление интересов Э.И. Бирона интересам императрицы укрепились в отечественной историографии. В 1829 г. профессор И.К. Кайданов написал о ссылках и пролившихся на эшафоте потоках крови, что происходило не по воле государыни, «...*но из честолюбия, злобы, мицения и ненасытного сребролюбия герцога Курляндского*» [18, с. 324-325]. Видный историк николаевского времени Николай Герасимович Устрялов¹ написал: «...*царствование Анны представляет две совершенно различные картины: в первые ... четыре года, когда императрица следовала внушению собственного ума и сердца и уважала советы людей благонамеренных, народ благословлял свою долю... В последние шесть лет, когда все делалось по воле Бирона, отечество страдало и внутри и извне...*» [22, с. 207]. Намного позже, в царствование Александра III, вышла книга искусствоведа Петра Николаевича Петрова «История Санкт-Петербурга с основания города, до введения в действие выборного городского управления, по Учреждениям о губерниях: 1703—1782», в которой история развития Петербурга связывается с историей России. П.Н. Петров активно обвинял обер-камергера в антирусской политике, противной воле императрицы. «*И если бы, не чрезвычайное влияние на дела гр. Бирона, получившего сан герцога курляндского и поддерживавшего все немецкое, в ущерб национальному русскому, – то, потомство бы к имени Анны могло придать без лести прозвание с п р а в е д л и в о й г о с у д а р ы н и*², умевшей внушать к себе и своему высокому сану должное уважение» [20, с. 280].

¹ Н.Г. Устряловым приводится свидетельство, нигде более не упоминаемое, что Бирон, находясь под арестом в Шлиссельбурге, «...*впал в совершенное отчаяние и в малодушном страхе едва не лишился рассудка, когда услышал смертный приговор*» [22, с. 246].

² В оригинальном издании эти слова выделены курсивом – П.Б.

Художественная литература этого времени неоднократно шаблонно рисовала образ обер-камергера. Для писателей Бирон оказался тем персонажем, который в одиночку формирует все зло в сюжете произведения.

В начале 1820-х гг. в думе «Волынский» будущий декабрист Кондратий Рылеев написал, как борец за правду А.П. Волынский, не боясь умереть за истину, стремился раскрыть Анне Иоанновне глаза на «...пороки... ужасные дела, коварный ум и нрав жестокий» «гордого» Бирона.

Десятью годами позже К.П. Масальский в книге «Регентство Бирона» описывает, как герцог Курляндский во время игры в карты отдает адъютанту приказ о применении пыток к подозреваемым, а И.И. Лажечников в романе «Ледяной дом» написал, что в Летнем дворце на смену Петру Великому поселился Бирон, «поставив у входа [во дворец] секиру».

В середине XIX в. произошли знаковые перемены в российской исторической науке. Наиболее значительные из них это – критичное отношение ученых к источникам, обширные исследования в архивах, акцентирование внимания на социальных и экономических факторах и падение значения отдельной личности в исторических событиях. В связи с этим реже стали говорить об исключительной роли Бирона в формировании атмосферы во всей России. Вместе с тем ряд первостепенных историков продолжили традицию тотального отвержения Бирона.

С.М. Соловьев одним из первых стал взвешенно подходить к роли Бирона в жизни страны: «Бирон во внутренние дела не вмешивался, только принимал просьбы, чтобы оказать услугу просящим, да принимал еще участие в делах, касавшихся общей пользы, и такое участие, что правительственное лицо, хотевшее держаться на своем месте и действовать с успехом, должно было непременно посылать свои доклады обер-камергеру» [23, с. 1611].

Н.И. Костомаров [14, с. 823] и С.Ф. Платонов [21, с. 583], которые в своих трудах особое внимание уделяли жизни простого народа, не проводили детальный анализ царствования Анны Иоанновны, во время которого усиливалась крепостная зависимость крестьян. Личность Бирона была этим историкам не интересна. Оценка Н.И. Костомарова и С.Ф. Платонова императрицы и ее сподвижников негативна.

В.О. Ключевский своим изложением истории России пытался максимально увлечь читателя, для чего он применял яркие образы. Поэтому не удивительно, что, по мнению этого историка, в десятилетнее правление Анны Иоанновны «немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении» [13, с. 272]. Избегая устоявшихся выражений о значении Бирона в делах страны, В.О. Ключевский написал, что обер-камергер «...не принимал прямого, точнее открытого участия в управлении: он ходил крадучись, как тать, позади престола» [13, с. 272]. И, хотя все современники Бирона утверждают, что обер-камергер был страстным коневодом, В.О. Ключевский говорит о «каналье курляндце», «умевшего только разыскивать породистых собак» [13, с. 272].

Проведя колоссальную архивную работу, Е.П. Карнович, историк и беллетрист времен Александра II, впервые в России со статьей «Значение бироновщины в русской истории» попытался беспристрастно проанализировать роль и место Э.И. Бирона в российских событиях 1730-х гг. Е.П. Карнович обратил внимание на безосновательность претензий к Бирону по поводу участия в управлении страной. «...Обвинение его судебным порядком за участие в советах по таким делам представляется крайне несообразным. Он присутствовал в советах по воле самодержавной государыни... Вообще же обвинение Бирона по этому пункту оказывается собственно обвинением императрицы Анны Ивановны и ее советников, но никак не Бирона» [12, с. 95]. Ознакомившись с частной перепиской между герцогом и его корреспондентами (среди которых было много просителей), Е.П. Карнович опровергает устоявшееся мнение о грубости обер-камергера: «...приходится сказать, что он бывал далек от того нахальства и той надменности, какие выставляют обыкновенными чертами его характера» [12, с. 95]. Назначение Бирона регентом Е.П. Карнович расценивает не как доказательство тщеславия герцога, а как логическое следствие жизни Анны Иоанновны: «При тех взаимных отношениях, какие постоянно, в течение более

двадцати лет, существовали между императрицей и ее любимцем, она никого не могла предпочесть Бирону и не могла оказать никому более доверенности, как ему» [12, с. 102].

Подводя итог своего исследования, Е.П. Карнович отказывается от того, чтобы поместить Бирона в ряд выдающихся преступников. «...Бироновица чувствовалась только при дворе, и что было бы чрезвычайно ошибочно переносить совершившиеся там события в народную жизнь, которая шла своим старым, слишком печальным чередом, причем личное влияние Бирона не отзывалось на ней никакими новыми небывалыми до того суровостями и жестокостями, ни особыми угнетательными системами» [12, с. 119]. Статья Е.П. Карновича, опубликованная в журнале «Отечественные записки» в 1873 г., оказала мало влияния на дальнейшую историографию о Бироне, об этой статье вспомнили только в конце XX в.

Советская историография ничего не изменила в устоявшемся мнении о Бироне. Всегда без исключения курляндский фаворит «ленивой и малообразованной» [3, с. 68] царицы получал сжатые негативные характеристики. Фактически, задача советской историографии заключалась в том, чтобы в нескольких предложениях описать герцога самым нелюбимым образом. Проверенный прием – указать на «антинародную» и «антироссийскую» политику обер-камергера, которой противостоял русский народ. Подчеркивалось, что на протяжении царствования Анны Иоанновны «враждебность широких народных масс и особенно русского дворянства к иностранцам и прежде всего к Бирону все более усиливалась» [19, с. 265], и как следствие этого «центром сопротивления клике Бирона – Остермана и натиску Остзейцев был Сенат» [10, с. 267]. Но иногда историками применялись более изощренные способы очернить Бирона. Например, в Большой Советской энциклопедии, изданной в СССР в 1950 г., в разгар антишпионской кампании, говорилось, что «за предательское содействие в заключении невыгодного для России англо-русского торгового договора 1734 г. Бирон получил от английских купцов взятку в 100 тыс. руб.» [4, с. 251].

В советское время персонаж Бирона появлялся и в художественной литературе, и в кинематографе. В романе В.С. Пикуля «Слово и дело» об обер-камергере сказано, что коных, ласкающий попеременно то кобыл, то царицу «...любил наполнять карманы драгоценностями и потом играл ими в разговоре». А, например, в телевизионном фильме «Михайло Ломоносов» образ Бирона приобретает демонические черты.

В постсоветской историографии сохраняется мнение, что фавор Бирона «отмечен грубым произволом, массовыми арестам, пытками, взяточничеством и казнокрадством...» [9, с. 120]. Эта позиция, с одной стороны, поддерживается историографической традицией, с другой стороны, популяризация исторической науки, происходящая после 1991 г., имеет и такое последствие, как схематичность.

Но в последнем десятилетии XX в. произошло принципиальное изменение в отношении историков к личности Э.И. Бирона. Это стало возможным после публикации документов, не известных ранее широким кругам.

Крупным российским исследователем Эпохи дворцовых переворотов является Е.В. Анисимов. В 1994 г. вышла в свет книга «Россия без Петра: 1725-1740», в которой автор описал много неопубликованных архивных материалов и провел критический анализ общеизвестных источников. Е.В. Анисимов обращает внимание, что авторов мемуаров, писавших, что Бирон боролся со своими противниками при дворе, можно обвинить в том же [2, с. 248]. Историк сослался на малоизвестные мемуары князя Я.П. Шаховского, который без ненависти вспоминал о герцоге Курляндском. В этих мемуарах содержится многое, что не похоже на распространенное мнение о злобе и мстительности Бирона. Я.П. Шаховской так передает слова Бирона о своем назначении в 1740 г. главой петербургской полиции: «Вот, князь Шаховской, я не забыл дружбу дяди твоего и что я тебя любил, а ты променял было меня на Волинского. Но я сие предаю теперь в забвение, и в том будьте уверены, что я ваш всегдашний доброжелатель» [24, с. 22].

Е.В. Анисимов делает вывод, что Бирон – больше, чем придворный фаворит. Он – человек, который занимался внутри- и внешнеполитическими вопросами. Сохранившиеся документы «убедительно говорят о ключевом месте фаворита во всех тогдашних властных структурах» [2, с. 248]. И дело не в том, что Бирон всеми силами стремится к власти,

но в том, что чиновники и вельможи сами искали содействия Бирона, потому что «в условиях вязкой бюрократии... делать что-то полезное государству можно было, лишь если этому помогала чья-то мощная рука» [2, с. 250].

Монография, посвященная жизни Э.И. Бирона появилась в 2006 г. в серии «Жизнь замечательных людей». Благодаря автору этой работы, И.В. Курукину, все участники событий предстают перед читателем адекватными людьми с понятными желаниями и поступками.

И.В. Курукин категорически не согласен, что появление в Петербурге «временщика» Бирона – случайность, потому что «выстроенный в ходе [петровских] реформ политический механизм объективно нуждался в фигуре фаворита, чтобы освободить колоссальный объем власти, сосредоточенной в руках государей и государынь, не обладавших хоть в малой мере уникальными способностями Петра Великого» [15, с. 402]. Именно Бирон «...превратил малопочтенный образ ночного “временщика” в настоящий институт с неписанными, но четко очерченными правилами и границами» [15, с. 402-403]. Для многих деятельных людей эпохи Бирон оказался «...в высшей степени влиятельным лоббистом, который был в состоянии не только получить царскую подпись-санкцию, но и одним словом запустить механизм исполнения “полезных дел”, чтобы нужные решения не “залежались” в очередной канцелярии» [15, с. 136].

Подводя итог своего исследования, И.В. Курукин дает объяснение негативного отношения к деятельности Бирона. Закрепившийся в массовом сознании образ враждебного интересам государства «режима бироновщины» – это результат поверхностных знаний о происходивших в России процессах. «...Пресловутая “бироновщина” на деле означала не столько установление “немецкого господства”, сколько создание лояльной управленческой структуры после политических “шатаний” 1730 года» [15, с. 403]. В действительности, Бирон не совершал поступков, способных всерьез повредить благополучию Российской империи. К несчастью для него самого и памяти о нем Бирон «...стал восприниматься как “злой гений” царствования Анны Иоанновны, то есть сыграл роль “громоотвода”, чем оказал еще одну услугу своей государыне и помог спасти “имидж” послепетровской монархии. “Немец” оказался идеальной фигурой для концентрации общественного недовольства, что и пришлось испытать Бирону на себе: за три недели регенства он заплатил двадцатью годами ссылки» [15, с. 405].

Книга, вышедшая в серии «ЖЗЛ», – это фундаментальный труд, который должен изменить отношение к личности обер-камергера Э.И. Бирона. В ближайшее время, без сомнения, стоит ожидать новых работ по истории царствования Анны Иоанновны. Будет увеличиваться и историография о личности Бирона, архивные материалы о котором еще ждут своего исследователя [15, с. 123].

Источники и литература.

1. Андреев В. Представители власти в России после Петра I. СПб., 1871. 428 с.
2. Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994. 496 с.
3. Анна Иоанновна // Большая Советская энциклопедия: В 30 т. // Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1970. Т. 2. 632 с.
4. Бирон // Большая Советская энциклопедия: В 52 т. // Гл. ред. С.И. Вавилов. М., 1950. Т. 5. 651 с.
5. Бирон // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. За. СПб., 1892. С. 481-952.
6. Бурхард Христофор Миних. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи // Безвременье и временщики: воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы) // Сост., коммент. Анисимов Е.В. Л., 1991. С. 25-79.
7. Вейдемейер А.И. Обзор главнейших происшествий в России, с кончины Петра Великого до вступления на престол Елизаветы Петровны. Ч. 2. СПб., 1848. 111 с.
8. Записки о России генерала Манштейна // Прилож. к Русской старине. 1875. 392 с.
9. История России с начала XVIII до конца XIX века. // Отв. ред. Сахаров А.Н. М., 1998. 544 с.
10. История СССР с древнейших времен до наших дней. Серия первая. Т. III. Превращение России в великую европейскую державу. Народные движения XVII–XVIII вв. // Под ред. Пономарева Б.Н., Рыбакова Б.А. М., 1967. 748 с.
11. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. 110 с.
12. Карнович Е.П. Значение бироновщины в русской истории // Отечественные записки. 1873. Т. 11. С. 93-142.

13. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Курс русской истории. М., 1989. Т. 4. 398 с.
14. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2008. 1024 с.
15. Курукин И.В. Бирон. М., 2006. 426 с.
16. Манштейн // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т.18 а. СПб., 1896. С. 481-961.
17. Миних // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 19. СПб., 1896. 476 с.
18. Начертание истории государства Российского, составленное профессором исторических наук в Императорском Царскосельском лицее, Императорской Академии наук корреспондентом, статским советником и кавалером Иваном Кайдановым. СПб., 1834. 446 с.
19. Очерки истории СССР. Период феодализма: Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. // Под ред. Барановича А.И., Бескровного Л.Г., Заозерской Е.И. М., 1957. 867 с.
20. Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города, до введения в действие выборного городского управления, по Учреждениям о губерниях: 1703-1782. СПб., 1884. 848 с.
21. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб., 2002. 800 с.
22. Русская история Н. Устрялова. Ч. III. СПб., 1839. 301 с.
23. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. XVI-XX. СПб., 1896. 1656 с.
24. Шаховской Я.П. Воспоминания // Империя после Петра. История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII-XX. Я.П. Шаховской, В.А. Нащокин. И.И. Неплюев // Сост. Либерман А., Наумов В. М., 1998. С. 9-224.
25. Эрнст Миних. Записки // Безвременье и временщики: воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы) // Сост., коммент. Анисимов Е.В. Л., 1991. С. 81-187.

РУСИНЫ ЗАКАРПАТЬЯ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Веселов В.И.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Последние десятилетия XX столетия, вопреки существующим теориям о постепенном и неизбежном отмирании национальных и этнических различий [25], стали временем возрождения культуры и самосознания этносов, этнических групп и национальных меньшинств как в мире вообще, так и на территории постсоветского пространства, в частности. В связи с участвующимся в международной практике применением основных принципов права народов на самоопределение, вопрос этнической принадлежности в конце XX – начале XXI вв. приобрел политическую окраску. Одним из результатов этого процесса в ряде случаев стало возникновение новых «горячих точек», рост межэтнической напряженности. Но, помимо территорий, где рост этнического самосознания привел к возникновению межэтнических конфликтов, остался целый ряд мест, где процесс этнокультурного возрождения народов происходил в мирных условиях. К последним может быть отнесено возрождение русинской идентичности среди части автохтонного восточнославянского населения Карпат. На протяжении двух последних десятилетий в Закарпатской области Украины, а также на сопредельных территориях соседних государств, произошел резкий рост числа людей, позиционирующих себя как русины, отличающих себя от других восточнославянских народов: русских, украинцев, белорусов.

С возрождением русинской идентичности в Прикарпатье возобновились споры, как в научном сообществе, так и в публицистике, вокруг вопроса об этнической принадлежности русинов.

В историографии существует три основные точки зрения на эту проблему.

Ряд исследователей считают русинов:

- 1) этнографической группой украинского народа;
- 2) этнографической группой русского народа;
- 3) самобытным восточнославянским народом, отличающимся от русских, украинцев и белорусов.

Противостояние вышеперечисленных точек зрения об этнической принадлежности русинов на протяжении последних двух столетий сопровождалось борьбой внешних сил за контроль над стратегически важным регионом Подкарпатья. Практически все государства Центрально-Восточной и Восточной Европы так или иначе претендовали на территорию, населенные русинами. Свои претензии они стремились подтвердить наличием исторически обусловленных прав на эти земли. В связи с этим, на протяжении XX столетия эта местность, равно как и её автохтонное восточнославянское население (русины) неоднократно подвергались смене названий. Происходило это по разным причинам, не в последнюю очередь в связи с насущными идеологическими потребностями того или иного государственного образования.

До 1918 г. Подкарпатье входило в состав Венгерской (Транснистрийской) части дуалистической Австро-Венгерской монархии. Административной единицы из зоны компактного расселения русинов в Подкарпатье так и не возникло вплоть до распада государства. Административно-территориальное деление оставалось традиционным, основанном на исторически сложившейся системе венгерских комитатов. Практически ни в одном из них русины большинства не составляли [13, с. 9]. В начале XX в. в венгерской исторической науке, публицистике и делопроизводстве было принято название для этих земель, которое можно перевести как «Горный» или «Верховинский край». Венгерская администрация заведомо избегала этнонимических наименований этой территории. Население не

имело определенного устоявшегося официального названия. В документах использовалось несколько терминов: «русин», «угро-русин», «карпаторос» и т. д.

Во время бурных революционных событий 1918-1920 гг. на территориях компактного расселения русинов возникли три центра власти. Каждый из них обладал отличным от другого взглядом как на этническую принадлежность русинов, так и на будущую государственную принадлежность территории их расселения: Пряшов тяготел к Чехословакии, Ужгород – к Венгрии, Хуст – к Западно-Украинской Народной Республике [27, с. 104-105]. На непродолжительное время в Подкарпатье установилась власть Советской Венгерской Республики и Советской Словацкой Республики. Также военными формированиями ЗУНР была совершена неудачная попытка занять эти территории.

В период между двумя мировыми войнами Подкарпатье входило в состав Чехословакии, где оно де-юре обладало территориальной автономией. Из районов компактного расселения восточнославянского населения, за исключением вошедшей в состав Словакии Пряшовщины, было сформировано территориальное образование Подкарпатская Русь. Четкого представления об этнической принадлежности населения этой территории центральное правительство в Праге не имело. После первоначального установления своей власти в Подкарпатье оно стремилось лишь минимизировать влияние провенгерски настроенной части интеллигенции и административного аппарата. В официальных документах автохтонное восточнославянское население Подкарпатья именовалось «русины».

В ходе раздела Чехословакии, последовавшего за «Мюнхенским сговором», в 1939 г. на части территории Подкарпатской Руси украинскими националистами было образовано государство Закарпатская Січ. Все автохтонное восточнославянское население, проживавшее на этих территориях, они считали украинцами [22, с. 56].

С 1939 по 1944 гг. Подкарпатье входило в состав Венгрии, во главе которой в то время стоял адмирал и 4-й регент М. Хорти. В официальных документах автохтонному восточнославянскому населению Подкарпатья вернули этноним «русины» [22, с. 58].

После 1944 г. земли в границах бывшего территориального образования Подкарпатская Русь вошли в состав СССР как Закарпатская область УССР. В рамках господствовавшей идеологии автохтонное восточнославянское население стало считаться этническими украинцами. Была предпринята попытка навязать также и проживавшим в зонах компактного расселения за пределами СССР русинам представление об идентичности этническим украинцам. В первую очередь эта политика распространялась на русин Пряшовщины, которая осталась в составе ЧССР.

С 1991 г. по настоящее время Закарпатская область входит в состав независимой Украины. Населению, сохранившему русинскую идентичность, отказано в праве получить официальный статус национального меньшинства. Официальный Киев не признает существование русинов как отдельной нации. Все автохтонное восточнославянское население Подкарпатья объявляется украинцами.

В связи с таким большим количеством применявшихся топонимов и этнонимов, в дальнейшем в данной работе будет использоваться для обозначения автохтонного восточнославянского населения современной Закарпатской области Украины термин «русины», а для территории их проживания – термин «Подкарпатье».

Три основных взгляда на этническую принадлежность русинов, озвученных мной выше, сформировались уже к началу XX века.

Первой сформировавшейся точкой зрения являлось представление о том, что русины — это этнографическая группа русского народа.

В условиях тысячелетнего пребывания в составе венгерского государства, в окружении чуждых в языковом или же религиозном отношении народов, православие, а позднее греко-католицизм, сыграли принципиальную роль в вопросе сохранения восточнославянской идентичности и языка. Религиозная принадлежность, единство богослужебного языка и обрядов приводили к формированию четкого представления духовенства о близости с людьми по ту сторону Карпат, о генетических связях с Русским государством. По этой причине, не смотря на такое, казалось бы, труднопреодолимое препятствие, какое представляли собой Карпаты, взаимосвязи с остальным массивом восточнославянского насе-

ления не угасали. До второй половины XVIII столетия в Подкарпатье отсутствовали типографии, печатавшие кириллицей. Потребность в богослужебных книгах удовлетворялась за счет их импорта из ключевых центров кириллического книгопечатания, находившихся по другую сторону Карпат.

Во второй половине XVIII столетия в Подкарпатье униатским духовенством целенаправленно стали формироваться центры религиозной образованности [22, с. 42]. Но, зачастую, формировавшаяся интеллигенция не находила применения полученным знаниям на родине, что привело к её оттоку в Российскую Империю, где продолжал ощущаться дефицит в образованных людях. Именно такими выдающимися выходцами из Подкарпатья как Иван Орлай и Юрий Гуца-Венелин, работавшими в Санкт-Петербурге [27, с. 64], были заложены основы представления в отечественной историографии о русинах как части русского народа.

Особую роль в распространении этого представления в широких слоях населения самого Подкарпатья сыграл Венгерский поход русской армии. Русины с огромным воодушевлением встречали родственных им по языку и религии русских солдат. После 1849 г. мы можем наблюдать всплеск русофильских настроений во всех слоях русинского общества, который вылился в подавляющее господство представления среди интеллигенции и духовенства о необходимости внедрения русского литературного языка как официального во все сферы публичной жизни [13, с. 48-55]. Результатом этого всплеска стало появление пласта литературы, созданной русинской интеллигенцией на специфическом диалекте русского языка, получившим название «язычие».

Представление о русинах как об этнографической группе русского народа даже не смотря на волну репрессий австро-венгерского правительства в годы Первой Мировой войны [22, с. 50] занимало прочные позиции среди русинской интеллигенции вплоть до начала Второй Мировой войны и, по всей видимости, сохраняется в среде православного духовенства по сей день.

Второй точкой зрения на этническую принадлежность русинов является представления о них как об этнографической группе украинского народа.

Распространение украинской идентичности среди русинской интеллигенции началось примерно с 1870-х гг. Она была «импортирована» из Галиции и, первоначально, особой популярностью среди местной интеллигенции и духовенства не пользовалась.

Ключевую роль в становлении и распространении в широких слоях русинского общества украинской идентичности сыграли два фактора:

Первый фактор – признание Коминтерном, а затем и Коммунистической Партией Чехословакии в 1926 г., что русины являются этнографической группой украинского народа. Даже в период между двумя мировыми войнами коммунисты в Подкарпатье пользовались популярностью, получая на выборах до 30% и обеспечивая Коммунистической Партии Чехословакии дополнительные места в парламенте [27, с. 122-123].

Впоследствии, после вхождения Подкарпатья в границы Подкарпатской Руси в состав СССР, украинская идентичность, в соответствии с установкой, данной лично И.В. Сталиным, насаждалась насильственными методами. В результате к моменту распада СССР даже западные ученые были полностью уверены в окончательной победе украинской идентичности в Подкарпатье [29].

Украинская идентичность также насаждалась насильственными методами и в государствах-союзниках СССР в Центральной Европе, где находились зоны компактного расселения русин (в ЧССР) [24, с. 29].

Второй фактор, оказавший влияние на распространение русинской идентичности – эмигранты – украинцы из Галиции, которые стремились в период между двумя мировыми войнами занять посты в системе образования Подкарпатской Руси на всех уровнях. Их деятельность в этом направлении можно считать успешной. По разным данным, они занимали до двух третей учительских вакансий. Ими было воспитано поколение людей, преданных идеям украинского национализма.

Впоследствии, в послевоенный период, в эмиграции эти люди создали пласт украинофильской литературы, пережившей очередную всплеск переиздания в начале 90-х годов

XX столетия, когда потребовалась критика «русинского возрождения» – активизации деятельности интеллигенции обладавшей русинской идентичностью.

Украинская идентичность в настоящее время является господствующей среди автохтонного восточнославянского населения Подкарпатья, о чем свидетельствуют результаты переписи населения Украины 2001 года.

Третья точка зрения на этническую принадлежность русин заключается в утверждении самобытности русинского народа как четвертого восточнославянского, после русских, украинцев и белорусов.

Это представление об этнической принадлежности русинов начало оформляться в среде русинской интеллигенции и духовенства, лояльного венгерскому правительству, а также «почвеннической» интеллигенции, ориентированной на кодификацию местных карпатских говоров и формирование на их основе самобытного литературного языка во второй половине XIX века.

В период между мировыми войнами распространение этой идентичности активно поддерживалось венгерским правительством. Ее расцветом в Подкарпатье можно, безусловно, считать время венгерской оккупации 1939-1944 гг., когда распространение всех других идентичностей подавлялось насильственным путем. На этот период пришелся расцвет научной, этнографической и публицистической деятельности автохтонной интеллигенции [22, с. 58-59].

После освобождения Центральной и Восточной Европы Красной Армией, казалось, что по распространению русинской идентичности в Подкарпатье был нанесен удар, от которого она уже не оправится. Представители интеллигенции, обладавшей русинской идентичностью, были объявлены коллаборационистами. В 1949 г. была ликвидирована собственная Униатская церковь.

Русинская идентичность, казалось, сохранилась лишь вне зоны влияния Советского Союза. Единственным местом в Европе, где компактно проживали русины, сохранявшие свою идентичность, осталась Югославская Воеводина. Община русинов в Воеводине оказалась крайне устойчива к ассимиляции. Она еще в 1920-е гг. сформировала полноценный литературный язык. Впоследствии активно сопротивлялась слиянию с украинской общиной Югославии и не принимала югославскую идентичность.

Особую роль в сохранении русинской идентичности сыграли Канадская и Американская общины. Они сформировались в конце XIX – начале XX вв., когда эмиграция из Австро-Венгрии достигала огромных масштабов. Общины проявили устойчивость к ассимиляции и растворению в полиэтничных обществах североамериканских государств. Также общины успешно сопротивляются слиянию с гораздо более многочисленной украинской общиной.

Именно выходцы из североамериканских общин сыграли огромную роль в возрождении русинской идентичности на своей «старой» родине. Они оказали не только существенную финансовую, но и интеллектуальную поддержку этому движению, в том числе и при организации Съездов Русин. Работы П.Р. Магочия, профессора университета Торонто, имеют значительное влияние на информационное поле Подкарпатья. Оказывают они влияние и на научную жизнь, на изучение русинов.

После ослабления влияния СССР в Центральной Европе, а затем и его распада, произошло неожиданное для всех возрождение русинской идентичности в Подкарпатье. В начале 1990-х гг. наблюдался всплеск активности интеллигенции, воспринявшей русинскую идентичность. Тем не менее, результаты переписи населения Украины 2001 г. показали крайнюю малочисленность людей, идентифицирующих себя как русинов [15, с. 64-66].

Это заставило русинскую интеллигенцию перейти на позиции необходимости пропаганды, что выразилось в активизации публицистической деятельности, в издании типографией Падяка многочисленных научно-популярных брошюр.

Несмотря на малочисленность, влияние русинов в медиапространстве Закарпатской области велико. Этому способствует не только деятельность светской интеллигенции. Существенную роль играет позиция как определенных кругов УПЦ МП, так и Мукачевского Униатского епископата, принимающих активное участие в просветительской дея-

тельности. Ярким представителем «русинского возрождения» является настоятель кафедрального ужгородского храма о. Сидор.

На сегодняшний день основная борьба разворачивается между русинской и ныне господствующей украинской идентичностями. Нельзя не замечать того факта, что существенная часть современной закарпатской интеллигенции обладает украинской идентичностью и активно ее защищает. Деловые и политические элиты Закарпатской области также хорошо интегрированы в украинскую нацию.

Ключевую роль в сохранении русинской идентичности всегда играли духовенство и интеллигенция. Эту же роль они продолжают играть и сегодня. Будущее русинской идентичности сейчас зависит от их способности вести просветительскую деятельность в широких слоях населения.

Источники и литература.

1. Алексеев Г.Д. Огни в межгорьях. Ужгород, 1985.
2. Археология Прикарпатья, Вольны и Закарпатья : (Раннеслав. и древнерус. Периоды). К., 1990.
3. Бескид Н. Карпаторусская древность. Ужгород, 1928.
4. Буркут І. Русинство: минуле і сучасність. Чернівці, 2009.
5. Годынки А. Утцознина, газдувство и прошлосте южнокарпатских русинов Будапешт, 1922.
6. Гранчак, Иван Михайлович Закарпатье в семье народов СССР: К 40-летию воссоединения Закарпатья с УССР. Ужгород, 1985.
7. Грушевский М. Історія України-Руси. Т. I. 1898/1913.
8. Деволан Г.А. Угорская Русь: исторический очерк. М., 1878.
9. Добрянский А. О Западных границах Подкарпатской Руси со времен св. князя Владимира. ЖМНП. СПб., 1880.
10. Духнович А. Истинная история Карпато-Россов или Угоских Русинов. СПб., 1853.
11. Закарпаття в етнополітичному вимірі под ред. М. Панчука. К., 2008.
12. Закарпатье: прошлое и настоящее: Сборник. Ужгород, 1985.
13. Й. Перени Из Истории закарпатских украинцев (1849-1914). Будапешт, 1957.
14. Магочій П.Р. Я русин был, емь и буду... : выступления на Світових конгресах русинув. Ужгород, 2005. Магочій П.Р. Наша Отцознина : іст. карпат. русинув (куртый напис діла русин. недільных шк., четвертый цвіт, 14-15 рокув). Ужгород, 2005.
15. Магочій П.Р. „Я русин біл, емь и буду...”: Выступления на світових конгресах русинув. Ужгород, 2005.
16. Майборода О. “Політичне русинство”: Закарпатська версія периферійного націоналізму. К., 1999.
17. Марьяна В.В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. М., 2003.
18. Мишанича О.В. „Карпаторусинство”, його джерела й еволюція у ХХ ст. Драгобич, 1992.
19. Мишанича О.В. От подкарпатских русинов к закарпатским украинцам. Ужгород, 1991.
20. Надеждин Н.И. Записки о путешествии по южнославянским странам. ЖМНП Т. 34. СПб., 1842.
21. Петров А.Л. Материалы для истории Угорской / Закарпатской Руси. СПб., 1905-1914; Прага, 1923.
22. Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2006.
23. Пушкаш А. Цивилизация или варварство: Закарпатье. 1918-1945. М., 2006.
24. Стерчо П. Карпато-Українська Держава: до історії визвольної боротьби карпатських українців у 1919-1939 роках. Львів, 1994.
25. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
26. Удвари И. Образчики з історії підкарпатських Русинув. Причинки до історії підкарпатських русинів : XVIII ст. : изглядвання з історії культури и языка. Ужгород, 2000.
27. Шевченко К.В. Русины в межвоенной Чехословакии. М., 2006.
28. Kuzio T. Rusyns in Ukraine: Between Fact and Fiction // Canadian Review of Studies in Nationalism, Vol. 32, nos.1-2. Toronto, 2005.
29. Magosci P.R. The Shaping of a National Identity: Subcarpathian Rus', 1848-1948. Toronto, 1978.
30. Magosci P.R. A History of Ukraine Toronto, 1998.
31. Magosci P.R. Pop I. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Toronto, 2002.
32. Požun B. The Rusyns of Hungary: end of the millennial struggle // CER. Vol. 3. 2001.
33. Požun B. Multi-ethnic Outpost // CER. Vol. 2. 2000.
34. Požun B. Caught in the Middle: Carpatho-Rusyns and the Vojvodina // CER. Vol. 3. 2001.

ВОЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ В ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ. ЛАЗАРЬ ЛАГИН И АЛЕКСАНДР ХАМАДАН

Иванова В.А., Михайлюк С.В.

Севастопольский филиал Саратовского государственного социально-экономического университета

Героическая 250-дневная оборона Севастополя 1941-1942 гг. занимает особое место в ряду решающих сражений Великой Отечественной войны. Окруженный с суши, блокированный с моря, под ударами с воздуха восемь месяцев оборонялся Севастополь. На сева­стопольской земле в годы Оборона сражались тысячи воинов.

Авторы в своей работе остановились на истории двух военных корреспондентов, которые служили в Севастополе в годы Оборона 1941-1942 гг. Это автор всемирно известного «Старика Хоттабыча» писатель Лазарь Гинзбург (Лагин) и писатель Александр Хамадан (Файнгорн).

Лазарь Лагин родился в Витебске 22.11(4.12) 1903 г. в бедной еврейской семье, в которой было 5 детей. Лазарь был самый старший. Отец работал сплавщиком плотов; чтобы отдать мальчика учиться накопил деньги, переехал в Минск и купил лавку скобяных товаров. Лазарь закончил высшее начальное училище (начальная школа с высоким качеством образования).

В то время, когда он заканчивал учиться разгорелась Гражданская война. Лазарь был активным ее участником. Его принимают сразу в партию, даже не в комсомол. В Белоруссии он был основателем комсомольской организации, там же заболел туберкулезом. Затем поступил в консерваторию на вокальное отделение. Учился один год, но понял, что это не его стезя. Кстати, до конца жизни Л.И. Лагин очень любил русские романсы.

В 1922 г. Л.И. Лагин начинает публиковаться в газетах. В конце 1922 г. отец перевез семью в Москву, где стал работать наборщиком, а Лазарь поступил в институт народного хозяйства им. К. Маркса (сегодня это Плехановский университет). После окончания института Лазаря призвали в армию, служил он в Ростове-на-Дону [1, с. 21].

Во время службы Л.И. Лагин писал стихи, продолжал публиковаться. После окончания службы поступил в Институт Красной профессуры. Защитил диссертацию по экономике. Вскоре перешел в сатирический журнал «Крокодил», редактором которого был М.Е. Кольцов. Кстати, М.Е. Кольцов спас Лагина от неминуемого ареста. Когда в 1937 г. к Л.И. Лагину приходили «гости» с ордером на арест, он сначала скрывался у друзей, затем по мандату Союза писателей СССР, который устроил Кольцов, уехал в творческую командировку на о. Шпицберген. Два года писатель «лепил во льдах» веселого джинна Хоттабыча и его спасителя Вольку Костылькова [4].

После возвращения Лагин работал в журнале «Пионер», тогда же стал публиковать «Старика Хоттабыча». Первая книга вышла в 1940 г. – пока еще как повесть для детей, а не как памфлет на взрослых. В 1955 г. книга вышла со всеми фрагментами; тогда же на Ленфильме режиссером Г.С. Казанцевым была снята одноименная кинолента.

Книга Л.И. Лагина «Старик Хоттабыч» была переведена на 20 языков мира [7, с. 13]. Несмотря на этот успех книга удостоилась всего трех рецензий, а ее автор не получил никаких наград. На вопрос о наградах Л.И. Лагин отвечал: «*О талантах людей лучше судить не по наградам, а по их отсутствию*» [5, л. 23].

С первых дней войны Л.И. Лагин служил военным корреспондентом в Дунайской военной флотилии, затем участвовал в боях за Одессу. В Севастополь приехал в июле 1941 года.

В Морской библиотеке г. Севастополя хранятся подшивки газет военных лет. Севастопольский писатель М.Л. Лезинский (ныне проживает в Израиле) писал: «*Просматривая «Красный черноморец» за 1941-1944 годы и часто встречаю имя Л.И. Лагина. И хо-*

тя Лагин не числился в штате редакции — служил в Политуправлении флота, — но его участие в газете было более чем заметным. Автор «Старика Хоттабыча» — книга вышла за несколько лет до начала Великой Отечественной войны и была очень популярной, — был просто находкой для газеты». Далее М.Л. Лезинский продолжает: «Только за первый месяц войны, когда немцы стояли у Перекопа, я насчитал десятки его публикаций: басен, сатирических стихов, подписей к карикатурам...» [8, с. 3].

Газета «Красный Черноморец» — это будущая газета «Флаг Родины». Родилась газета в Мариуполе, когда в Севастополе не было флота; в 1927 г. газета переехала в Севастополь. Только в 1947 г. получила современное название (сейчас ее редакция находится на ул. Ленина, д. 51, в районе сквера комсомольцев).

Юмористический отдел «Рында» на страницах «Красного черноморца» (в этом отделе также работали поэт Л. Длигач и сын наркома просвещения А. Луначарский) стала рабочим местом политработника Лагина. Здесь же, на страницах флотской газеты, 23 октября 1941 г. Л.И. Лагин напечатал свою первую военную сказку «Шел трепач».

Только за сентябрь–октябрь 1941 г. Л.И. Лагин опубликовал во флотской газете десятки басен, фельетонов, сатирических «сказок», вселявших в сердца защитников Севастополя веру в победу, в чем он не раз убеждался, бывая на передовой.

Один из популярных фельетонов, опубликованных Л.И. Лагиным во флотской газете, носил название «Санаторно-курортная справка». В нем писатель, как заправский эскулап, рекомендовал фашистам целый ряд «лечебных процедур»: «уколы (штыковые), горячие припарки (артиллерийские), свинцовые примочки из первоклассных пуль, массаж прикладом» [8, с. 4].

Зимой 1941 г., в условиях непрекращающейся бомбардировки, редакция и типография газеты перешли в выделенный для них подвал школы № 5, располагавшейся на ул. Пролетарской (ныне ул. Суворова). На первом этаже школы сделали зал заседаний на 200-300 человек и оборудовали кинозал. В ожидании налетов немецкой авиации работники газеты по очереди дежурили на крыше здания.

Газету печатали вручную. Когда были перебои со светом использовали стеариновые свечи, жир с которых нередко капал на шрифт, что затрудняло работу. Для очистки шрифтов применяли нагретые утюги.

Л.И. Лагин в это время возглавлял отдел газеты «Рында».

В наиболее трагические дни обороны в июне 1942 г. его афоризм «С миру по нитке — Гитлеру петля» аршинными буквами был выведен на главной башне Генуэзской крепости в Балаклаве [5, л. 35]

В середине июня 1942 г. Л.И. Лагин покинул Севастополь и вместе с редакцией «Красного Черноморца» отправился на Кавказ.

Закончил войну Л.И. Лагин в Румынии в звании майора.

В 1946 г. вышли две его книги. Одна из них — «Броненосец Анюта» — повествует о событиях последних дней севастопольской обороны. Вторая книга — «Николаевский десант» — посвящена событиям 1944 г., подвигам Героя Советского Союза В. Ходарева.

В послевоенный период Лагин написал ряд заметных для своего времени памфлетов и рассказов «Патент АВ» (1947 г.), «Остров Разочарования» (1951 г.), «Атавия Проксима» (1956 г.), повести «Белокурая Бестия» (1963 г.), «Съеденный архипелаг» (1956 г.), «Майор Велл Эндью» (1962 г., своеобразное дополнение к «Войне миров» Г.Уэллса). Последнее произведение Лагина — роман «Голубой человек» (1964 г., по мнению критиков — неудавшийся роман), герой которого из 1950-х гг. случайно совершает путешествие во времени в царскую Россию и там встречается с В.И. Лениным, принимает участие в вооруженной борьбе [3, с. 15].

У Л.И. Лагина было много афоризмов, которые не утратили своей актуальности и сегодня. Например, «Клопа танком не раздавишь», «Одни люди вносят в общее дело свою лепту, а другие — свой лепет», «Как мухомор заботой не окружай — не вырастет из него боровик». При жизни Лагин любил повторять слова: «Слава — это хорошая женщина, но она, как правило, бывает не женой, а вдовой» [5, л. 45].

Друзей у Л.И. Лагина было много, среди них М.А. Светлов, Кукрыниксы, Ю.К. Олеша, Л.Д. Ландау, братья А.Н. и Б.Н. Стругацкие [3, с. 16].

М.Л. Лезинский вспоминал о знакомстве с писателем Л.И. Лагиным, с которым встретился через много лет после Победы в Москве [7, с. 4]. Первый разговор между ними был по телефону:

«—Мне бы хотелось встретиться...

— Для встречи не готов: выбрит не чисто, галстук и носки не поглажены, ботинки без шнурков!

— Я из Севастополя!

— С этого бы и начинали! Севастопольцы могут прийти-приехать ко мне в любое время дня и ночи...» [8, с. 4].

Встреча состоялась. И, конечно, вспоминали Севастополь, разбитые стены генуэзских башен в Балаклаве, штольни Инкермана, в которых ковалось оружие для защитников города и лечили раненых... Вспоминал старый писатель в беседе с М.Л. Лезинским и о своем довоенном творчестве [5, л. 67].

На прощанье Л.И. Лагин снял с полки книгу «Старик Хоттабыч» издания 1972 г. и надписал: «...севастопольцу и журналисту от автора этой глубоко правдивой повести. Л. Лагин. 25 июня 1974 года». Перечитал свою надпись и в скобках добавил: «На всю жизнь севастопольца» [4].

Скончался Л.И. Лагин (Гинзбург) 16 июня 1979 г. в Москве, когда ему исполнилось 75 лет.

Судьба военного корреспондента А.М. Хамадана (Файнгорна) сложилась трагически. Дипломат, журналист, писатель, он прожил короткую жизнь, но и этого времени было достаточно, чтобы его имя было навечно вписано в историю Севастополя.

А.М. Файнгорн родился в семье часового мастера в г. Дербенте (Дагестан) в 1908 году. В 1918 г. его семья выехала в г. Баку (Азербайджан) в связи с угрозой еврейского погрома. Здесь А.М. Файнгорн собирает группу сверстников, которые называли себя хамадановцами в честь города Хамадана, в котором по легенде жили добрые разбойники. Так А.М. Файнгорн становится А.М. Хамаданом.

В 1925 г. А.М. Хамадан уехал в Берлин к старшему брату, работал там на электрозаводе «Макс Леви» монтажником, затем на заводе «Красный Вейднинг» оказывал помощь немецкой молодежи в комсомольской работе. Выступал на митингах. За это был избит полицейскими и в 1926 г. был выслан в СССР по обвинению в коммунистической пропаганде.

В 1929-1932 гг. А.М. Хамадан работал в Китае заведующим отделом печати консульства СССР в Харбине. В 1933 г. будущий писатель работал заместителем заведующего иностранным отделом в редакции газеты «Правда». В 1935 г. посетил США и написал книгу репортажей «Американские силуэты». В 1938 г. был назначен заместителем главного редактора журнала «Новый мир».

Когда началась Великая Отечественная война А.М. Хамадан служил специальным военным корреспондентом ТАСС и неоднократно бывал на Черноморском Флоте в Севастополе.

Первая севастопольская командировка А.М. Хамадана оказалась самой длительной — с января по апрель 1942 года. Во вторую командировку А.М. Хамадан отправился в июне 1942 г.; до последнего дня обороны Севастополя он сражался на 35-й батарее.

А.М. Хамадан служил в составе 345-й дивизии. Он писал о главном штабе дивизии, о личном составе, об оснащении армии, о боях, продвижениях и потерях. Именно благодаря ему мы знаем как воевала дивизия, какие задачи перед ней были поставлены, о том, как она погибла.

А.М. Хамадан брал интервью у начальника штаба дивизии, у командира, у солдат, опубликовал статьи в газетах «Красное знамя», «Боевой путь». Он знал, что в тылу ждут его очерков о боях за город-герой Севастополь, ждут правды о героях 345-й дивизии.

В Севастополе А.М. Хамадан собирал материалы для книги «Севастопольские репортажи». Его героями становятся генералы Петров и Остряков, полковник Хомич и Ковтун, подполковник Гузь, комиссар дивизии Пичугин, хирург Пишел-Гаек, пулеметчица Нина Онилова и многие другие бойцы, командиры подразделений, защищавших Севастополь [6].

В самые тяжкие дни Героической обороны Севастополя Москва постоянно принимала корреспонденции специального корреспондента ТАСС А.М. Хамадана. Можно сказать, мир смотрел в тот миг на Севастополь глазами писателей и, в том числе, А.М. Хамадана.

Глазами А.М. Хамадана мы видим, как горсточка пограничников под командованием Герасима Рубцова удерживает от врага г. Балаклаву; как наши бойцы отстаивают Мекензиевы горы, не сдерживаем слез, читая как умирает «Анка-пулеметчица» - так звали Н. Онилову; находимся под впечатлением мастерства фронтового хирурга Пишел-Гаека, видим, как работает без руки Анастасия Чаус, штампуя мины для защитников города [6].

Очерки и репортажи, напечатанные в центральных газетах, составили книгу, которая вышла в 1942 г. под названием «Севастопольцы» (ветхий экземпляр этого издания находится в Севастопольском государственном архиве). А.М. Хамадана мечтал написать книгу о том, как возвратятся в Севастополь моряки, как выбьют фашистов с каменистой, пропитанной кровью, земли... Но сделать ему это не было суждено: контуженный он был взят в плен в районе Камышовой бухты и под фамилией Михайлов препровожден в Севастопольскую тюрьму [9, с. 3].

По воспоминаниям медсестры О.С. Мараховской, несмотря на тяжелые условия, голод, неволю, этот человек никогда не унывал. Он хорошо знал немецкий язык и стал работать переводчиком, чтобы помочь раненым. Как переводчик, он присутствовал при раздаче пищи, ему удавалось выманить у немцев лишний кусок хлеба или котелок баланды для раненых. Александр Михайлович был болен, когда узнал, что он на подозрении у немцев. Его выдал провокатор.

Рано утром 29 мая 1943 г. за ним приехали; поскольку он не мог ходить, его вынесли на носилках. Все, кто мог ходить, вышли его проводить... Вечером вахтер из охраны сказал, что А.М. Хамадана, лежащего расстреляли на Балаклавском шоссе [6].

Источники и литература.

1. Бегак Б. Хоттабыч и другие // Детская литература. 1986, № 3. 246 с.
2. Гинзбург Л.И.(Лагин) Избранное. М., 1975. 197 с.
3. Графов Э. И выпустили джинна из бутылки. О жизни и творчестве писателя Лагина. Беседа с дочерью писателя Н. Лагиной. // Культура. 1993, № 49. С.12-18.
4. Лазарь Лагин [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.peoples.ru/art/literature/prose/children/lazar_lagin/
5. Лезинский М. Истории, связующая нить // ГАГС. Оп. 1. Ф. Р-509. 237 л.
6. Лезинский М. Израильский дневник от 19.04.2006 г. [Электронный ресурс] // Сайт Я. Ерманка. Режим доступа: <http://content.mail.ru/arch/10471/1091262.html>.
7. Медведев В. Беспокойный волшебник (к 70-летию Л. Лагина) // Детская литература. 1973, № 8. 123 с.
8. Сычева О. Воспоминания М. Лезинского о Л.Лагине // Крымские известия. № 185(1190). 3 октября 1996. С. 3-4.
9. Хамадан А. Севастопольцы. Записки военного корреспондента. М., 1942. 122 с.

Сокращения:

ГАГС – Государственный архив г. Севастополя.

К ВОПРОСУ О ГУМАНИТАРНОЙ КАТАСТРОФЕ В КРЫМУ В 20-Х гг. XX в.

КРАПИВЕНЦЕВА В.А.

Филиал МГУ в городе Севастополе

В 1921-1923 гг. в Крыму разразилась масштабная гуманитарная катастрофа. В литературе бедствие этого периода принято характеризовать как голод. Однако, на мой взгляд, это определение достаточно узко и ограничено по смыслу, а также не охватывает все аспекты возникшей в начале 20-х гг. XX века катастрофы.

Первые признаки приближающегося голода были заметны уже в конце лета 1921 г., Несмотря на доклады местных властей в центр с просьбой помочь голодному населению полуострова, территорию Крымской АССР отнесли к числу голодающих областей лишь 16 февраля 1922 г. [9]. При этом, уже осенью 1922 г. количество голодающих составляло 232.150 чел., а весной 1923 г. достигло 234.657 человек [12]. Для Крыма с населением 720.428 чел. [12] это цифра была внушительной: примерно 1/3 всего населения.

Никто не может более красочно охарактеризовать положение голодающего населения и масштабы голода, чем очевидцы тех событий. В суточных сводах ЧК (ГПУ) за февраль-июнь 1922 г. постоянно встречается такая характеристика положения в Крыму: *«ужасы голода принимают кошмарные формы... Голод начинает достигать высших форм своего проявления... Голод в Крыму с каждым днем усиливается... Ежедневно от истощения умирают 25-30 человек, по дорогам валяются десятки умерших от голода трупов, которые не убираются по несколько дней...»* [10].

Далее в докладной записке по обследованию некоторых деревень Карасубазарского и Судакского районов, сильно пострадавших от голода, при описании положения населения деревни Биюк-Таракташ (ныне – с. Дачное) Судакского района за 1922 г. значится: *«Это можно сказать самая пострадавшая в Крыму от голода деревня. В Таракташе начали умирать от голода ещё в ноябре 1921 года. Ни одной лошади, ни одной коровы, даже ни одной собаки в деревне не видно. Население встретило представительство с плачем, воем и криком, чувствуя приближающуюся помощь. На собрание прибыли женщины, дети, мужчины с опухшими лицами и ногами. В деревне до голода было 2000 человек, умерло от голода 900 человек, сильно голодающих теперь 800 человек...(1100 осталось)»* [7]. Используя простую арифметику, можно вычислить, что из 1100 жителей деревни всего 300 человек могут себя прокормить, остальным 800 есть нечего.

В том же 1922 г. уполномоченный КрымЦКПомгола в Москве К.Е. Сорин писал в «Правде»: *«Все ужасы Поволжья имеются налицо в Крыму: целиком съеден весь скот и лошади, сельское население покидает свои жилища и наводняет города, процент смертности прогрессивно растет. По шоссе дорогам Севастополь - Симферополь - Евпатория, в городах, на улицах и близ вокзалов, валяются трупы... и брошенные матерями дети»* [11]. Таким образом, исходя из источников, можно сделать вывод, что голод охватывал все города Крыма, а в некоторых местностях (прежде всего в татарских деревнях) от голодной смерти вымерло практически всё население. Оставшиеся в живых были в отчаянном положении, а помощи ждать было неоткуда, т.к. у местных властей не было ни достаточного количества продуктов, ни дензнаков для помощи нуждающимся.

Помимо голода, массовых размеров на полуострове достигла ещё и безработица. Исходя из данных таблицы №1 (см. приложения) видно, что количество безработного населения Крыма увеличилось с 10 893 чел. в ноябре 1922 г. до 15 233 чел. в марте 1923 г. [12, л. 70]. Для привлечения безработного населения Помгол организовывал общественные работы, выдавая вместо зарплаты продукты. Однако, насколько эффективной была такая помощь безработному населению, можно судить из доклада Комиссии общественных работ и борьбы с безработицей при ЦК Последгол ВЦИК от 1923 г., которая отмечала

«стремление некоторых мест к самостоятельному перераспределению ресурсов, отпущенных на организацию общественных работ, проведению за их счёт плановых работ различных ведомств, а также расходованию на другие цели: выдача безработным пособий, организация столовых, общежитий». В заключение, всякая трата фонда воспрещалась [6]. Можно сделать вывод, что общественные работы были недостаточно эффективным способом преодоления безработицы, вследствие чего количество безработных по округам только увеличивалось.

Ещё одним способом помощи безработному и голодающему населению была организация Помголом столовых (питпунктов). Всего за 1922 г. было выдано около 1 481 127 пайков. За январь – февраль 1923 г. – 138 900 детских, 22 000 взрослых [9]. Но, несмотря на большое количество пайков, продовольственная помощь оставляла желать лучшего. Столовые и питпункты могли прокормить чуть больше половины нуждающегося населения, обрекая оставшихся на голодную смерть. Данные таблицы № 2 (см. приложения) показывают, что на конец 1922 г. из 228 647 голодающих в столовых могли питаться только 154 760 человек. Таким образом, 73 887 нуждающихся остались без питания. Однако, к весне 1923 г. разница стала немного сокращаться – всего 36 476 чел. были без помощи [12, л. 71]. Вдобавок, санитарное состояние питпунктов оставляло желать лучшего. Из докладов о деятельности Балаклавского отдела коммунального хозяйства за январь – декабрь 1922 г. по состоянию столовых в основном встречается характеристика – «удовлетворительно», а чаще – «очень плохо» [3]. Ревизкомиссия Севастополя обращает внимание Комгол на продукты, которые выдаются столовым; например, 5 мая в столовую Базарная привезли негодный картофель и больше ничего. В итоге в пищу можно было использовать лишь 50% продукта. В другую столовую привезли заплесневелый хлеб. В Альминском районе хлеб делался из кукурузной муки самого низшего качества, ни одного фунта белого хлеба за всё время не было выдано [4].

Помимо большой смертности населения от голода, не редки были случаи смерти от различных заболеваний. Уже 8 декабря 1920 г. по приказу Крымревкома создаётся Чрезвычайная санитарная комиссия Крыма по борьбе с тифом. В указе № 124 значится, что эпидемия сыпного и возвратного тифа распространяется по всему полуострову, и есть опасность распространения тифа по путям движения войск в Россию [13]. Летом 1922 г. уполномоченный по улучшению быта детей Крыма тов. Азовский отмечал, что смертность среди детей на почве заболеваний (главным образом дизентерия) значительно не уменьшается. Далее в докладе приводились цифры детской смертности за последние месяцы: «*Февраль 6.177, Март 7.079, Апрель 10.972, Май 13.235*» [8].

Исходя из данных таблицы № 3 (см. приложения) видно, что больше всего заболеваний по Крыму было от брюшного и возвратного тифа. Однако, уже к весне 1923 г. проблема распространения эпидемий сходит на нет [12, л. 72].

Отдельно следует упомянуть о детском населении, т.к. именно эта категория жителей Крыма находилась в самом тяжёлом и бедственном положении. На полуострове с каждым днём возрастала детская беспризорность. Для беспризорников создавались специальные детские дома закрытого и открытого типа, а также специальные столовые, состояние которых было неудовлетворительным. Тов. Азовский в своем докладе в 1922 г. отмечал: «*...смертность среди детей на почве недоедания (получаемый чёрный хлеб детьми создаёт немедленную дизентерию и смертность на другой день), всё-таки значительно не уменьшена, т.к. 80% находящихся на питании нуждается в детпродуктах и лечебном режиме...*». Далее докладчик приводит статистические данные, характеризующие быт детей в Крыму: «*количество голодных детей на 1 июня 1922 г. – 182.377, питаемых – 77.661*» [8]. Таким образом, без питания осталось 104 616 детей. По данным, размещенным в табл. № 1 (см. приложения), мы видим, что среди голодающих более всего было детей, а не взрослых.

Возвращаясь к положению беспризорников, из доклада тов. Азовского следует, что из-за отсутствия дензнаков невозможно было производить необходимый ремонт в детских домах (в большинстве домов уборные были переполнены, не было возможности уплатить

за вывоз нечистот, не было стёкол, были неисправны кухни, не было кладовых, что вело к кражам), не могли закупить дрова, что создавало перебои в варке пищи для детей [8].

Неутешительные данные приводятся в докладе т. Багатурьянц от 20 марта 1922 г. о положении в очагах и детских домах. В этом документе отмечается катастрофическое состояние детских домов в Крыму: *«Все смены сестёр хворают сыпным тифом. Очаги остаются без призора. Нет дров, нет белья, нет одеял... Нельзя обмывать овшивевших детей. Необходимы срочные меры. Ничего нет.. Детей 2.322, а в коллекторе 560. Нечистоты не вывозятся, все ходатайства об этом не приводят ни к чему. Коммунхоз ничего не делает. Детям некуда выходить и все нечистоты валяются в кучу во дворе. 150 детей переведены в другое помещение, но их нечем покрыть, нечем протопить помещение. Коллектор рассчитывался на 45 детей, а в помещении находятся 550 детей. Все болеют разными болезнями и масса умирает. Смертность 30 детей в каждом очаге ежедневно. Тифом болеют не только в очагах, но и в детских домах. В марте умерло 360 детей»* [1].

Такое положение в приютах было во всех городах Крыма, не исключением был и Севастополь, где в ходе проверки детского очага на Северной стороне обнаружили, что кухня, прачечная и разделочная находятся в одной комнате, необходима очитка помещений от нечистот, из-за чего дети больны инфекционными заболеваниями [4].

На почве голода, безработицы, эпидемических заболеваний в Крыму, помимо прочего, заметным образом развивается бандитизм. В Докладе о работе Крымской Чрезвычайной Комиссии за 1922 г. отмечается, что *«...малосознательное население не выдерживает всей тяжести лишения, бросается на все, чтобы добыть себе кусок хлеба, не останавливаясь даже перед грабежом и убийством. Разбросанные по лесным и горным районам Крыма остатки разбитых банд являются постоянными центрами, вокруг которых группируются всевозможные уголовные элементы»* [2].

Также всё чаще в документах встречаются данные о хищениях и злоупотреблениях со стороны представителей власти. Статистика по Севастополю за 1922 г. свидетельствует об увеличении количества преступлений, однако, при этом констатируется изменение характера самих преступлений: *«...например, бандитизм как таковой идёт на убыль. Чего нельзя сказать о должностных преступлениях и о хищениях со складов...»* [5].

Тем не менее, исходя из суточных сводок ЧК (ГПУ) за февраль-июнь 1922 г. видно [10], что обычным явлением на полуострове становится людоедство. Прежде всего, случаи поедания людей были выявлены в татарских деревушках. Был найден целый склад с замороженными трупами, в основном, детскими. 6 мая 1922 г. берлинский журнал «Руль» напечатал: *«В революционном трибунале слушалось дело одного татарина-людоеда. На суде выяснилось, что в Карасубазаре существует целый склад трупов. В этом складе найдено 17 засоленных трупов, главным образом, детей. В Судаке зарегистрировано за месяц 61 детоубийство, в Старом Крыму – 85»* [2]. Всё чаще регистрируются случаи пропажи детей с предположением, что их уже съели. Нередки были случаи поедания родителями своих детей: *«...В дер. Шейх-Эли (с. Козловка, ныне не существует – В. К.) Карасубазарского района гр. Вани зарезал двух своих сыновей и дочь и съел их вместе с женой... О женищинах, задержанных в Бахчисарае с головой ребенка... выяснилось, что они съели двух детей одной из них, а затем зарезали чужого, голова которого и была у них найдена... В деревне Шейх-Эли отец зарезал своих двух малюток и съел их вместе с женой. Третьего зарезать не успел, так как был арестован; в убийстве сознался и после умер. Жена умерла также... В Карасубазаре опять обнаружено людоедство. Мать зарезала своего 6-ти летнего ребенка, сварила его, и начала его есть вместе с 12-летней дочкой. Женищина была арестована и на допросе в милиции лишилась рассудка. По отправлению ее в больницу она скончалась. В Карасубазарском районе нашли целый склад с замороженными трупами детей...»* [10].

Подводя итог, можно сделать вывод, что в период с 1921 по 1923 гг. население полуострова, помимо голода, который, несомненно, достиг небывалых размеров, было лишено средств к существованию из-за массовой безработицы; смертность на полуострове увеличилась с каждым днём не только на почве недоедания, но и за счёт распространения эпидемических заболеваний. Находящиеся в катастрофическом положении жители полу-

острова страдали от бандитизма, хищений и злоупотреблений со стороны властей, от которых население ждало помощи. И, наконец, случаи людоедства становились обыденным явлением в жизни крымчан. Таким образом, более точным определением событий, произошедших в Крыму в указанный период, будет не просто голод 1921 – 1923 гг. (а, принимая во внимание все факторы, сопутствующие голоду, как-то: эпидемии, безработица, детская беспризорность, бандитизм и людоедство) – гуманитарная катастрофа в Крыму в 20-х годах XX века.

Источники и литература.

1. Выписка из протокола заседания Президиума ЦК Помгола // ГАРФ. Ф. Р-1064. Оп. 1. Д. 158. Л. 37.
2. Доклад о работе Крымской Чрезвычайной Комиссии за 1922 год // [Электронное издание]. Режим доступа: www.ppu.gov.ua/images/Golodomor2.rtf.
3. Доклад о деятельности Балаклавского отдела коммунального хозяйства за январь – декабрь 1922 года по состоянию столовых // ГАГС. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.
4. Доклад контрольной группы по обследованию учреждений Комгола г. Севастополя // ГАГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 3. Л. 15-16.
5. Доклад о деятельности Севастопольского окружного трибунала // ГАГС. Ф. Р-420. Оп.1. Д. 3. Л. 5-6.
6. Доклад Комиссии общественных работ и борьбы с безработицей при ЦК Последгол ВЦИК // ГААРК. Ф. Р-1932. Оп. 1. Д. 40. Л. 20.
7. Докладная записка по обследованию с представителями крестьян Кременчугской губернии некоторых деревень Карасубазарского и Судакского районов и Салынского подрайона сильно пострадавших от голода // ГААРК. Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 6. Л. 238.
8. В Комиссию по улучшению быта детей при ВЦИКе // ГАРФ. Ф. Р-1064, Оп. 1, Д. 158. Л. 111.
9. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму.// [Электронное издание]. Режим доступа: http://www.moscow-crimea.ru/history/20vek/zarubiny/glava2_3.html.
10. Зарубин В.Г. Голод 1921 – 1923 гг. в Крыму (по сводкам ЧК/ГПУ).// [Электронное издание]. Режим доступа: <http://www.kr-cho.info/index.php?name=News&op=article&sid=160>.
11. Ишин А.В. К вопросу об особенностях политического развития Крыма в первой половине 1920-х годов [Электронный ресурс] // Сайт «Республиканский комитет по охране культурного наследия». Режим доступа: <http://www.commonuments.crimea-portal.gov.ua/rus/index.php?v=1tek=82par=74l=art>.
12. Краткий отчет о работе Крымкпоследгола со времени его организации // ГААРК. Ф. Р-1932. Оп. 1. Д. 67. Л. 74.
13. Приказ Крымревкома и Реввоенсовета 4 армии о создании Чрезвычайной санитарной комиссии Крыма по борьбе с тифом от 8 декабря 1920 г. // Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. Симферополь, 1968. С. 163.

Сокращения:

ГАРФ –	Государственный архив Российской Федерации
ГААРК –	Государственный архив в Автономной Республике Крым
ГАГС –	Государственный архив города Севастополя

Приложения

Таблица 1

Изменение количества безработных по округам с ноября по март 1922-1923 гг. [12, л. 70]

округа	ноябрь	декабрь	январь	февраль	март
Симферопольский	4862	5812	6356	4733	5480
Севастопольский	1473	1706	535	1470	3012
Евпаторийский	1407	1598	896	1536	1788
Феодосийский	1275	1194	1132	1298	1396
Керченский	1198	1586	1470	1444	1887
Джанкойский	159	171	234	267	343
Ялтинский	519	687	793	952	1327
Всего по Крыму	10.893	12.754	9.122	11.700	15.233

Таблица 2

Сравнительные данные о голодающих и питаемых в открытых столовых и питпунктах с ноября 1922 по апрель 1923 гг. [12, л. 71]

Месяцы	Количество голодающих и нуждающихся			Количество открытых столовых и питпунктов			Ежемес. пропускаемость откр. столовых и питпунктов
	всего	взросл.	дети	всего	рус.	загран.	всего
XXI	232150	90000	142150	1280	709	581	129900
XXII	228647	118147	110500	1310	99	611	154760
XII	230741	72735	158006	1082	77	605	158939
III	232534	73367	159167	682	7	665	124722
III	234657	74503	160154	903	7	875	179984
IV	234657	74503	160154	979	7	952	198181

Таблица 3

Динамика эпидемических заболеваний в Крыму за период с ноября 1922 по апрель 1923 гг. [12, л. 72]

Заболевания	ноябрь	декабрь	январь	февраль	март	апрель	всего
Сыпной тиф	128	17	150	96	221	93	863
Брюшной тиф	612	577	401	140	118	33	1881
Возвратный тиф	229	170	284	136	34	57	960
Холера							
Цинга	2	36	1	2	37	57	135
Дизентерия	5	14	7	7	10	6	49
Всего заболеваний	976	970	843	843	470	246	3888

ВКЛАД Л.С. ГОЛИЦЫНА В РАЗВИТИЕ КРЫМСКОЙ ВИННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Кудашкина Н.А.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Датой основания Дома Шампанских вин «Новый Свет» принято считать 1878 г., когда князь Лев Сергеевич Голицын – представитель известного дворянского российского рода, прославившийся как первый русский винодел, приобрел имение Новый свет и решил заняться здесь новым, перспективным делом – производством шампанского. У Л.С. Голицына была цель – создать изысканный напиток, не уступающий лучшим французским образцам.

История шампанского – искристого, игривого, быстро пьянящего шипучего вина, без которого немислим сейчас ни один праздник в России и Европе, насчитывает уже 350 лет. Название вино получило в соответствии с местностью, где оно производилось – французской провинцией Шампань. Авторство технологии шампанского приписывают монаху Отвильерского аббатства Дому Пьеру Переньону, жившему в XVII ст. и заведовавшему винодельческими подвалами. Напиток получился неожиданно для самого мастера и быстро приобрел большую популярность не только во Франции, но и в России.

История развития шампанского сейчас привлекает немало исследователей, которые в своем большинстве являются не только истинными ценителями вина – виноградарями, виноделами, и сомелье, (виночерпиями, фр.), а также коллекционерами, и простыми любителями. Этот интерес вполне обоснован, так как помимо простого эстетического и вкусового удовольствия вино всегда было источником больших доходов – как государства, так и единичного производителя.

В России этот напиток успели распробовать очень быстро, но отечественного качественного производства еще не было, поэтому вино приходилось покупать заграничное. Так только в период с 1886 по 1890 гг. в среднем за год завозилась 468 431 бутылка на общую сумму 1 638 178 рублей. Как мы видим, вино пользовалось спросом и приносило большой доход, но не России. В целом количество поставленных бутылок шампанского в Россию в этот период составляло: из Франции – 894 504 шт., Германии – 144 425 шт., Бельгии – 26 188 штук [8, с. 677]. При этом цены на продукцию были весьма завышены и зачастую не соответствовали качеству. Все это не могло не стимулировать русский предпринимательский дух, особенно такого человека как Л.С. Голицын.

Историю вина Л.С. Голицын изучал во Франции, Италии, Германии и решил посвятить этому занятию всю жизнь. До него в России вино и его изысканность пленяло П.С. Палласа, А.К. Боде, М.С. Воронцова. Однако этими людьми виноделие воспринималось как простое ремесло.

Л.С. Голицын считал виноградарство и виноделие искусством: *«Чтобы понять это - нужно любить дело, нужно о деле постоянно думать...»*, - считал он [21, с. 22]. Л.С. Голицын тонко чувствовал характер почв и виноградных сортов; только небольшому количеству людей открыт такой дар. Это помогло ему достичь совершенства в любимом деле.

Что касается иностранного производителя и в целом иностранной культуры, князь выражал свои мысли так: *«... наша слабость заключается в том, что мы себе не верим. Мы читаем иностранные книги, мы слушаем иностранных людей и на место критики – выступаем перед ними с благоговением. Да разве иностранец желает, чтобы наша промышленность возникла, чтобы мы ему явились конкурентом на всемирном рынке? Никогда!»* [24, с. 22].

Л.С. Голицын не только верил в себя, он верил в народный духовный потенциал своего отечества. Не стоит думать, что Голицын полностью отрицал заграничные методы, напротив, он видел в них некую канву виноделия, но сам всегда призывал создавать свое

принципиально новое, быть искателем тонкого, русского винодельческого искусства, как-ким и сам являлся.

На сегодняшний день производство вина проходит два взаимозависимых этапа: виноградарство и виноделие. Виноградарство – это выращивание технического винограда, а виноделие это процесс изготовления вина. При этом сейчас виноградарство и виноделие – совершенно разные отрасли труда. Те, кто выращивает виноград, не занимается изготовлением вина и наоборот.

На территории бывшего Советского союза – в Молдавии, России и Украине – сохранились аграрные университеты, в которых существуют кафедры виноделия и виноградарства. Именно здесь развивается наука производства вина, начиная с возделывания почв, выращивания здоровой лозы и до выведения новых ее видов. Производством вина занимаются непосредственно заводы.

Для того, чтобы стать родоначальником виноделия в России Л.С. Голицыну понадобились фундаментальные познания в ампелографии (науке о видах и сортах винограда), почвоведении, географии, химии. Назовем лишь некоторые научные труды в области виноградарства и виноделия, которые помогли Л.С. Голицыну стать мастером своего дела.

На тот момент в России особой популярностью пользовались труд В.А. Левшина «Технология виноделия в России» (1788 г.); работа Л. Пастера (ученого, уделявшего особое внимание вопросам шампанизации, селекционированию лоз) «Винная кислота и ее значение для учения о строении материи» (1894 г.) [20, 456 с.], книга А.П. Сербуленко «Замечания и наблюдения по виноделию» (1871 г.) – по мнению специалистов – первый фундаментальный труд по виноделию в России.

Стоит сказать, что и сам Л.С. Голицын был современником многих известных на то время виноделов. Уже 1874 г. в свет вышел первый журнал по виноделию и виноградарству «Крымский вестник садоводства и виноделия». Журнал был основан директором Никитского ботанического сада Н.Е. Цабелем. Издавался этот журнал в течение пяти лет. В 1887 г. в Петербурге А.Н. Альмендинг основал новый журнал «Русский винодел», который выходил два раза в месяц. Несмотря на большое количество существовавшей иностранной литературы, князь Л.С. Голицын предпочитал отечественные журналы и книги, так как был убежден, что «виноделие это наука местности».

Все эти полученные знания и необходимый опыт помогли Л.С. Голицыну создать в 1878 г. в своём имении Новый Свет завод шампанских вин. Из 113 десятин общей площади всего 20 из них были под виноградом.

Для выдержки вина были построены специальные тоннели. По сведениям исследователя И.А. Промтова, тоннели строили турецкие мастера, которые владели мастерством ведения взрывных работ на особо твёрдых скальных участках. За каждую погонную сажень тоннелей они получали по 30 рублей. Тоннели были разделены на пять групп: для крепких, шампанских и десертных вин. При этом они имели разную глубину относительно уровня моря. Тоннели для шампанских вин длиной 1 км располагались ниже уровня моря и были самыми холодными (с температурой 8°С) [22, с. 32].

Необходимо отметить, что начал князь свою деятельность в области виноградарства и виноделия в крайне неблагоприятных условиях, так как эта отрасль хозяйства в России и в Крыму в частности была если не в зачаточном состоянии, то на очень слабой стадии развития. «Московские ведомости» в своей статье «Русский винодел Князь Лев Сергеевич Голицын» подтверждают это плачевное положение дел: *«... не было правильных наименований и сортиментов лоз; не было подвалов и подготовленных, знающих свое дело людей; отсутствовала техника, о типах русских виноградных вин не было и понятия; сорта лоз насаждались безо всякого соответствия их свойствам, условиям почвы и климата; в торговле русское вино существовало как предмет для фальсификации, а потому не пользовалось доверием»* [17].

Л.С. Голицын тщательно изучал лозы и почву, тем самым выявляя изменчивость свойств винограда. Эти опыты привели исследователя в замешательство, так как ряд дорогих выписываемых лоз, которые ввозились из-за границы в больших объемах, не давали тех тонких вин, которые получались на их родине.

Но, несмотря на первые неудачи, Лев Сергеевич сразу определил главную задачу в виноделии Нового Света и Крыма – получение изысканных, тонких вин и шампанского, не уступающих европейским образцам. Российские вина должны были привлечь к себе внимание отечественных и зарубежных покупателей.

Именно поэтому князь создает свой питомник, в котором насчитывается более 600 сортов винограда. Высаживались черенки по собственной схеме – на расстоянии 1-1,5 м друг от друга. При этом в имении Л.С. Голицына не вносились удобрения и не использовался полив. На ежегодный уход за виноградниками выделялось 300 рублей. Эта сумма по тем времена была весьма значительной. В качестве шпалер применялись дубовые и можжевеловые колья; первых хватало на 10 лет, а вторых на 30 [22, с. 31-34].

Примечательно, что полный урожай виноградник давал на шестой год после посадки. Первые урожаи ранних сортов винограда снимали в июне, а поздние в октябре. По данным Л.С. Голицына весь виноград в первом десятилетии шел исключительно на изготовление вина. Это давало возможность определить лучшие сорта для получения изысканных вин.

В Новом Свете виноград произрастал на склонах гор, что давало его посадкам хорошее освещение солнцем, благотворное воздействие морских бризов, вентиляцию воздуха в междурядьях.

В поселке Парадиз преобладали так называемые бордосские сорта винограда. Заметим, что из выращенного винограда изготавливались и игристые и тихие вина. Такие опытные посадки не прошли бесследно и дали свои плоды. Об этом очень подробно говорит И.А. Промтов в своем труде «Прошлое завода Новый Свет». Сорта винограда бургундского и шампанского типов, Пино-фран, Шардоне, Пино-гри и Алиготе оказались менее урожайными, чем на их родине. Собранные в период полной зрелости, они дали вина крепкие и тяжелые – материалы, мало подходящие для тонкого шампанского и столового вина. Вместе с тем из этих же сортов были получены приятные гармоничные десертные вина. Лучшие результаты для вин столовых и шампанского дали эти же наименования винограда, но собранные до наступления полной зрелости [22, с. 35]. Это стало следствием особых климатических условий Южного берега Крымского полуострова.

Статистика отмечает, что к 1890 г. с одной десятины виноградника, на которой высаживалось от 5 400 до 9 600 кустов лоз, князь получал 150 ведер вина, в том числе шампанского [2, с. 349-350]. Таким образом, Л.С. Голицын с 20 десятин виноградников Нового Света мог получать доход в денежном эквиваленте равный 130 000 рублей, включая издержки.

В 1887 г. Л.С. Голицын приглашает к себе на заведование производством шампанского винодела А.А. Иванова, который был очень талантливым и трудолюбивым человеком. Князь ему доверял, а тот в свою очередь оправдывал его надежды.

В 1891 г. Л.С. Голицын возглавляет Удельное ведомство, занимая должность главного винодела Удельных имений. Уделы были созданы для образования постоянного фонда, из которого каждый член Императорской фамилии получал бы назначенные законом суммы. Уделам передавались обширные земельные и лесные угодья, и доходы от них распределялись ежегодно между всеми представителями династии. Уделам принадлежали 860 торговых заведений, 100 пристаней, 100 фабрик и заводов. Тем самым, повышая отечественную конкурентоспособность, именно уделы способствовали крупномасштабному производству вин и их продаже.

Продажа вина из имения Л.С. Голицына проходила следующим образом. В Новосветскую бухту заходил корабль, к которому подплывали лодки, тянувшие привязанные к ним канатами бочки. Их поднимали грузоподъемником, установленным на корабле. Прежде чем отправлять вино, каждую бочку взвешивали. За этим лично наблюдал сам князь.

Лучшие марки вина, как правило, участвовали в выставках. Так в 1900 г. во Франции состоялась Всемирная Парижская выставка. А.А. Иванов сопровождал Льва Сергеевича на эту выставку.

Голицынское шампанское марки «Парадизио» 4-го шампанского тиража 1899 г. получило высшую награду – кубок Гран-при [3, с. 236]. Там же на выставке произошел курь-

езный случай, свидетелем которого стал А.А. Иванов: «... после окончания экспертизы всех вин, был дан роскошный обед в честь организатора выставки и председателя экспертной комиссии графа Шандона. Он был совладельцем знаменитой фирмы по производству шампанского «Моет и Шандон». Обед был устроен в Эйфелевой башне. Было решено подать к блюдам вина, получившие высшие награды. Среди них было и шампанское «Нового Света». К концу обеда вновь принесли шампанское, полагая, что это французское, фирмы «Моет и Шандон». На бутылках вместо этикеток были номера, как полагается при экспертизе. Разлив его по бокалам произнесли тост за графа Шандона, подчеркнув его заслуги, как руководителя фирмы, выпускающей шампанское, составляющее гордость Франции». Граф принял любезные поздравления и поблагодарил своих рабочих. Но внезапно, не скрывая своего удовольствия, поднимается Л.С. Голицын и объявляет всем, что это вино его, затем заявляет, что давно мечтал найти во Франции хорошего распространителя для своего вина. При этом вежливо отметил, что готов быть представителем фирмы «Моет и Шандон» в России. На следующий день Л.С. Голицын нашел уязвленного графа Шандона и вручил ему визитку с надписью «представитель фирмы «Моет и Шандон» в России». Это очень не понравилось графу, что и не удивительно. Ведь теперь Россия могла стать основным конкурентом Франции на Европейских рынках [9, с. 16-17].

Вернувшись на родину, князь с еще большим энтузиазмом продолжал трудиться. Тем более, что уже к тому времени накопилось масса нерешенных вопросов и проблем.

Основной проблемой для всех виноградарей были виноградные заболевания: мильдю¹, оидиум², и филлоксеры³, которая и теперь не резко поражает виноградники⁴.

Каждый год, начиная с 1883 г., в Севастополе проводились филлоксерные съезды, постоянным участником которых был Л.С. Голицын.

Позже, в 1911 г., будет образован комитет виноградарства и виноделия, в его состав входил и филлоксерный комитет. Комитет напрямую зависел от Лесного Департамента Феодосийского уезда. В Памятной книжке Таврической губернии представлен отчет филлоксерного комитета за 1910 г., где отмечается, что комитет состоит из менонитов, действия которых регулирует управляющий. Так в Таврической губернии отряды менонитов обслуживали 6 уездов. Они занимались борьбой с виноградными вредителями и учили этому владельцев виноградников.

В 1903 г. перед владельцем имения «Новый Свет» встает более значимая проблема, чем вредители винограда. Расточительное приобретение возможно не самых необходимых князю земель, покупка старинных ценностей, раздаривание уникальных коллекционных вин, приобретаемых по баснословным ценам, а также растущая быстрыми темпами конкуренция дешевого и зачастую некачественного вина – все это и многое другое усугубило материальное положение Л.С. Голицына. К 1907 г. за ним числился крупный долг

¹ **Мильдю**, или ложная мучнистая роса – грибковая болезнь. На молодых листьях она вызывает характерные бледно-зеленые или желтые, немного просвечивающие пятна разной формы и величины. В сырую погоду такие пятна нижней стороны листьев покрываются белым, легко растирающимся пальцами пушистым налетом. При развитии болезни отмирают и отваливаются от черенков целые листовые пластинки. На старых листьях во второй половине лета и осенью мильдю вызывает образование мелких бурых пятен, иногда окруженных хлоротичной каймой. На усиках, гребнях и зеленых побегах мильдю вызывает образование коричневых вдавленных пятен, которые в сырую погоду также покрываются белым пушистым налетом. Активно развивается болезнь на зеленых ягодах и соцветиях, которые затем быстро отмирают. Болезнь вызывает паразитный грибок, способный развиваться только на виноградной лозе. Посадка виноградных кустов на хорошо проветриваемых участках, своевременная подвязка, обломка, пасынкование существенно снижают возможность развития болезни. Основной метод борьбы с мильдю – опрыскивание кустов фунгицидами: 1%-ной бордоской жидкостью (100 г медного купороса и 100-120 г гашеной извести на 10 л воды), 0,4%-ными растворами купрозана, хомецина, полихома, арцериды (40-60 г на 10 л воды). В течение лета против мильдю проводят 5-7 опрыскиваний [15].

² **Оидиум** - распространенная болезнь винограда, называемая также мучнистой росой винограда, пепелицей и т. п.; вызывается паразитными грибами рода *Uncinula* отдела аскомицетов [18].

³ Филлоксеры – почти незаметная глазу тля, поселяющаяся на корневой системе. Под ее воздействием на ножке винограда появляются наросты на корнях, от которых лоза впоследствии погибает [25].

А.П. Шувалову в 300 000 рублей. А.П. Шувалов приходился тестем Л.С. Голицыну, но, несмотря на это, стал его шантажировать и просил продать имение за 50 000 рублей. Понимая, что с этим долгом ему не рассчитаться, так как ежегодно он должен был платить 12 000 руб. процентов, князь решает продать имение [3, с.180].

24 ноября 1911 г. в дневнике Николая II появилась запись о визите князя Л.С. Голицына, который «с ним завтракал» [7]. Именно тогда Лев Сергеевич впервые заговорил с государем о судьбе «Нового Света». Князь просил царя принять в дар «Новый Свет» с его подвалами, имением, складами, полными вина, винотеку и просил основать там образцовую школу виноградарства. Стоит заметить, что созданная князем винотека насчитывала более 400 000 изысканных коллекционных и к тому же очень дорогих вин.

5 сентября 1912 г. были оформлены все необходимые бумаги [12, с. 3].

Еще три года Л.С. Голицын прожил уже не в своем имении. 25 декабря 1915 г. на 71-м году жизни князь скончался от воспаления легких. Погребение князя Л.С. Голицына состоялось 30 декабря в имении покойного «Новый Свет» [12, с. 3].

В целом за весь период хозяйствования в «Новом Свете» – 37 лет – Л.С. Голицын с каждым годом не прекращал совершенствовать свой «Парадиз-рай». Он проложил дорогу, водопровод, прогулочную тропу в 5 км, облагородил естественные гроты на побережье, украсил парк и аллеи, построил систему тоннелей для выдержки вина, сформировал виноградные плантации, заложил основы коллекционного шампанского виноделия.

Источники и литература.

1. Безчинский А. Путеводитель по Крыму. 4-е изд. М., 1904. 411 с.
2. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Таврическая губерния. Т. 11. Ч. 2. 1849 г.
3. Вражнова Л.Ю. «Крымская Шампань» князя Голицына. Симферополь, 2009. 384с.
4. Голицын Л.С. «О русском виноделии» // Крымский вестник. 1896. 6 дек.
5. Голицын Л.С. Род князей Голицыных. СПб., 1892. 678 с.
6. Дневники Императора Николая II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 261. Л. 85-86.
7. Дневник Николая II. 1910-1911 гг. // ГАРФ. Ф.601. Оп. 1. Д. 256. Л. 167.
8. Иванов А.А. Крымское шампанское. Вестник виноделия Украины. 1927. №№ 10-12.
9. Иванов А.А. Крымское шампанское. Исторический очерк // Вестник виноделия Украины. 1927. № 11.
10. Иванов А.А. Крымское шампанское. Исторический очерк // Вестник виноделия Украины. 1927. № 12.
11. Из встречи с князем Л.С. Голицыным // Крымский вестник. 1916 г. № 4. 5 янв.
12. К судьбе о Новом Свете // Южные ведомости. 1912 г. № 228. 9 окт.
13. Князь Л.С. Голицын // Южные ведомости. 1915 г. № 303. 31 дек.
14. Ламан Н.К., Борисова А.Н. Князь Лев Сергеевич Голицын. Выдающийся русский винодел. М., 2000. 383с.
15. Мильдю [Электронный ресурс]. Словарь в украинском специализированном сайте по садоводству и виноградарству. Режим доступа: <http://www.uaseed.com>.
16. «Новый Свет» Князя Л.С. Голицына // Крымский вестник. 1903 г. № 118.
17. На празднике русского виноделия // Московские ведомости 1903. № 248. 9 сент.
18. Оидиум [Электронный ресурс]. Сайт «Википедия». Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D1%83%D0%BC>.
19. Олейник В. По чем хлеб и соль // Зеркало недели. 2009 г. № 38. 10-16 окт.
20. Пастер Л. Винная кислота и ее значение для учения о строении материи. СПб., 1894. 456 с.
21. Похлебкин В.В. История водки. М., 2007. 269 с.
22. Промтов И.А. Прошлое завода «Новый Свет» // Виноделие и виноградарство СССР. 56 с.
23. Прыжов И. История кабаков в России в связи с историей русского народа. М., 1868. 320 с.
24. Русский винодел. Князь Л.С. Голицын. Симферополь, 1995. 155с.
25. Филлоксера [Электронный ресурс]. Сайт «Википедия». Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D1%83%D0%BC>

Сокращения:

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В УКРАИНСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ

Чибисова А.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

С момента возникновения на постсоветском пространстве новых независимых национальных государств, в этих странах начала формироваться национальная идеология. Создавалась новая система политических, правовых и нравственных взглядов и идей, направленная на закрепление или изменение данных общественных отношений, на сохранение целостности молодого государства.

Население этих государств не однозначно реагировало на происходящие процессы. Старшее поколение, имея возможность сравнивать свой предшествующий опыт с происходящим, как минимум консервативно относилось к коренным изменениям в государственном устройстве. Молодежь, напротив, воспринимала новые идеи как данность и связывала свои перспективы именно с ними. А поскольку именно молодежи предстояло в скором будущем определять развитие страны, то она являлась приоритетной социальной группой для государственных идеологов. В связи с этим возникшие государства начали проводить целенаправленную пропаганду новой идеологии среди молодежи. Делалось это, и делается сейчас, в том числе и через школьные учебники – один из важнейших инструментов социализации. Учебники дают детям не только знания по различным предметам, но и формируют круг ценностей и норм. Главной функцией учебника является доведение до сознания ученика простых, но в то же время фундаментальных постулатов, которые должен знать каждый. Особое место здесь занимают школьные учебники по истории. В условиях первоначальных этапов развития национальных государств внимание к прошлому оказывается особенно важным для доказательства единства общества через общность происхождения и судьбы его граждан. В связи с этим, помимо объективного изучения государственной истории, порой возникает не просто переосмысление исторических фактов в связи с открывшимися новыми фактами, а часто искусственное их создание и фальсификация национальной истории.

Проблема изучения учебной литературы стран постсоветского пространства и, в частности, Украины невероятно актуальна. Однако до сих пор в отечественной историографии не существует фундаментального аналитического труда, который бы охватывал все аспекты этого явления. В основном к настоящему моменту опубликован ряд научных статей, касающихся отдельных сюжетов, рассматриваемых в учебниках. Также существуют работы, авторы которых останавливают свое внимание только на одном учебнике и делают его комплексный анализ, вырывая при этом из контекста эпохи и ограничиваясь лишь сравнением с его советскими аналогами.

В настоящее время, согласно программе образования Украины, изучение истории начинается в школах с 5-го класса [2; 12]. Дети получают представление об истории как науке, знакомятся с основными этапами развития своего государства. К ним относятся: история Киевской Руси-Украины, владычество Польши над землями Украины, а также история гетманщины. История XIX-XX вв. сводится к возникновению идеи национального возрождения и борьбе Украины за свою независимость. Заключительная тема посвящена истории уже независимой Украины. Таким образом в 5 классе школьники сразу получают общее представление обо всей истории своего государства.

В 6 классе отечественная история в школах Украины не включена в учебный план. Преподавание предмета возобновляется только в 7 классе [11; 16; 19]. Здесь школьникам предлагается уже подробнее остановиться на истории своей страны, начиная от заселения ее территории первобытными людьми и заканчивая первой половиной XVI в. Подробно учеб-

ники останавливаются на истории Галицко-Волынского княжества и Великого княжества Литовского, в состав которых входили украинские земли.

Программа по изучению истории в 8 классе подразумевает ознакомление с национально-освободительной борьбой Украины против Речи Посполитой и возрождение украинской государственности в виде гетманщины [18; 4; 1; 23]. Также школьники узнают о начале борьбы Украины за свою независимость после 1659 г.

Учебники 9 класса посвящены истории Украины во второй половине XVIII – начале XX вв. [21, 14, 17]. Изучаемые темы касаются ликвидации Российской империей украинской государственности и последующего существования украинских земель.

В 10 классе школьники изучают историю Украины в довоенный период [7; 8; 9; 10; 5; 6]. Авторами учебников раскрываются такие темы, как «Украина в Первой мировой войне», «Революция 1917 г.», «Борьба Украины за сохранение своей государственной независимости». Большое внимание в учебниках уделено развитию Украины в составе СССР, также анализируется положение западно-украинских земель.

Изучение отечественной истории учащиеся средней школы завершают в 11 классе [20; 7; 10]. Учебники истории начинаются с событий 1939 г. и охватывают период Великой Отечественной войны и послевоенную эпоху. Особое внимание авторы учебников уделяют истории независимой Украины в постсоветский период.

На Украине издано много школьных учебников по истории, но важно отметить, что согласно постановлению Министерства образования и науки Украины (далее – МОНУ), опубликованного на его официальном сайте, для преподавания в каждом классе рекомендовано в среднем по два-три. Соответственно, выбор учебников, которые попадают в диапазон официально рекомендованных, относительно невелик. Это так еще и по тому, что содержание и трактовки исторических фактов в этих учебниках являются идентичными. Причем пособия для школ с украиноязычным компонентом и русскоязычным не отличаются, за исключением учебника, рекомендованного для 10 класса. Учебники пишутся видными деятелями науки, выросшими в советской исторической школе (профессор Ф.Г. Турченко, профессор С.В. Кульчицкий, академик В.А. Смолий), которые сегодня формируют особую научно-методическую школу по преподаванию истории Украины в средней школе, во многом основанную на сознательно неверных, идеологических предвзятых посылах, а, порой, и в фальсификациях.

Проанализировав вышеперечисленные учебники мы можем констатировать, что подрастающему поколению молодых украинцев часто преподносят националистическую трактовку истории Украины, основанную на мифах о древности своего народа, о высокой культурной миссии предков и о «заклятых врагах». Именно эти послы призваны формировать чувство национального единства и укреплять целостность украинского государства. Так, в отдельных украинских учебниках по истории «врагом» Украины выступает Россия. Ее обвиняют в захвате и уничтожении местных традиций, гнете и шовинизме. Целенаправленно осуществляется нивелирование авторитета классических работ по истории России, поскольку толкование истории в них не укладывается в новые трактовки, помещенные в школьных учебниках. Авторы учебников по истории, рекомендованных МОНУ для преподавания истории в школах в 2009/10 учебном году, обвиняют Н.М. Карамзина и В.Г. Белинского в том, что они создавали свои работы с великодержавных имперских позиций и полным игнорированием исторических источников (*«російський історик, ігноруючи історичні джерела, включав історію Русь-України до історії Росії»*) [15, с. 17].

Начавшийся пересмотр итогов и новая интерпретация главных событий Второй Мировой войны используется в современном украинском независимом государстве как ресурс для политической и идеологической борьбы. Этот процесс пересмотра не мог не затронуть и школьных учебников. В них помещается новая трактовка событий, появляются новые герои, происходит мифологизация тех личностей, которые еще в недавнем прошлом считались предателями. Это происходит не по причине того, что государство стремится оправдать их, а потому что оно находится в поиске собственных национальных героев.

Оценить и проанализировать новые исторические акценты, соотнести их с существовавшими ранее, позволяет предпринятый нами анализ главы, посвященной Великой Отечественной войне, одного из школьных учебников, вышедшего под грифом МОНУ. Авторами

этого учебника «Новейшая история Украины 1939-2001» [22] являются Ф.Г. Турченко, П.П. Панченко, С.М. Тимченко. Учебник предназначен для учеников 11 класса. Наиболее интересной нам представляется глава «Украина в период Второй мировой войны». Она начинается с описания заключения между СССР и Германией пакта о ненападении 23 августа 1939 г. и осенних военных действиях в Польше. При этом особое внимание авторы учебника уделяют знаменитым секретным протоколам, которые включал пакт, и которые подразумевали «раздел мира» между СССР и Германией, о чем «население не подозревало» [22, с. 6]. Известно, что в результате военных действий в Польше к СССР перешла территория Западной Украины. Это событие трактуется как положительное, поскольку «западные украинцы испокон веков стремились к объединению со своими восточными братьями» [22, с. 6]. Однако трактовка не столь однозначна, как кажется на первый взгляд. Далее авторы указывают, что национализация, коллективизация и репрессивный режим, принесенный на штыках Красной Армии, окончательно убедил население западно-украинских земель в том, что будущее украинского народа не в интеграции с «Советской империей», а в создании независимого соборного украинского государства [22, с. 9]. На этот вывод, который присутствует в начале главы, стоит обратить особое внимание, поскольку все дальнейшее описание событий Второй Мировой войны будет двигаться именно в этом ключе.

Стоит отметить, что описание непосредственного хода военных действий не содержит в себе трактовок, расходящихся с советской и нынешней российской историографией. При этом необходимо особо отметить, что авторы учебника избегают привычных терминов и свойственных описываемому историческому периоду географических названий. Так, вместо названия УССР везде используется название Украина, а словосочетание «Великая Отечественная война» не употребляется вовсе. Кроме того ничего не упомянуто о судьбе Западного фронта в 1941 г., сражении под Смоленском, блокаде Ленинграда; о битвах под Москвой, Сталинградом, Курском говорится мимоходом в одном-двух предложениях. О командовавшем в 1941 г. Юго-Западным фронтом и погибшем на Украине М.П. Кирпоносе в учебнике отведено особое место, в том числе для портрета и биографической справки. Но, с другой стороны, полностью отсутствует информация о Г.К. Жукове, К.К. Рокоссовском, И.С. Коневе. Вместо этого свое внимание авторы учебника сосредотачивают на положительном описании деятельности руководителя организации украинских националистов (ОУН) С. Бандера и одного из активистов ОУН Я. Стецько. Основной акцент делается на «актах политического самоуправления сталинско-бериевского руководства, которые сопровождалась массовыми и насильственными действиями по отношению к населению Украины» [22, с. 58], а ее вклад в борьбу против немецко-фашистских захватчиков оказывается забытым.

Следует особо остановиться на содержащейся в учебнике трактовке движения Сопротивления на Украине. Именно эти события и оценка деятельности их непосредственных участников отражает попытку обрести новых национальных героев независимой Украины. Авторы рассказывают ученикам старших классов средней школы как о националистическом подполье (ОУН), так и о советских войсках и советских партизанах. Показательно, что описание деятельности украинских националистов занимает от объема всей главы одну четвертую часть. Опираясь на тезис, согласно которому идея о создании независимого украинского государства стимулировала рост национального движения, отдельно дается история развития ОУН [22, с. 31]. «Завоевать симпатии можно было только соединив национальные требования с социально-экономической программой преобразований» [22, с. 46-49]. Именно это, по мнению авторов, и сделали «оуновцы», привлекая на свою сторону многих людей. Советское украинское партизанское движение рассматривается при этом вскользь, украинские партизаны выглядят некой обособленной группой, никак не связанной с населением УССР. Констатируется практически полный провал партизанского движения в связи с отсутствием надлежащей поддержки у населения: «Из оставленных 3500 партизанских групп к июню 1942 действовало только 22. Провал советского подполья свидетельствовал об отсутствии надлежащей поддержки у населения» [22, с. 26]. При этом авторы учебника забывают о том, что на территории УССР во время войны партизанское движение было особенно многочисленным, а его деятельность особенно результативной (отряды С.А. Ковпака, действовавшие в Ровенской, Житомирской, Киевской и др. областях) [13]. Вместо этого учебник цитирует не-

мецкие документы, в которых говорится о том, что гитлеровцы не видят угрозы в советском подполье, а боятся только деятельности ОУН [22, с. 31]. Украинских советских партизан авторы учебника обвиняют в отказе от объединения с «оуновцами» и многочисленных доносах в гестапо [22, с. 31]. Хотя очевидно, что отказ от объединения с «оуновцами» вполне объясним тем, что ОУН, сотрудничавшая с гитлеровской армией, не могла восприниматься советскими гражданами иначе, чем как группа предателей Родины.

Что касается положения УССР на заключительном этапе войны (1944-1945 гг.), то авторы учебника акцентируют внимание школьников на *«ужасе и оцепенении»* [22, с. 53], который испытало население *«из-за расправы над крымско-татарским населением, армянами, болгарами и украинскими немцами при обвинении их в сотрудничестве с немцами»* [22, с. 53], а также репрессиях и провокациях НКВД в адрес УПА *«Одетые в форму УПА спецотряды устраивали кровавые расправы, которые приписывали оуновцам, чтобы лишить поддержки населения УПА»* [22, с. 58]. Советское руководство обвиняется в аморальных действиях относительно *«сотен тысяч юношей и девушек, ... под угрозой репрессий, мобилизованных на восстановление народнохозяйственных объектов»* [22, с. 62]. Последнее утверждение кажется особенно циничным по отношению непосредственно к истории украинского населения УССР на фоне доподлинно известных фактах их трудовых подвигов и самоотверженной деятельности во время восстановления разрушенного войной хозяйства Украины [3].

Подводя общий итог Великой Отечественной войне, в особую рубрику авторы выделяют для запоминания школьников несколько наиболее важных с их точки зрения моментов: во-первых, события 1939 г. и вхождение в состав СССР показали, что *«настоящее освобождение (Украины – Ч.А.) возможно только в результате создания собственного независимого государства, а не вследствие смены страны-покровителя»* [22, с. 75]; во-вторых, после июня 1941 г. Украина невольно стала полем битвы между советскими и немецкими войсками [22, с. 75]; в-третьих, советское партизанское движение было слабым, ОУН же достигла широкого размаха, т.к. стремление к независимости было близким и понятным во всех регионах [22, с. 75]. И заканчивается глава, посвященная Украине в период Второй мировой войны, выводом: *«Несмотря на то, что борьба за независимость Украины охватывала не всю ее территорию, ее влияние на будущее украинского народа трудно переоценить. Наряду с освободительной борьбой 1917-1920 гг. она стала важной вехой на историческом пути украинцев к провозглашению независимости 24 августа 1991 г.»* [22, с. 77].

Таким образом, речь в учебнике идет о боевых действиях только на территории Украинской ССР и сводится преимущественно к рассуждениям на тему борьбы Украины за свою национальную независимость с несколькими врагами одновременно. В первую очередь это Советский Союз, насаждающий коммунистическую идеологию, и с которым можно бороться в союзе с Германией. С другой стороны это немецкие захватчики, но не с момента оккупации УССР, а с того момента, когда становится ясно, что они не могут быть надежным союзником в деле строительства независимого украинского государства. Явно прослеживается недвусмысленное стремление авторов учебника свести на нет позитивные и объединяющие моменты российско-украинского исторического прошлого и влияние России на украинскую историю, сформировать украиноцентрический взгляд.

Именно через эти базовые тезисы ученикам ретранслируются отдельные установки украинской государственной идеологии. В сознание школьников вкладываются следующие штампы и идеологемы:

- вместо полноценной картины Второй мировой войны школьники получают информацию об Украине, которая после 1939 г. находилась под гнетом «заклятого врага» – СССР, репрессиями насаждавшего нежеланный советский строй;
- именно тогда украинцы и осознали необходимость создания своего независимого государства;
- этот процесс был прерван развернувшимися на территории Украины военными действиями между немецкой и советской армией;
- однако даже в этих условиях украинцам удалось организовать широкое движение за независимость своего государства, которое, в конечном счете, привело к ее провозглашению в 1991 году.

В результате данный учебник формирует у школьников ограниченное и неверное представление об истории УССР в XX в., дистанцирует украинское население от россиян, воспитывая на отрицании общей российско-украинской истории национальное самосознание, национальную гордость и национальный дух.

Источники и литература.

1. Власов В.С. Історія України. К., 2008.
2. Власов В.С., Данилевська О.М. Вступ до історії України. К., 2005.
3. Восстановление и развитие народного хозяйства СССР (1946-1960 гг.) // СССР. Экономическая. М., 1986.
4. Гісем О.В., Мартинюк О.О. Історія України. Харків, 2008.
5. Гупан Н.М., Пометун О.І. Історія України. К., 2005.
6. Даниленко В.М. та ін. Історія України. Запоріжжя, 2005.
7. Кульчицький С.В., Лебедева Ю.Г. Історія України. К., 2003.
8. Кульчицький С.В., Лебедева Ю.Г. Історія України. К., 2005.
9. Кульчицький С.В., Шаповал Ю.І. Історія України. К., 2003.
10. Кульчицький С.В., Шаповал Ю.І. Історія України. К., 2005.
11. Ладиченко Т.В., Свідерський Ю.Ю., Романишин Н.Ю. Історія України. К., 2007.
12. Мисан В.О. Вступ до історії України. К., 2005.
13. Реєнт О.П., Малій О.В. Історія України. К., 2009.
14. Струкевич О.К. Історія України. К., 2009.
15. Подвиг и подлог: страницы Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг. // под. ред. Куманева Г.А. М., 2007.
16. Смолій В.А., Степанков В.С. Історія України. К., 2007.
17. Струкевич О.К. Історія України. К., 2009.
18. Струкевич О.К., Романюк І.М., Пірус Т.П. Історія України. К., 2008.
19. Темірова Н.Р., Турченко Ф.Г. Історія України. К., 2007.
20. Турченко Ф.Г. Історія України. К., 2007.
21. Турченко Ф.Г., Мороко В.М. Історія України. К., 2009.
22. Турченко Ф.Г., Панченко П.П., Тимченко С.М. Новейшая история Украины 1939-2001. К., 2001.
23. Швидько Г.К. Історія України. К., 2008.

Сокращения:

- МОНУ - Министерство образования и науки Украины
ОУН - Организация украинских националистов
СССР – Союз Советских Социалистических республик
УПА – Украинская повстанческая армия
УССР – Украинская Советская Социалистическая республика

СТОЛЫПИНЫ И СЕВАСТОПОЛЬ

ШЕВЧУК А.И.

Филиал МГУ в городе Севастополе

П.А. Столыпин

В исторических и библиографических данных нет сведений о пребывании Петра Аркадьевича Столыпина в Севастополе. И, тем не менее, род Столыпиных тесно связан с городом Севастополем.

Столыпины – русский дворянский род, восходящий к началу XVI столетия. Первый письменный документ о роде Столыпиных датирован 1566 г., когда *«Второй Титович Столыпин подписался на поручной записи бояр и дворян по князю Охлябинине»*. Герб рода Столыпиных внесен в Часть X Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи: *«В щите, имеющем в верхней половине красное поле, а в нижней – голубое, изображён одноглавый серебряный орел, держащий в правой лапе свившегося змея, а в левой – серебряную подкову, с золотым крестом. Щит держат два единорога. Под щитом девиз: „DEO SPES MEA“ (лат. Бог — надежда наша)»* [16].

По документальным и литературным источникам, среди предков великого реформатора преобладали служилые – в старорусском понятии – люди, которые в течение многих веков яркой и драматичной отечественной истории строили российское государство и воевали за его интересы. Столыпины XVIII–XIX вв. – офицеры, помещики, чиновники, общественные и государственные деятели, ярко проявили себя в ратных делах, в общественной жизни, науках, литературе и музыке.

Некоторые фигуры особенно примечательны, олицетворяют собой трагичные изломы русского прошлого [11].

Герб рода Столыпиных

Более подробно остановимся на тех, чьи судьбы были связаны с Севастополем.

Николай Алексеевич Столыпин (1781-1830 гг.) – брат Дмитрия Алексеевича Столыпина, деда П.А. Столыпина. Генерал-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 года, кавалер орденов Святого Георгия, получил известность как теоретик военного дела и эрудит. Он, по словам Сперанского, *«настоящий генерал»*, *«образец военного ума, твердости и самого здорового рассудка»*. Николай Алексеевич был военным губернатором Севастополя. Однако судьба его сложилась трагически.

В 1828 г. царские власти издали указ о карантине в связи с эпидемией чумы, распространившейся в Причерноморье. Севастополь был окружен цепью солдат, что ограничило возможность заниматься морскими промыслами и бахчеводством. Положение в городе значительно ухудшилось летом 1829 г., после введения более строгих карантинных мер. Прекратившийся из деревень подвоз сельскохозяйственного продовольствия вызвал страшный голод и лишения среди народа. Чиновники, купцы-подрядчики беззастенчиво наживались на поставках муки и других продуктов, присваивая себе крупные суммы. Жителей слобод, подозреваемых в болезни (хотя в городе не

было известно ни одного случая заболевания чумой), сгоняли в особые карантинные бараки. Ослабленных голодом и лишениями "простолюдинов", принимаемых нередко за "чумных больных", почти заживо закапывали в ямы. Это породило критическую ситуацию, окончившуюся бунтом и погромами.

Н.А. Столыпин

очень умный, бескорыстный, большой стоятель за полк, и за честь мундира, барин по происхождению, солдат по жизни, и настоящий джентльмен по характеру и убеждениям» [4, с. 117].

Описание Екатерининской улицы начала 30-х гг. XIX в. в записках морского врача Н. Закревского: *«Адмиралтейство было отгорожено от улицы невысокой стеной из буттового камня, которая начиналась от Графской пристани. За адмиралтейством стояли дома военного губернатора Столыпина и городского головы Носова» [3].*

Отец П.А. Столыпина – Аркадий Дмитриевич (1822-1899 гг.) также был боевым генералом (впоследствии генерал-адъютантом Императора).

А.Д. Столыпин

Восставшие ворвались в дом губернатора, нашли Столыпина, вывели на улицу, где забили дубинами и камнями. Власть в городе перешла в руки восставшего народа, во главе которого стал военный совет ("добрая партия"). Четыре дня Севастополь был в руках повстанцев, поддержанных моряками боевых кораблей. Однако среди народных руководителей не было единства, они проявили нерешительность, и восстание было подавлено. Вожди движения (Иванов, Пискарев, Шкуропелов и др.) были приговорены к смерти. Большое число повстанцев было сослано на каторгу, а жители Корабельной и Артиллерийской слобод высланы в Архангельск [1].

Русский поэт и прозаик, литературный критик Всеволод Владимирович Крестовский оставил следующую характеристику Н.А. Столыпина: *«Это был человек*

Интересы А.Д. Столыпина не замыкались на военном деле. Он был разносторонним и высококультурным человеком, сочинял музыку, играл на скрипке, увлекался скульптурой. В Крымскую войну капитан Столыпин, командуя артиллерийскими батареями, находился постоянно на переднем крае сражений, как на Дунае, так и во время легендарной обороны Севастополя. За храбрость, мужество и самоотверженность при отражении первого штурма Севастополя в ночь с 10 на 11 марта 1855 года капитан Столыпин в 33 года получил в награду за службу золотую саблю с надписью «За храбрость», орден Святой Анны 2-й степени с мечами и официальное монаршее благоволение (нечто вроде благодарности) [5, с. 18]. А в ноябре 1855 г. он был произведен в чин полковника.

В Севастополе А.Д. Столыпин встречается с Л.Н. Толстым. Офицеры подружились, и, эта дружба сохранилась на всю жизнь. Они решают издавать журнал для солдат. Программа журнала делилась на официальную и неофициальную часть. В официальной предполагалось помещать приказы о награждениях и сентенции военного суда за постыдные поступки, а также события с различных театров войны. В неофициальной части – рассказы из военного быта, описания подвигов, жителей, края, статьи об инженерном и артиллерийском деле, религиозные поучения воинам и солдатские песни. Издатели заручились сотрудничеством многих высокопоставленных лиц, среди которых было большое количество генералов и даже его Высокопреосвященство Филарет. Однако, ходатайство офицеров о журнале не было удовлетворено в военном министерстве и Л.Н. Толстой обращается за помощью к Н.А. Некрасову с просьбой опубликовать рассказы в

журнале «Современник». Там и был напечатан рассказ А.Д. Столыпина о ночной вылазке в лагерь неприятеля. Публикация дала начало севастопольским рассказам Л.Н.Толстого [6].

Во время Крымской войны А.Д. Столыпин был назначен на должность адъютанта командующего армией князя М.Д. Горчакова, своего будущего тестя. Кстати, князь М.Д. Горчаков – дед П.А. Столыпина по линии матери, был также участником Крымской войны.

М.Д. Горчаков

Вторым браком А.Д. Столыпин был женат на княжне Наталье Михайловне Горчаковой – матери будущего премьер-министра, принадлежавшей к славному и древнему роду, ведущему «отсчет от русского святого – князя Михаила Черниговского, замученного в Орде в 1246 году “за твердое стояние за православную веру”». Правнук мученика – князь Иван Титович Козельский принял фамилию Горчаковых уже в XVI веке. В дальнейшем встречаем в истории Дмитрия Петровича Горчакова – писателя, противника сентиментализма. Сын его, Михаил Дмитриевич, руководил обороной Севастополя в Крымскую войну в самые трудные месяцы этой эпопеи. Наконец, дед П.А. Столыпина по матери – Александр Михайлович Горчаков – министр иностранных дел, знакомец Бисмарка, с 1870 г. – канцлер России, в юности –

друг другого нашего великого поэта, убитого тоже на дуэли – Александра Сергеевича Пушкина [6. с. 553-554]. Двоюродные братья Аркадия – Алексей и Дмитрий также участвовали в обороне Севастополя.

Выделяется фигура Алексея Аркадьевича Столыпина (1816–1858) – двоюродного дяди М.Ю. Лермонтова, однополчанина и секунданта поэта, который изобразил своего друга в поэме «Монго» (прозвище А.А. в дружеском кругу) [7, с. 552].

А.А. Столыпин, проявивший большую храбрость под Севастополем, был представлен к Георгиевскому кресту, но вскоре умер, оставив после себя память о дерзкой фронде самому Императору. По свидетельствам современников, этот отпрыск рода Столыпиных «считался самым красивым человеком России...» [13].

Помимо прямого родства с замечательным русским поэтом М.Ю. Лермонтовым, с которым в детстве дружил отец будущего премьер-министра России, здесь можно упомянуть и его дядю Дмитрия Аркадьевича Столыпина – писателя-аграрника, последователя О. Конта.

А.А. Столыпин

Д.А. Столыпин (1818-1893 гг.) считал, что военная служба имеет смысл лишь тогда, когда отечество оказывается в опасности со стороны внешних врагов, в мирное же время она бессмысленна. Ряд конфликтов с начальством ускорил отставку. С началом Крымской войны он вернулся на службу, участвовал в обороне Севастополя. В августе 1855 г. в сражении на Черной речке был контужен, когда выносил из-под огня тело убитого генерала П.В. Веймарна. После войны Дмитрий Аркадьевич вновь вышел в отставку и надолго уехал за границу, где увлекся философией О. Конта.

Вернувшись в Россию, Д.А. Столыпин решил заняться устройством крестьянского быта. Но мужики плохо слушались философа, и он нашел корень зла в крестьянской общине, где «личность пригнетена, порядки некрасивы». На Нижней Волге крестьянская община, действительно, была более рутинной сравнительно с другими местностями России. Общинному землевладению Д.А. Столыпин противо-

поставлял систему хуторского хозяйства. В условиях России важное значение он придавал устройству хуторов на арендованных у помещиков землях. Свои взгляды по этим проблемам он изложил в обширной статье «Арендные хутора», напечатанной в журнале «Русский вестник» в 1892 г. Умер Дмитрий Аркадьевич бездетным в декабре 1893 года [2].

Д.А. Столыпин

Возможно, взгляды дяди оказали влияние на последующую реформаторскую деятельность Петра Столыпина.

Таким образом, трое из рода Столыпиных сражались под стенами Севастополя.

Величественное родовое древо Столыпиных, своими корнями уходящее в глубь русской истории, было опорной и созидательной частью ее. *«Были Столыпины в ополчении Минина и Пожарского, среди чудо-богатырей Суворова, на Бородинском поле, среди защитников Крыма и Болгарии от турок»* [8, с. 36]. *«Государево жалование и поместья – были наградой за верную службу России, которая росла и ширилась на славу народу, на зависть и страх соседям, вражескими станами со всех сторон окружавшими и теснившими Русскую Землю»* [12].

Как верно отмечалось, от отца к сыну в роде Столыпиных передавались культура, понимание долга, традиции и стремление следовать им... Эта же мысль о глубинной связи мировоззрения, поступков и действий П.А. Столыпина с жизненным путем и устремлениями его замечательных предков высказана как многими людьми,

лично знавшими его, жившими с ним в одно время, так и более поздними исследователями, учеными, публицистами – вплоть до нашего времени. Очевидно, страсть к реформаторству, к преобразованиям была наследственной в роде Столыпиных. Как наследственным было и большое личное мужество, которое отличало как отца, так и сына...» [9, с. 3].

Хотя сам П.А. Столыпин не был в Севастополе, но сделал очень много для его флота. Личность П.А. Столыпина была поистине уникальной, а интересы его многогранными. Он стремился реформировать и внести усовершенствования во все основные сферы государственной жизни, но прежде всего решить в России аграрный и рабочий вопросы. Тем не менее, большое место в деятельности премьер-министра занимали также и вопросы обороны государства, в частности - восстановления отечественного военно-морского могущества.

После поражения России в войне с Японией в русском обществе, в печати и в среде морского офицества началась дискуссия о дальнейшей судьбе военно-морского флота. В ней обосновывалась необходимость коренных реформ Морского министерства и возрождения отечественного флота как боевой силы.

Будущее отечественного военного флота участникам общественной дискуссии виделось по-разному. Среди политиков и представителей общественности, профессионально далеких от морского дела (А. Гучков, П. Милоков, С. Витте и другие), было распространено мнение о второстепенности флота и приоритете армии над ним. Того же мнения придерживалась и часть военных (А.Ф. Редигер, Ф.Ф. Палицын, А.Н. Куропаткин). Среди сторонников существования военно-морского флота как самостоятельной, не подчиненной армии, силы также не было единства. Часть видных морских теоретиков и публицистов (Н. Кладо, Л. Добротворский, М. Меншиков и другие) под влиянием успешного применения минного оружия в прошедшей войне, выступали за строительство нового военного флота, основу которого составили бы корабли и подводные лодки с минно-торпедным вооружением. При этом линейным кораблям отводилось второстепенное значение. Другая часть военно-морского сообщества, в основном бывшие участники войны с Японией (И. Григорович, Н. Эссен, А. Колчак, А. Ливен и другие), выступали за создание мощного наступательного линейного флота как единственного средства господства на море в предстоящих войнах. Видный представитель этого направления общественной мысли А.В.Колчак так сформулировал основной постулат этой идеи: *«России нужна реальная морская сила, на которой могла бы быть основана неприкосновенность ее морских границ и на которую могла бы опереться независимая политика, достойная великой державы... Эта реальная сила лежит в линейном флоте и только в нем»* [10, с. 161].

Можно с уверенностью утверждать, что именно к представителям этого направления относился и председатель совета министров П.А. Столыпин. Понимая, что вопрос о новом флоте крайне важен для государства, но в то же время, зная свою недостаточную осведомленность и опытность в морских делах, Петр Аркадьевич приложил все усилия, чтобы исправить этот пробел в своем образовании. Он прослушал целый ряд лекций военно-морских специалистов по кораблестроению, а также по тактическим и стратегическим вопросам развития и управления флотом. Более того, по просьбе Столыпина ему доставлялись все вновь издававшиеся книги и газетные статьи по вопросу о новом военно-морском флоте, поэтому премьер постоянно был в курсе общественной дискуссии. Со временем Петр Аркадьевич настолько преуспел в военно-морских вопросах, что с ним стал советоваться Николай II.

Таким образом, вникнув в суть проблемы, П.А. Столыпин твердо встал на сторону той части общества, которая считала, что России как великой державе необходим мощный линейный флот, и в дальнейшем последовательно отстаивал эту точку зрения перед членами Государственной думы, многие из которых придерживались противоположных взглядов. В апреле 1907 года Морской генеральный штаб представил царю четыре варианта новой судостроительной программы. Утвержденный Николаем II вариант, получивший название «Малой судостроительной программы».

Столыпин активно выступил в защиту «Малой судостроительной программы». С этой целью он несколько раз выступал в думе, убеждая депутатов и членов Государственного совета в необходимости и государственной важности появления у России мощного военного флота. Анализируя эти выступления, можно составить четкое представление о позиции П.А. Столыпина.

Так, на заседании комиссии по государственной обороне 3 марта 1908 г. он заявлял, что откладывать и медлить с ассигнованиями на флот никак нельзя. Эскадра новых военных кораблей необходима государству хотя бы затем, чтобы не отстать в техническом отношении от мировых морских держав, более того, она должна быть использована для обучения новых военно-морских кадров. *«Как обучить личный состав, - спрашивал у парламентариев П.А. Столыпин, - не имея ни одной цельной эскадры, не имея судов нового типа, которые строит весь мир? Остановка, предлагаемая вами обратит наш флот в коллекцию старой посуды... Этим вы убьете дух, до сих пор живой во флоте»*. Кроме того, по убеждению П.А. Столыпина, денежные ассигнования на постройку новых кораблей помогли бы сохранять и развивать отечественную кораблестроительную промышленность [15, с. 323].

24 мая 1908 г. на заседании Государственной думы Петр Аркадьевич произносит блестящую речь «О Морской обороне», в которой наиболее полно изложил свои взгляды на будущее российского флота. Пытаясь убедить парламентариев в необходимости выделить на его строительство необходимые средства, П.А. Столыпин выдвинул четыре основных тезиса.

Первый тезис гласил: России как великой державе, необходим мощный линейный флот, миноносный флот не гарантирует защиту ее берегов. *«Флот, - по мнению Петра Аркадьевича, - является предметом народной гордости: это... внешнее доказательство того, что народ имеет силу, имеет возможность удержать море в своей власти. Для этого недостаточно одних крепостей, нельзя одними крепостными сооружениями защищать береговую линию. Для защиты берегов необходимы подвижные, свободно плавающие крепости, необходим линейный флот... России нужен флот, который был бы не менее быстроходен и не хуже вооружен, и не с более слабой броней, чем флот предполагаемого неприятеля... так как отбиваться от плавучих крепостей, которые называются броненосцами, нельзя одними минными судами»* [14, с. 114].

Второй тезис говорил о том, что по правилам военно-морского искусства боеспособный флот должен состоять из эскадр однотипных судов, обладающих одинаковой скоростью хода, бронированием и огневой мощью. Часть кораблей, оставшихся в строю после русско-японской войны, были разнотипны, а следовательно, не могли составить боеспособной эскадры и обеспечить надежную оборону государства. Отсюда вытекает настоятельная необходимость постройки новой эскадры однотипных военных кораблей.

Третий тезис сводился к тому, что отказ от строительства нового флота или задержка в этом строительстве нанесет существенный удар по судостроительной промышленности, может быть потерян технический опыт, а возможно, и часть рабочих кадров. В то же время отсутствие новой эскадры не позволит обучать и готовить кадровый состав военно-морского флота, что в то время было особенно важным, поскольку даже в 1908 г. некомплект офицеров и специалистов на некоторых судах флота доходил до 65-75% всего личного состава, «...*Судите сами, - заявлял Столыпин, - какое же возможно эскадренное учение, какая же возможна стрельба, какое возможно эскадренное маневрирование без эскадры. Возможно ли обучение, воспитание механиков, раз мы не имеем усовершенствованных механизмов?*» [8, с. 114].

Наконец, четвертый тезис предупреждал парламентариев о том, что хотя бы временный отказ от постройки нового флота пагубно скажется на настроении молодых инициативных морских офицеров, снимет с них ответственность за будущее флота, принесет «*громadный нравственный ущерб*». Там он вновь доказывал, что «*великие мировые державы имеют и мировые интересы. Великие мировые державы должны участвовать и в международных комбинациях, они не могут отказаться от права голоса в разрешении мировых событий. Флот - это тот рычаг, который дает возможность осуществить это право, это необходимая принадлежность всякой великой державы, обладающей морем*». Премьер-министр настаивал, что обеспечить береговую оборону государства одними мелкими судами-миноносцами и подводными лодками - невозможно и потому необходимо создавать «*живую боевую силу - оружие победы - линейный флот*» [14, с. 114].

Добившись финансирования «Малой судостроительной программы», П.А. Столыпин принял активное участие в создании усиленной программы судостроения.

В 1910 г. Россия столкнулась с усилением угроз на Черном море. С начала года в Санкт-Петербург стали приходить тревожные сообщения от русских военно-морских агентов в Лондоне и Константинополе. В них говорилось о том, что Турция намерена усилить свой флот на Черном море.

В случае успешного выполнения этих заказов Турция могла поставить под сомнение господство России в Черноморском бассейне, более того под угрозой оказались бы важные экономические центры Крым, Одесса, Новороссийск. Для исправления ситуации нужно было принимать срочные меры, и инициатором их выступил Петр Аркадьевич. В июле 1910 г. по его просьбе было подготовлено письмо морскому министру С.А. Воеводскому с требованием немедленно приступить к разработке планов усиления Черноморского флота. При этом П.А. Столыпин мотивировал свое требование следующим образом: «*Воссоздание турецкого флота и заказ судов более сильных, чем лучшие из наших черноморских судов... сведет наше положение на Черном море к положению подчиненному и даже для всего нашего черноморского побережья небезопасному*». В том же месяце П.А. Столыпин обратился к военному и морскому министрам со специальным письмом, в котором требовал «*безотлагательно приступить... к мероприятиям могущим уравновесить наше военное положение на Черном море с предстоящим увеличением турецкого флота*». Итогом этого требования стала разработка Морским министерством программы усиления Черноморского флота. Она предусматривала строительство 3 линейных кораблей, 9 эскадренных миноносцев и 6 подводных лодок на общую сумму 150,8 млн. рублей [17, с 24-25].

В мае 1911 г. программа была одобрена Думой и утверждена Николаем II. Именно ходу реализации этой программы было посвящено одно из последних заседаний Совета министров под предводительством П.А. Столыпина, состоявшееся 4 августа 1911 года. К сожалению, Петр Аркадьевич не смог увидеть плодов своего труда на военно-морском поприще, в сентябре 1911 г. он был убит в Киеве.

Можно утверждать, что боеспособность русского военно-морского флота, проявившаяся в ходе Первой мировой войны, особенно на Черном море, была достигнута не в последнюю очередь благодаря усилиям П.А. Столыпина. И остается только сожалеть, что судостроительные программы, которые он поддерживал и сторонником которых являлся, по разным причинам не были реализованы полностью.

Источники и литература.

1. Восстание в Севастополе в 1830 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Тайны истории и культуры Крыма». Режим доступа: <http://www.crimea.edu/crimea/history/23w.htm>.
2. Д.А. Столыпин [Электронный ресурс] // Сайт «Родственники». Режим доступа: <http://stolypinpetr.narod.ru/rodichi.htm>.
3. Дьяконова И.А. Екатерининская улица [Электронный ресурс] // Сайт «Подземный Севастополь». Режим доступа: http://sevdig.sevastopol.ws/gal/gal_old/eketerina.html.
4. Зайончковский А.М. Краткая характеристика кн. А.С. Меншикова, кн. М.Д. Горчакова, адм. В.А. Корнилова, П.С. Нахимова и ген. Э.И. Тотлебена // История русской армии и флота: (Роскошно иллюстр. изд.). Вып. 10. М., 1913. С. 115-119.
5. История отечественного кораблестроения. Т. 3: Судостроение в первой четверти XX в. (1906-1925). СПб., 1995. С. 24-25.
6. Кабытов П.С. Аркадий Дмитриевич Столыпин [Электронный ресурс] // Сайт «Фонд изучения наследия П.А. Столыпина». Режим доступа: http://www.stolypin.ru/rod_stolypina3.html.
7. Колчак А.В. Какой нужен флот России? // Военно-морская идея России: Духовное наследие Императорского флота. М., 1999. С. 161.
8. Крестовский В.В. История 14-го уланского Ямбургского полка. СПб., 1873. 327 с.
9. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. 554 с.
10. Маевский Вл. Борец за благо России. Мадрид, 1962. С. 3.
11. Полякова С. Петр Аркадьевич Столыпин [Электронный ресурс] // Сайт «Личность в истории». Режим доступа: <http://www.times248.ru/TIMES/times/times-022/pages-022/009-pages-personal.htm>.
12. Сидоровнин Г. Столыпин Петр Аркадьевич (1862-1911). [Электронный ресурс] // Сайт «Правая.ру». Режим доступа: <http://www.pravaya.ru/ludi/450/2937?print=1>.
13. Сидоровнин Г. Столыпин Петр Аркадьевич (Родословная) [Электронный ресурс] // Сайт «КМ.ру». Режим доступа: http://student.km.ru/ref_show_frame.
14. Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия...: Полн. Собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911 гг. М., 1991. С. 114.
15. Столыпин. Жизнь и смерть / Сост. А. Серебренников, Г. Сидоровнин. Саратов, 1991. С. 36.
16. Столыпины [Электронный ресурс] // Сайт «Википедия». Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%8B%D0%BF%D0%B8%D0%BD%D1%8B>.
17. Федоров Б.Г. Петр Аркадьевич Столыпин. Биография П.А. Столыпина. М., 2003. 656 с.

**КУЗНИЦА ЛЁТНЫХ КАДРОВ
(К 100-ЛЕТИЮ КАЧИНСКОЙ ШКОЛЫ)**

Шульга О.А.

**Севастопольский филиал Саратовского государственного
социально-экономического университета**

В ноябре 2010 года город Севастополь будет отмечать 100-летие Качинской военной авиационной школы, выходцы которой сыграли значительную роль в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Этим и объясняется актуальность выбранной темы. Для написания статьи автор широко использовал материалы музея качинской лётной школы. В общей системе деятельности Военно-Воздушных Сил профессиональное обучение личного состава занимает одно из ведущих мест. Научно-теоретическая и практическая подготовка будущих воинов, их морально-психологические качества, как свидетельствует опыт всех прошлых и современных войн, являются одними из важнейших составных частей боевого потенциала воюющих сторон, во многом определяющих ход и исход войны. В становлении и развитии отечественного Военно-Воздушного флота огромная роль принадлежит старейшей кузнице летных кадров страны – Севастопольской (Качинской) военной авиационной школе, проработавшей 88 лет (1910 - 1998 гг.) и подготовившей 16 571 летчика и 6 космонавтов, из них: 112 Георгиевских кавалеров, 358 Героев Советского Союза (из них 12 - Дважды Героев) и 22 Героев Российской Федерации [1, с. 49]. Среди выпускников-качинцев есть маршалы авиации, около 170 генералов. Школа, выдержавшая испытания двух мировых войн, двух революций и Гражданской войны была закрыта в 1998 г. в рамках реформирования структуры Вооруженных сил, производимого правительством первого российского президента Б.Н. Ельцина.

Изучение деятельности старейшей школы летчиков интересно не только с исторических, но и с практических позиций сегодняшнего дня. Наступающий в ноябре 2010 г. 100-летний юбилей школы позволяет обратить внимание как власти, так и общества на уникальную, богатую героическими событиями историю Качинского училища, отражающую историю Военно-Воздушных сил нашей страны, являющуюся составной частью культурного наследия нашего региона. В героической летописи Севастополя есть одна страница, малоизвестная не только многим местным жителям, но и большинству гостей города. Именно здесь, на юго-западе Крымского полуострова в начале прошлого века была создана отечественная авиационная школа. Она стала первой, построенной на добровольные пожертвования граждан, собранные для восстановления, разгромленного в Русско-японской войне 1905 г. флота и на развитие авиации [8, с. 24].

В 1905 г. Россия потерпела поражение в Русско-японской войне, её флот был разбит. На его восстановление требовалось средства. По ходатайству великого князя Александра Михайловича и одобрению царя начался сбор добровольных пожертвований. Люди откликнулись, и в кратчайшие сроки была собрана сумма многим большая, чем требовалось. Флот был восстановлен. На оставшиеся деньги, а это 900 000 золотых рублей (по тем временам цена одного линейного корабля), по приказу Николая II были выписаны из Франции первые самолёты.

Специальная комиссия во главе с Великим князем Александром Михайловичем и участием российского аса, шеф-пилота школы М.Н. Ефимова подобрала ровный участок земли, пригодный для аэродрома с учетом развития летной работы в будущем в 20 верстах севернее Севастополя и в шести верстах от небольшой крымской реки Качи, недалеко от татарской деревни Мамашай (ныне с. Орловка), на берегу Черного моря. Великий князь этот выбор одобрил и утвердил. В это же время Севастопольскую школу посетил Председатель Третьей Государственной Думы, промышленник А.П. Гучков. Полетав на аэропла-

не школы, хотя и с вынужденной посадкой, он дал обед в честь военных летчиков Воздушного Флота России. Затем уехал в Петербург, где убедил депутатов Думы выделить на обустройство первой летной школы 1 050 000 руб.

24 ноября 1910 г. на Куликовом поле (ныне просп. ген. Н.А. Острякова) была открыта Севастопольская офицерская школа авиации. Первым начальником школы был В.Н. Кедрин [1, с. 58]. Впоследствии годовщины школы стали отмечать не по официальному дню её открытия, а 21 ноября по престольному празднику архистратига Михаила, объявленного покровителем авиашколы. Набор кандидатов в лётчики производился из офицеров высшего сословия разных родов войск царской армии. 8 ноября (26 октября) состоялся первый выпуск авиашколы. Торжественную церемонию встречи государя Николая II в Ливадийском дворце с 24-я выпускниками по случаю присвоения им звания «пилот-авиатор» запечатлел для потомков неизвестный фотограф. Неизвестный нам автор пишет о них так: *«На фотографии они подтянутые, brave, торжественные – первые военные лётчики России. Нелегко им дался этот год. И первый полёт, когда сидишь в аэроплане-этажерке, «как на жёрдочке над пропастью, а в лицо и в грудь бьёт струя воздуха», первые военные манёвры и первые потери...»* [5, с. 49].

Город разрастался, росла и авиашкола. К концу 1911 г. в ней было уже 38 самолётов, 7 инструкторов, которые обучали 44 лётчиков. В связи с освоением скоростных аэропланов «Ньюпор-4», способных разгоняться до 110 км/ч, более прочных и безопасных, чем используемых ранее самолетов «Соммер», «Блерио» и «Антуанетт», аэродром оказался слишком мал для практического обучения, и школа военных лётчиков была переведена *«за 12 вёрст (13 км) по воздуху от Севастополя»* на побережье. Место, выбранное к северу от устья р. Кача оказалось во всех отношениях удачным. Степь с небольшими холмами возвышалась на 40 м над уровнем моря. Крутой обрывистый берег, близость Крымских гор, наличие ветров постоянных направлений в сочетании с разницей температуры воды и суши создавали мощные восходящие потоки. Плюсовая среднегодовая температура воздуха, малое количество осадков, около 200 солнечных дней в году – все эти факторы обеспечивали прекрасные условия для полётов.

Под аэродром было определено 650 десятин (более 7 кв. км) земли стоимостью около 150 000 рублей [3, с. 132]. Был проведён дополнительный сбор добровольных пожертвований граждан на развитие авиации. Выдавались поощрительные нагрудные золотые (за 500 руб.) и серебряные знаки, реализовывались жетоны на цепочке в виде аэроплана.

21 ноября 1912 г. состоялась закладка капитальных зданий на новом месте. Уже летом с нового аэродрома начались интенсивные полеты. Николай II участвовал в освящении авиагородка на речке Кача, куда школа переехала из Севастополя. Рядом с аэродромом образовался посёлок авиаторов Кача. Курсанты стали называть свою школу Качинской (Для справки: единого варианта перевода слова «Кача» с тюркского языка на русский нет. По некоторым сведениям, это мужское имя. По другим – «крест», так как у истоков речки в древности существовал христианский храм).

На собранные деньги в офицерской авиашколе оборудовали ремонтные мастерские, ангары для самолётов, полевой и морской аэродромы, что позволило обучать взлёту и посадке на воду. В 1913 г. школу закончили 67 офицеров, из них восемь – морских. Так зарождалась отечественная морская авиация. Об успехах в подготовке лётных кадров свидетельствуют факты. Например, впервые в мировой практике выпускники-качинцы разработали Инструкцию по боевому применению авиации [1, с. 111]. Первыми они использовали аэропланы для фоторазведки, полётов над морем, освоили новые фигуры высшего пилотажа «штопор» и «мёртвая петля». Немалая заслуга в этом преподавателей-инструкторов. Шеф-пилотом школы был одессит М.Н. Ефимов, выпускник лётной школы Фармана в Мурмелоне (Франция), который ещё в 1910 г. побил все мировые рекорды по продолжительности и дальности полёта. Подстать ему были инструкторы капитан-лейтенант М.М. Зеленский, штабс-капитан Б.В. Матыевич-Мациевич, лейтенант Г.В. Пиотровский, поручики М. Комаров и Е.В. Руднев, представитель Гатчинской авиашколы. В марте 1914 г. Качу посетил лётчик П.Н. Нестеров. Его «мёртвая петля», исполненная 9 сентября 1913 г. на самолёте «Ньюпор-4», вошла в историю мировой авиации.

Мастер высшего пилотажа во время Первой Мировой войны совершил 7 боевых вылетов. Штабс-капитан Нестеров впервые применил воздушный таран, при этом героически погиб. Одна из улиц посёлка носит имя прославленного авиатора. Накануне и в годы Первой Мировой войны Качинская школа выпустила десятки подготовленных лётчиков [6, с. 121].

Среди них К.К. Арцеулов, первым покоривший «штопор»; это был один из экспериментальных полётов, который навсегда впишет его имя в историю мировой авиации. Дело в том, что большая часть катастроф, в которых в то время гибли лётчики (и на Качинском аэродроме в том числе) была результатом этого самого злополучного «штопора». Достаточно было незначительной ошибки в пилотировании, как на скорости 90-100 км/ч самолёт срывался и падал, вращаясь до земли. Причём, чудом выживавшие лётчики утверждали, что руль в таком случае переставал действовать. Арцеулов, будучи руководителем лётчиков высшей квалификации – истребителей, считал своим долгом разобраться в причинах этого явления. Его идея состояла в том, что для выхода из штопора необходимо отвести руль от себя, вопреки сложившимся правилам, то есть заставить самолёт увеличить скорость путём крутого падения, и за счёт этого вернуть машине управляемость [3, с. 87]. Оставалось проверить идею на практике, невзирая на смертельный риск, что блестяще и проделал Арцеулов.

Кстати, оба его деда были известными людьми: И.К. Айвазовский – непревзойдённый художник-маринист, Н.А. Арцеулов – видный корабельный инженер, зачинатель броненосного флота.

В ряду выпускников летной школы много известных авиаторов.

Легендарный лётчик А.И. Покрышкин, сбивший лично в Великую Отечественную войну в 137 боях 53 вражеских самолёта, удостоен Золотой звезды Героя трижды. Его имя присвоено одной из качинских улиц.

Из стен Качинской летной школы вышли замечательные летчики: В.А. Степанченко, А.Е. Юмашев, которые в 1929 г. побили все мировые рекорды высоты, дальности и продолжительности полета. В 1936 г. экипаж самолета АНТ-25 в составе В.П. Чкалова и двух воспитанников Качинского училища Г.Ф. Байдукова и А.В. Белякова совершил свой беспримерный перелет из Москвы в Петропавловск-на-Камчатке. Через год с тем же экипажем совершил рекордный перелет через Северный полюс на о. Удд, пробыв непрерывно в воздухе более 60 часов и пролетев без посадки более 10 000 км. А вскоре тот же экипаж удивил мир новым подвигом, совершив за 63 часа беспосадочный перелет из Москвы в США [7, с. 59].

Все человечество рукоплескало рекорду советских женщин – воспитанниц Качинской школы П.Д. Осипенко и В.Ф. Ломако, которые вместе со штурманом М.М. Расковой совершили беспосадочный перелет из Севастополя в Архангельск. Все лётчицы были награждены орденом Ленина.

Первая советская военная летчица З.П. Кокорина окончила школу в 1924 г. и работала летчиком-инструктором, была начальником летной школы в г. Хабаровске.

А в сентябре 1938 г. П.Д. Осипенко, В.С. Гризодубова и М.М. Раскова совершили беспосадочный перелет из Москвы на Дальний Восток на самолете "Родина". П.Д. Осипенко окончила школу в 30-х гг., это одна из первых женщин, которой было присвоено звание Героя Советского Союза. Ее имя носит совхоз в окрестностях Севастополя.

Авторитет школы в то время был настолько высок, что руководители страны, начиная с И.В. Сталина, посылали своих сыновей для летного обучения в Качинскую авиашколу. Именно в Каче учились летать сын И.В. Сталина Василий, три сына А.А. Микояна, сыновья Н.В. Фрунзе.

В Доме офицеров находится небольшой музей, посвященный качинской лётной школе, который с удовольствием посещают школьники, матросы, гости посёлка и все желающие. В 1965 г. в честь 20-летия Победы у Дома офицеров были торжественно открыты парк и аллея Героев, где установлены бюсты 26 Героев Советского Союза летчиков-черноморцев. Изготовили бюсты шефы – студенты Киевского художественного института.

В настоящее время от лётной школы сохранилось здание, в которой она находилась. Сохранились лестницы, коридоры, кабинеты. Только вот ныне это жилой дом и из каби-

нетов сделаны квартиры, сейчас оно называется ДОС № 12. И только потёртые от времени львы, преданно охраняющие здание с самого начала, не сдвинуты с места.

В музее на большой доске рядом гербом Качи помещены стихи Ф.К. Ростовского посвящённые Качинской лётной школе:

*«Сильные, смелые, в небо летящие,
Гордо стремитесь вперёд.
В дали лазурным простором манящие,
Пусть вас порыв увлечёт.
Сделайте то, что казалось забавою,
Сказкой подобною сну,
Делом великим, что новою славою
Нашу покроет страну.
И отзовётся вам в небо летавшим,
Родина сердцем своим,
Вечною памятью доблестно павшим,
Вечною славой живым!»*

Источники и литература.

1. Аллахвердянц В.Г. Подготовка авиационных кадров отечественных Военно-Воздушных Сил: на примере деятельности Севастопольской (Качинской) лётной школы в 1910-1945 гг. Волгоград, 2008. 215 с.: ил.
2. Алтабаева Е.Б. Марш энтузиастов. Севастополь, 2008. 383 с.
3. Байдуков Г.Ф. Чкалов. М., 1991. 279 с.
4. Байдуков Г.Ф. Первые перелеты через Ледовитый океан: Из воспоминаний летчика. М., 1987. 312 с.
5. Беляков А.В. Валерий Чкалов. М., 1987. 176 с.
6. Залесский К.А. Империя Сталина. М., 2000. 431 с.
7. Пунтус В.Г. Крылья Качи. Волгоград, 1970. 264 с.
8. Чкалова В.В. Валерий Чкалов. М., 2004. 295 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРУТЮНЯН Лариса Владимировна	Преподаватель Севастопольского филиала Саратовского государственного социально-экономического университета
БОЙЦОВА Елена Евгеньевна	Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе
ВИКТОРОВ Юрий Геннадьевич	Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе
КОВАЛЕНКО Лидия Михайловна	Преподаватель Муниципального образовательного учреждения №118 г. Сочи, Россия
КРАПИВЕНЦЕВ Максим Юрьевич	Преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе
КУЗЬМИНА Анна Васильевна	Преподаватель Севастопольского филиала Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов
ЛЕЙБЕНСОН Виталий Генрихович	Старший преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе
ТЕРЕЩУК Наталья Михайловна	Заместитель директора Государственного архива города Севастополя
ТКАЧЕНКО Сергей Николаевич	Соискатель, Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
ФЕСЕНКО Анжела Артуровна	Начальник отдела Государственного архива города Севастополя
ФИЛИМОНОВ Сергей Борисович	Доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, заведующий кафедрой российской истории Таврического национального университета им. В.И. Вернадского

* * *

БЕЗДЕНЕЖНЫЙ Павел Владимирович	Студент II курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе (научн. руководитель – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе Викторов Юрий Геннадьевич)
БЕСЕЛОВ Всеволод Игоревич	Студент V курса исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва (научн. руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего зарубежья Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Солопова Оксана Вячеславовна)
ИВАНОВА Виктория Александровна	Студентка III курса Севастопольского филиала Саратовского государственного социально-экономического университета (научн. руководитель – преподаватель Севастопольского филиала Саратовского государственного социально-экономического университета Арутюнян Лариса Владимировна)
КРАПИВЕНЦЕВА Валерия Андреевна	Студентка V курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе (научн. руководитель – доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе Усов Сергей Андреевич)
КУДАШКИНА Наталья Алексеевна	Студентка V курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе (научн. руководитель – доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения и историографии Отечественной истории Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Наумова Галина Романовна)
МИХАЙЛЮК Сергей Витальевич	Студент III курса Севастопольского филиала Саратовского государственного социально-экономического университета (научн. руководитель – преподаватель Севастопольского филиала Саратовского государственного социально-экономического университета Арутюнян Лариса Владимировна)
ТАЛЫЗЕНКОВА Мария Григорьевна	Студентка II курса отделения «Психология» Филиала МГУ в г. Севастополе (научн. руководитель – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе Викторов Юрий Геннадьевич)
ЧИБISOVA Анастасия Алексеевна	Студентка IV курса исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва (научн. руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего зарубежья Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Солопова Оксана Вячеславовна)
ШЕВЧУК Андрей Игоревич	Студент I курса отделения «Экономика» Филиала МГУ в г. Севастополе (научн. руководитель – преподаватель Севастопольского филиала Саратовского государственного социально-экономического университета Арутюнян Лариса Владимировна)
ШУЛЬГА Ольга Алексеевна	Студентка II курса Севастопольского филиала Саратовского государственного социально-экономического университета (научн. руководитель – преподаватель Севастопольского филиала Саратовского государственного социально-экономического университета Арутюнян Лариса Владимировна)

Научное интернет-издание

Избранные статьи по материалам докладов, прочитанных в секции «Новая и новейшая история России и стран Причерноморья» на VIII Международной научной конференции «Лазаревские чтения» в 2010 году / под общей редакцией В.И. Кузицина.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА:

С.Б. ФИЛИМОНОВ, Ю.Г. ВИКТОРОВ, В.В. ХАПАЕВ

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Дизайн, макет и верстка выполнены
в историко-археологической лаборатории
кафедры истории и международных отношений
Филиала МГУ в г. Севастополе**

**Подписано к публикации 27.01.11 г.
Формат 70 x 108 1/16
Объем 17,5 п.л., уч. изд. л. 5,8.
Распространяется через сеть Интернет**

